

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890

№ 2.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово на день Рождества Христова. Свящ. <i>А. Балановскаго</i>	57—62
Къ вопросу о способахъ обученія въ нашихъ школахъ. Профессора Кіевской Духовной Академіи <i>П. Линицкаго</i>	63—88
Воспоминанія священника Православной Церкви Д-ра о. Владимира Гетте, бывшаго священникомъ римской церкви (продолженіе). <i>К.</i>	89—114
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Историческій очеркъ ученій о красотѣ и искусствѣ (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи. <i>Е. Амфитеатрова</i>	58—84
О благотѣніяхъ («De Beneficiis»). Л. Аннея Сенени къ Эбуцію Либералію (продолженіе). *.*	85—108
III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Отъ Харьковской духовной консисторіи.—Отчетъ о состояніи Харьковского Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1888/89 учебный годъ (окончаніе). — Свидѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи за вторую половину 1889 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №
Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая улица, Гостиный дворъ, № 45.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Января 31 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

СЛОВО

НА ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

*Слава въ вышнихъ Богу и на зем-
ли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе*
(Лук. 2, 14).

Нынѣшній нашъ праздникъ, благочестивые христіане, посвященъ воспоминанію такого событія, равнаго которому, по важности для всѣхъ людей, не знаетъ исторія, — мы празднуемъ Рождество Христова. Необычайную важность этого событія лучше всего изображаютъ слова ангельской пѣсни, которую мы всѣ знаемъ. «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе», — такъ поется эта св. пѣснь. Господь Іисусъ Христосъ, плотию родившійся отъ Дѣвы Маріи, по наитію Духа Святаго, водворилъ между людьми миръ и Божіе благоволеніе: таковъ глубокой смыслъ этой св. пѣсни. Вникнемъ же, братіе, въ этотъ смыслъ и раскроемъ его подробнѣе, для собственнаго назиданія, которое такъ прилично нынѣшнему священному дню и такъ потребно въ нашъ многмятежный вѣкъ.

Дѣйствительно ли Христосъ принесъ миръ людямъ и гдѣ — этотъ миръ? — вотъ вопросъ, который часто слышится въ наше время. Если Христосъ низвелъ на людей Божіе благоволеніе, то на чемъ отражается это благоволеніе, — говорятъ намъ, вѣрующимъ въ Бога и Христа, сыны нынѣшняго вѣка, удручаемые сомнѣніемъ. И теперь, какъ и до пришествія Хри-

ста на землю, враждуютъ между собою народы, семейства и отдѣльныя лица; и теперь разнаго рода бѣдствія, страданія, болѣзни удручаютъ человѣческій родъ не меньше, чѣмъ въ древнія времена, до прішествія Христа. Гдѣ же миръ Христовъ? гдѣ Его благоволеніе къ людямъ?

Да не смутится кто-либо изъ васъ, благочестивые христіане, такими рѣчами людей, утратившихъ вѣру въ Бога и Христа! Христосъ, дѣйствительно, принесъ миръ на землю и даруетъ его каждому, ищущему и желающему его отъ всего сердца. Скажите, развѣ не вливаетъ благодатнаго мира въ сердца наши то убѣжденіе нашей вѣры, что жертва за грѣхи наши уже принесена Христомъ на Крестѣ, на горѣ Голгоѣ, и удовлетвореніе за преступленія наши уже дано предъ судомъ правды Божіей? А это убѣжденіе, умиротворяющее нашу совѣсть, внушено намъ Христомъ и воспитано въ насъ Его св. ученіемъ и таинствами Его Св. Церкви. Правда, этотъ миръ, какъ внутреннее убѣжденіе нашей совѣсти, невидимъ для посторонняго глаза: но онъ жветъ въ душѣ вѣрующаго христіанна и налагаетъ особую печать на все его поведеніе, которое могутъ наблюдать и другіе. И мы видимъ въ сонмѣ св. угодниковъ Божіихъ многочисленныя образцы того, какъ жили и могутъ жить истинно-вѣрующіе христіане. Жизнь ихъ не была лишена многихъ скорбей; но въ скорбяхъ ихъ ободряла вѣра во всегдашній покровъ всеблагаго Провидѣнія; они не были избавлены и отъ тяжелой борьбы со зломъ и съ начальникомъ зла—дѣволомъ, но въ этой борьбѣ ихъ поддерживала теплая молитва къ Богу и сладостная надежда—быть услышаннымъ благовременно; сознаніе своей нравственной помощи не повергало ихъ въ отчаяніе, не доводило до малодушія; но движимые этимъ сознаніемъ, съ надеждой на всепрощающую любовь Господа Іисуса Христа, они тѣмъ чаще исповѣдывали свои немощи предъ служителемъ Христовымъ, и чрезъ него, въ Таинствѣ Покаянія, принимали очищеніе и свободу совѣсти, миръ душевный и нравственное подкрѣпленіе для новыхъ подвиговъ добродѣтели. Говорятъ, что лучшимъ испытаніемъ нравственнаго достоинства человѣка служатъ чувства, съ какими онъ умираетъ. Но

кто же еще умиралъ лучше, чѣмъ умѣли умирать истинные послѣдователи Христа, — съ кроткимъ выраженіемъ лица, съ тихой, благодарной молитвой на устахъ? «Слава Богу!» «да будетъ воля Твоя, Господи!» — таковы обыкновенно послѣдніе вздохи христіанскихъ подвижниковъ, завершавшіе ихъ мирное земное поприще. Откуда этотъ невозмутимый миръ, это тихое веселіе на закатѣ послѣдняго дня? Не ясно ли, что это кроткое, но прочное настроеніе души есть плодъ того христіанскаго убѣжденія, что смерть есть лишь переходъ къ вѣчной и лучшей жизни? И знайте, благочестивые христіане, что этотъ миръ души человѣкъ обрѣтаетъ именно только во Христѣ; что въ жизни безъ Христа нѣтъ покоя совѣсти, а есть лишь терзаніе ея, безнадежность, отчаяніе. Такъ, язычники, не знавшіе Христа, при всѣхъ успѣхахъ въ умственномъ просвѣщеніи, въ художествахъ, въ накопленіи благъ земныхъ, не могли найти себѣ покоя души. Они не имѣли понятія ни о возможности нравственнаго очищенія отъ грѣха, ни о примрениіи съ Богомъ, ни о лучшей загробной жизни. Рокъ или судьба, въ которую они вѣровали, вмѣсто милосерднаго Провидѣнія, казалась имъ злой и неумолимой, способной лишь гнать и казнить человѣка, а не миловать и прощать въ случаѣ невольнаго паденія. Они вѣрили въ загробную жизнь; но она казалась имъ столь безотрадной, что каждый изъ нихъ лучше желалъ влачить самую жалкую участь здѣсь, на землѣ, чѣмъ быть первымъ, какъ они говорили, въ «царствѣ тѣней», т. е. за гробомъ. Смерть, поэтому, всегда казалась имъ величайшимъ зломъ; хотя и жизнь, отъ угрызеній совѣсти и безнадежнаго отчаянія, часто бывала столь невыносимой, что язычникъ нерѣдко говорилъ, что лучше бы ему совсѣмъ не родиться. Но еще безотраднѣе, еще безпокойнѣе бываетъ душевное состояніе тѣхъ, которые, хотя родились въ христіанствѣ, знаютъ о Христѣ и Его ученіе, но не вѣруютъ въ Него, а иногда даже уничижаютъ Его ученія. Такихъ людей въ нашъ вѣкъ, къ прискорбію, стало появляться множество, и нерѣдко — даже въ средѣ благочестивыхъ семействъ. Кипчасъ своимъ умственнымъ развитіемъ, иногда, дѣйствительно, обширнымъ, они отвергають вѣру въ Провидѣніе, въ безсмер-

тіе души, въ будущее воздаяніе за грѣхъ. Но что же?—вкушаютъ ли они сладость того душевнаго мира, который свойственъ совѣсти вѣрующаго христіанина? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы получаемъ, братіе, въ томъ чрезвычайномъ умноженіи случаевъ самоубійствъ, которое теперь всѣмъ очевидно и всѣмъ тягостно. И замѣчательно, что къ самоубійству чаще всего прибѣгаютъ именно люди съ значительнымъ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ. Значить, одно умственное образованіе, безъ вѣры въ Бога, безъ надежды на спасеніе во Христѣ, не даетъ имъ твердой опоры въ минуты тяжкаго испытанія жизни, въ часы горькаго разочарованія людьми и собой. Можно ли говорить о мирѣ душевномъ у этихъ истинно несчастныхъ людей? Можно ли говорить о мирѣ душевномъ тамъ, гдѣ человекъ, потерявъ вѣру и въ Бога, и въ людей, и въ себя самого, безъ просвѣта надежды, подъ гнетомъ тупого отчаянія, иногда съ проклятіемъ на устахъ, налагаетъ на себя руку?...

Братіе христіане! Христось завѣщалъ намъ Свой миръ какъ Самъ Онъ говорилъ ученикамъ Своимъ, при разлукѣ съ ними здѣсь на землѣ: *«Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ»* (Іоан. 15, 27). И каждый, искренно вѣрующій во Христа, носитъ этотъ миръ въ своей душѣ. Пусть же каждый и хранитъ этотъ миръ въ себѣ, въ полной ненарушимости; пусть бережетъ этотъ драгоценный завѣтъ Христовъ, какъ залогъ благополучія земнаго, какъ ручательство спасенія вѣчнаго! Но пусть никто не ограничивается только заботой о себѣ! Христось посѣялъ въ насъ сѣмя мира не личнаго только, но и семейнаго, и общественнаго. Будемъ же, братіе, не только въ себѣ самихъ, въ своихъ душахъ, хранить это сѣмя, но и возвращать его въ присныхъ нашихъ и въ ближнихъ нашихъ!

Христось благоволилъ основать миръ семьи на чувствахъ взаимной любви и уваженія, взаимнаго довѣрія, согласія и вѣрности до гроба между супругами; заповѣдывалъ дѣтямъ любовь и послушаніе къ родителямъ, а родителямъ—любовь къ дѣтямъ и заботу о добромъ воспитаніи этой святыни, довѣренной имъ Богомъ. И благодареніе Господу! среди насъ есть много и много семействъ, гдѣ свято блюдетъ этотъ завѣтъ Христовъ. Но кому теперь неизвѣстно, какъ часто повто-

ряются теперь случаи самовольнаго расторженія брачныхъ узъ, когда мужъ оставляетъ жену, а жена покидаетъ мужа, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, чаще всего по влеченіямъ нечистой похоти? А при такомъ расторженіи можно ли думать о мирѣ семейномъ, о добромъ воспитаніи и наученіи дѣтей? Кто не слышитъ теперь постоянныхъ жалобъ родителей на то, что дѣти выходятъ изъ послушанія; что они непочтительны и неуважительны къ старшимъ; платятъ обидами, оскорбленіями и черною неблагодарностію за данное имъ, посильное воспитаніе? Не будемъ, братіе, посылать незаслуженные упреки нашему времени; но не станемъ и скрывать отъ себя истину! Раздоры и нестроеніе въ современныхъ семьяхъ такъ велики и часты, что всѣ мы видимъ ихъ воочію, и не только видимъ, — мы какъ будто даже стали привыкать къ нимъ, какъ будто стали мириться съ ними, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ семейной жизни. А между тѣмъ, это зло такъ велико, что молодые люди, или дѣйствительно боятся вступать въ супружество, или находятъ въ семейныхъ раздорахъ предлогъ уклоняться отъ законнаго супружества. А въ современной жизни общественной царствуетъ ли ненарушимо миръ Христовъ? Въ залогъ общественнаго мира Христосъ оставилъ намъ божественное ученіе о томъ, что всѣ мы — братья во Христѣ; что общій намъ отецъ есть Отецъ Небесный; что, поэтому, всѣ мы обязаны питать другъ къ другу братскую любовь, — обязаны помогать другъ другу, заботиться другъ о другѣ, даже съ пожертвованіемъ своихъ личныхъ выгодъ на пользу общую. И вотъ, животворное слово Христово о всеобщемъ братствѣ, о взаимной благожелательности и услужливости — стало самымъ дѣломъ въ средѣ истинно вѣрующихъ христіанъ, къ назиданію и пользѣ даже и не принадлежащихъ къ Церкви Христовой. Сколько было и есть въ христіанскихъ странахъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій, — для вдовъ и сиротъ, для престарѣлыхъ и больныхъ, для увѣчныхъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ! А сколько дѣлалось и дѣлается во имя Христова частныхъ одолженій и услугъ, внѣ общественныхъ благотвореній! Да и каждый изъ насъ, братіе, не считаетъ ли долгомъ своей христіанской со-

вѣсти протянуть руку помощи нуждающемуся брату? Но духъ невѣрія и отрицанія не нарушаетъ ли въ нынѣшнее время мира общественнаго? Не осмѣиваетъ ли онъ нашей христіанской благотворительности, укоряя ее въ потворствѣ, праздности, лѣлости, тунеядству? Не подрываетъ ли онъ въ общественномъ сознаніи отрадной мысли о всеобщемъ братствѣ, распространеніемъ свирѣпаго ученія о всеобщей борьбѣ за существованіе, исключаящей всякія любовныя, добрыя побужденія въ человѣкѣ и усиливаящей въ немъ темныя побужденія звѣрства? И каковы плоды этого ученія въ нашей общественной жизни? Всѣмъ намъ, безъ сомнѣнія, памятно еще то смутное время, когда въ нѣмомъ ужасѣ мы должны были видѣть примѣненіе этого ученія на дѣлѣ; памятны и эти взрывы, посредствомъ динамита, и эти убійства охранителей общественной тишины и порядка, среди бѣла дня, на улицахъ, или даже въ тишинѣ ихъ собственныхъ жилищъ. То было тяжелое, удручающее время, когда казалось, что человѣкъ человеку уже не братъ, а волкъ; оно миновало, и дай Богъ, чтобы оно не повторялось въ нашемъ отечествѣ!

Но для этого нужно, братіе, уничтожить и самый корень этой духовной заразы, а корень находится въ оскудѣніи вѣры, въ отчужденіи отъ Бога, въ поспраніи основныхъ началъ жизни, заповѣданныхъ Христомъ. Христосъ открылъ намъ тайну нашего примиренія съ Богомъ, — будемъ же хранить въ себѣ вѣру, что это примиреніе, дѣйствительно, совершено Имъ, Спасителемъ нашимъ, и тогда найдемъ покой душамъ нашимъ. Христосъ даровалъ намъ и залогъ мира семейнаго и мира общественнаго, — будемъ же строго блюсти заповѣди супружеской вѣрности и согласія, братской любви и уваженія къ ближнимъ, — насадимъ и возрастимъ эти правила жизни въ дѣтихъ нашихъ, внушимъ ихъ, какъ дорогой завѣтъ, нашему потомству, и тогда мы обеспечимъ миръ въ нашей семьѣ, миръ въ обществѣ и отечествѣ. Тогда-то, и только тогда, мы будемъ съ чистой совѣстію воспѣвать эту ангельскую пѣснь: Слава Всевышнему, что на землѣ миръ и къ людямъ благоволеніе! Аминь.

Свящ. А. Балаховскій.

КЪ ВОПРОСУ

0

СПОСОБАХЪ ОБУЧЕНІЯ ВЪ НАШИХЪ ШКОЛАХЪ.

Каково бы ни было назначеніе школы выходящее за ея предѣлы, ближайшая цѣль, постоянно осуществляемая въ самой школѣ, есть *обученіе*. Средствами обученія служатъ съ одной стороны учебники, а съ другой—преподаваніе учителя, которое должно быть для обучаемыхъ пособіемъ и руководствомъ къ наилучшему усвоенію изложеннаго въ учебникѣ. Какъ средства, служащія одной цѣли—способствовать для обучаемыхъ усвоенію предмета науки,—и учебникъ и преподаваніе наставника должны быть въ строгомъ соотвѣтствіи между собою. Но такъ ли это на дѣлѣ? Если это и бываетъ, то развѣ какъ особый случай, зависящій, напр., отъ свойствъ преподаваемаго предмета, но не какъ правило, обязательное въ отношеніи ко всякому преподаваемому предмету. Обыкновенно признается, что обученіе не должно быть механическимъ, и едва ли найдется такой преподаватель (въ средней школѣ) который бы не считалъ прямымъ своимъ дѣломъ—способствовать *умственному* развитію учащихся; да и вообще обученіе такъ понимается,—именно: какъ образованіе умственныхъ силъ, какъ процессъ умственнаго развитія. Между тѣмъ господствующій въ учебникахъ способъ изложенія предмета науки рассчитанъ повидимому на то, чтобы обученіе обратить въ дѣло совершенно *механическое*. Обученіе есть дѣло механическое, когда оно состоитъ въ усвоеніи учебнаго матеріала

одною лишь памятью; напротивъ, обученіе становится органическимъ, когда дѣйствующею въ процессѣ обученія силою служитъ главнымъ образомъ мышленіе, разумокъ, а не одна лишь память. Скажутъ пожалуй, — зачѣмъ же раздѣлять память отъ разсудка, не предполагается ли само собою участіе какъ той, такъ и другой способности при усвоеніи учебнаго матеріала? Дѣло въ томъ, что условія усвоенія памятью извѣстнаго предмета вовсе не тѣ, что требуются при усвоеніи того же предмета разсудкомъ, или мышленіемъ. Всякому понятно, что тѣмъ легче заучивается урокъ, чѣмъ онъ короче; поэтому, при заучиваніи каждое отдѣльное предложеніе много разъ повторяется, — затверживается отдѣльно отъ другихъ, и весь урокъ такимъ образомъ разбивается на мелкія части, хотя бы то была связанная и цѣльная рѣчь. Не поэтому ли изложеніе предмета науки въ учебникахъ обыкновенно представляетъ пеструю картину дѣленій и подраздѣленій, столь дробныхъ, что логическая связь, единство руководящей мысли, рѣшительно отсутствуетъ, а вмѣсто того мы видимъ механической подборъ положеній. Этимъ до крайности упрощается составленіе учебниковъ: стоитъ лишь разбить собранный матеріалъ на требуемое количество рубриковъ, приспособить дѣленіе къ назначенному количеству уроковъ, — и задача исполнена; о выдержанности тона или настроенія въ самомъ изложеніи (стиля), о цѣльности и единствѣ содержанія нѣтъ нужды заботиться. Въ сущности способъ составленія и изложенія учебниковъ доселѣ остается схоластическій, хотя понятія объ обученіи и вообще о школьномъ дѣлѣ уже давно и существеннымъ образомъ измѣнились. Подъ вліяніемъ этихъ понятій несомнѣнно измѣнится современемъ и самый способъ изложенія въ учебникахъ, а пока механической способъ обученія упорно держится въ школахъ какъ наиболѣе удобный въ практическомъ отношеніи. Если-бы преподаватель сталъ требовать отъ учениковъ исполнѣнія сознательнаго и отчетливаго усвоенія учебнаго матеріала, то а) немногіе оказались бы къ тому способными, тогда какъ учить на память каждый болѣе или менѣе способенъ; б) и самому учителю пришлось бы тогда постоянно вдумываться въ свое дѣло, соображать, приспособляться,

иначе сказать,—учиться дѣлать свое дѣло, а много ли можетъ быть такихъ учителей, да и есть ли для этого время? Однакожь съ другой стороны и негодность механическаго способа обученія давнымъ давно уже признана и разъяснена. Въ среднѣе вѣка очевидная нелѣпость подобной системы доходила до того, что послѣ длиннаго ряда годовъ, проведенныхъ въ обученія, ученикъ оказывался столь же мало смыслящимъ, какъ бы вовсе ничего не учился и даже того хуже. Извѣстно, что въ новое время мало по-малу всюду стали прилагать идею *развитія* и все подчинять этой идеѣ. Подъ вліяніемъ этой идеи и у насъ возникло стремленіе низвергнуть во что бы то ни стало уже давно осужденную систему механическаго обученія. Какимъ образомъ дѣло столь важное и сложное иначе поставить, и можетъ ли оно быть преобразовано вдругъ, надъ этимъ не особенно задумывались. Какъ сами учителя достигали своего *умственнаго развитія* посредствомъ чтенія журналовъ и книгъ, бывшихъ въ ходу, такъ и учениковъ они хотѣли вести по тому же пути; учебники были заброшены; вмѣсто ученія занимались чтеніемъ книгъ и собесѣдованіями. Удивительно ли, что объ учителяхъ, претендующихъ на то, чтобы развивать, и о развивающемъ ученіи теперь многіе иначе не говорятъ какъ въ ироническомъ тонѣ? И снова все пошло по старому: механическая система, какъ наиболѣе удобная въ практическомъ отношеніи, вездѣ торжествуетъ; преподаватели мѣряютъ свой трудъ количествомъ времени, употребляемаго на обученіе, а не результатами обученія, начальство требуетъ, чтобы преподаваніе велось по напередъ заготовленнымъ программамъ; ученики объ томъ только помышляютъ, чтобы добыть потребное количество балловъ; лучшимъ и способнѣйшими считаются, какъ всегда и прежде было, тѣ у кого счастливая память. Теперь много говорятъ объ умственномъ переутомленіи; дѣйствительно, чтобы быть исправнымъ ученикомъ, требуется немалое труда, но труда болѣе механическаго, чѣмъ умственнаго, а потому переутомленіе, если оно есть, происходитъ лишь отъ того, что умъ остается въ бездѣйствіи при исполненіи заданной работы; занятіе, не заключающее въ себѣ никакого умственнаго интереса, всегда скоро уто-

мляется. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать и того что обученіе не можетъ сдѣлаться вдругъ живымъ и плодотворнымъ. Это дѣло такое, которое можетъ усовершенствоваться только постепенно и крайне медленно, а чтобы оно дѣйствительно улучшалось, хотя бы и медленно, по непрерывно и послѣдовательно, для этого нужно его постоянно изучать и практически и теоретически. Это безъ сомнѣнія и дѣлается многими изъ представителей учебнаго дѣла; по крайней мѣрѣ приходится видѣть въ печати не мало сочиненій по части методикъ той или иной науки; издаются педагогическіе журналы, разрабатывается дидактика—наука объ обученіи. Значитъ, хотя бы школьное дѣло и было въ общемъ неутѣшительно, но по крайней мѣрѣ оно на пути къ лучшему; здравыя понятія объ этомъ дѣлѣ все болѣе распространяются, а отчасти, должно полагать, и осуществляются на практикѣ. Если только учебное дѣло не стоитъ и не ухудшается, напротивъ улучшается, а предполагать это послѣднее есть основанія,—тогда всего лучшаго нужно ждать отъ его естественнаго роста, и остается только желать, чтобы все дѣлалось потребное именно въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ содѣйствія, а не препятствованія свободному возрастанію и усовершенію учебнаго дѣла. Немаловажною задачею въ составѣ этого многосложнаго и многотруднаго дѣла слѣдуетъ признать разработку *дидактики*. Хотя дидактика и есть наука объ обученіи, однако нельзя сказать что бы она занималась изслѣдованіемъ этого предмета во всемъ его объемѣ. Приходится встрѣчать разсужденія и изслѣдованія о преподаваніи разныхъ наукъ, но почти ничего не говорится о методахъ изложенія научнаго матеріала въ учебникахъ. Существуютъ ли какія-либо правила для составленія и критики учебниковъ? Кажется, такихъ правилъ нѣтъ, а приходится въ такомъ важномъ дѣлѣ руководиться условными соображеніями практическаго свойства. Составитель руководства не знаетъ, чего отъ него потребуютъ, какъ посмотрятъ на составленное имъ руководство, и всегда рискуетъ потерять даромъ время и трудъ. Критикъ тоже не знаетъ, на что ему слѣдуетъ преимущественно обращать вниманіе, а потому рецензіи ограничиваются болѣею частію указаніемъ мелкихъ прома-

ховъ, недосмотровъ, да разсужденіями о пригодности или непригодности того или иного способа изложенія для учениковъ, всегда болѣе или менѣе гадательными и произвольными, пока не сдѣлано опыта, безъ котораго нельзя рѣшать съ увѣренностію подобныхъ вопросовъ. Почему же дидактика не занимается изслѣдованіемъ методовъ изложенія учебнаго матеріала въ учебникахъ? Нужно знать прежде всего чтѣ такое дидактика. Если обученіе слѣдуетъ признать искусствомъ, то дидактика есть теорія искусства, а какъ теорія искусства дидактика очевидно не можетъ быть вполнѣ самостоятельною наукою, опирающеюся на собственныхъ основаніяхъ, а можетъ быть только наукою прикладною. Откуда же ей заимствовать для себя необходимыя основанія? Не изъ психологіи ли? Къ психологіи дѣйствительно дидактика обращается за помощію прежде всего. Но психологія можетъ лишь указать условія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ или безуспѣшность данныхъ методовъ обученія; опредѣлить же, каковы должны быть самыя методы, психологія не можетъ, ибо никакихъ нормъ она не устанавливаетъ, занимаясь только изслѣдованіемъ и разъясненіемъ психическихъ фактовъ. Установленіе нормъ или правилъ составляетъ особую задачу наукъ, изслѣдующихъ разные виды дѣятельности человѣческой, каковы, напр., *этика, эстетика, логика*. А такъ какъ научныя методы вообще нормируютъ дѣятельность мышленія, то ясно, что дидактика, насколько въ ея область входитъ разсмотрѣніе методовъ обученія, должна основываться на логикѣ какъ наукѣ о мышленіи. Это такъ ясно и очевидно, что съ перваго взгляда кажется страннымъ, почему дидактика больше занимается психологіей, чѣмъ логикой, и отъ первой скорѣе ожидаетъ для себя помощи и руководства чѣмъ отъ послѣдней? Впрочемъ и съ психологіей, дидактика имѣетъ пока такъ же мало связи какъ и съ логикой; на психологію много обращается вниманіе, но связь дидактики съ психологіей должнымъ образомъ еще не установлена. Дѣло въ томъ, что обученіе всегда формировалось путемъ чисто практическимъ, безъ помощи какихъ бы то ни было теорій. Но когда несостоятельность схоластической системы обученія сдѣлалась очевидною, чтѣ опять-таки было результатомъ практики,

а не теоріи,—и явилось желаніе поставить дѣло обученія болѣе рационально, то прежде чѣмъ возможно было опредѣлпть общія основанія этого дѣла, уже было ясно, какова должна быть главная цѣль обученія. Цѣль эта сама собою опредѣлялась чрезъ примѣненіе къ дѣлу обученія идеи развитія: ближайшею цѣлью обученія должно быть умственное развитіе; положеніе это просто и очевидно; противъ него нельзя спорить; а какъ скоро цѣль опредѣлена, то уже самое понятіе о цѣли ведетъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ и относительно средствъ осуществленія цѣли. Не въ томъ ли состоитъ развитіе, что малое дѣлается болѣшимъ, простое и элементарное становится сложнымъ? Поэтому и обученіе, чтобы соотвѣтствовать идеѣ развитія, должно состоять въ постепенномъ переходѣ отъ простаго и элементарнаго къ сложному, отъ легчайшаго къ труднѣйшему. А легчайшимъ для обучаемаго конечно слѣдуетъ признать то, съ чѣмъ онъ уже съ первыхъ годовъ жизни болѣе или менѣе освоился, т. е. весь кругъ представленій, относящихся къ обычной бытовой обстановкѣ. На этомъ основаніи лучшимъ способомъ преподаванія считается такъ называемое наглядное обученіе. Но обученіе посредствомъ наглядныхъ примѣровъ не есть собственно методъ, а только вспомогательное средство метода; не въ наглядныхъ примѣрахъ существо дѣла, а въ искусномъ употребленіи ихъ; но пользоваться какъ слѣдуетъ наглядными примѣрами съумѣетъ только тотъ, кто уже обладаетъ правильнымъ методомъ. Такъ какъ по идеѣ развитія начинать нужно съ легчайшаго, то вотъ почему дидактика главное вниманіе обращала на то, чтобы сдѣлать по возможности легкимъ самое начало обученія, т. е. обученіе *чтенію, письму и счету*; учитель народной школы оказывался, такимъ образомъ, представителемъ новыхъ идей въ дѣлѣ обученій, призваннымъ реформировать школьное дѣло; осуществить идею развивающаго обученія; отсюда—идеализація народнаго учителя. Не обращалось вниманія на то, что первоначальное ученіе по необходимости есть дѣло механическое; слѣдовательно, о развитіи тутъ не можетъ быть рѣчи, а только о возможномъ облегченіи труда, о томъ, чтобы намѣренно и безъ нужды не увеличивать трудностей, съ ко-

торыми соединены первые шаги ученія. На самомъ же дѣлѣ къ тому именно и приводило неумѣренное и безразсудное примѣненіе нагляднаго обученія, чего хотѣли избѣгнуть; вмѣсто упрощенія и облегченія, первоначальное обученіе, въ особенности счету и ариѳметикѣ, на самомъ дѣлѣ до крайности усложнялось и затруднялось тѣми методическими приѣмами, которые для этого предлагались. Равно при упражненіяхъ въ чтеніи и при усвоеніи учащимися разныхъ элементарныхъ понятій предлагалось разъяснять и анализировать вещи и безъ того понятныя и не требующія объясненій, а чрезъ то обученіе обращалось въ дѣло крайне скучное и утомительное. Отъ психологіи при этомъ тоже не могло быть много пользы для дидактики, такъ какъ къ психологіи обращались лишь за подтвержденіемъ предвзятыхъ идей и для того только, чтобы удовлетворить тому, также апріорному требованію, что нужно знать природу и свойства души человѣческой, дабы съ успѣхомъ дѣйствовать на нее и способствовать развитію ея силъ. Обращаясь къ помощи психологіи, хотя и безъ определенныхъ понятій о томъ, въ чемъ должна состоять эта помощь, дидактика не оставляла безъ вниманія и *логику*. Напротивъ, есть руководства по педагогикѣ и дидактикѣ, гдѣ излагаются, кромѣ свѣдѣній психологическихъ, ученія о логическихъ формахъ и законахъ, но связь дидактики съ логикою, какъ и психологіею, остается неясною, ибо дидактика, можно сказать, вовсе не разрабатывается теоретически, т. е. строго научнымъ образомъ, какъ это очевидно изъ того, что самыя основанія этой науки точно не установлены. Къ тому же въ самой логикѣ мы находимъ разработку методовъ изслѣдованія (индуктивный и дедуктивный методы), но мало вниманія обращается на вопросъ о *методахъ* или, иначе, о *систематическихъ формахъ изложенія*,—вопросъ, имѣющій важное значеніе при составленіи и критическомъ разборѣ учебниковъ. Что на вопросъ о методахъ изложенія не обращалось должнаго вниманія,—это легко объяснить. Для философовъ, у которыхъ мы находимъ разработку вопросовъ логики, конечно наибольшую важность имѣли методы изслѣдованія, а не изложенія (Платонъ, Аристотель, Бэконъ, Декартъ), такъ какъ из-

ложение, будучи лишь воспроизведеніемъ изслѣдованія, для нихъ просто совпадало съ порядкомъ самого изслѣдованія. Значитъ, и повода не было задаваться вопросомъ объ особыхъ методахъ изложения. Только въ школьной практикѣ ясно выступаетъ различіе между изслѣдованіемъ и изложениемъ, ибо предметомъ преподаванія обыкновенно служатъ *результаты* добытые изслѣдованіемъ, а не самое изслѣдованіе; изложение предмета науки, предназначенное для обученія, не можетъ быть простымъ воспроизведеніемъ самого изслѣдованія этого предмета уже и потому, что изслѣдованіе большею частію имѣетъ частный характеръ, касаясь одной какой-либо стороны предмета; для цѣлей же обученія необходимо систематическое изложение знаній, добытыхъ въ разное время и относящихся къ разнымъ сторонамъ предмета науки. Но какъ уже сказано, способы или формы изложения учебнаго матеріала всегда устанавливались путемъ практическимъ, а не на основаніи теоретическихъ изслѣдованій; къ тому же логической стороны вопроса не раздѣляютъ обыкновенно отъ словесной, а потому и установленіе правилъ о различныхъ формахъ или способахъ изложения считается дѣломъ теоріи словесности, хотя и самая теорія словесности для вывода таковыхъ правилъ не можетъ имѣть иныхъ какихъ-либо основаній теоретическаго характера, кромѣ логическихъ, т. е. должна заимствовать эти основанія изъ логики.

Нельзя не признать важности вопроса о методахъ изложения и съ чисто логической точки зрѣнія. Основаніе для того, чтобы различать методы изложения отъ методовъ изслѣдованія научнаго, можно сказать, заключается уже въ элементарныхъ формахъ мышленія. Такими формами признаются обыкновенно: *понятіе*, *сужденіе* и *умозаключеніе*. Первая изъ этихъ формъ существенно различается отъ двухъ остальныхъ. *Понятіе* имѣетъ тѣсную связь съ представленіемъ и не рѣдко даже прямо называется *представленіемъ*; тѣмъ не менѣе понятіе не то же что представленіе. О *представленіи* можно сказать, что оно есть форма *чувственнаго* сознанія, понятіе же должно быть признано формою *умственного* сознанія; формою мышленія понятіе конечно только потому обыкновенно признается,

что оно является всегда результатомъ предварительныхъ дѣйствій мышленія, но будучи результатомъ дѣйствій мышленія, оно не есть однако непосредственное выраженіе таковыхъ дѣйствій, между тѣмъ какъ это именно значеніе имѣютъ безспорно *сужденіе* и *умозаключеніе*. И сужденіе и умозаключеніе есть непосредственное выраженіе актовъ мышленія, а потому какъ само мышленіе есть *дѣятельность*, такъ и эти формы мышленія имѣютъ характеръ *процесса*, какъ бы *умственного движенія* отъ одного пункта къ другому; понятіе же означаетъ собою завершеніе мыслительнаго процесса; образованіемъ понятія движеніе мышленія заканчивается, такъ какъ дѣйствіе мышленія (различеніе и сочетаніе, анализъ и синтезъ), выраженіемъ которыхъ служатъ сужденіе и умозаключеніе, направлены именно къ этой цѣли; понятіе, уже образованное, можетъ служить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго движенія мысли, но опять же цѣлью этого движенія служитъ усовершеніе даннаго понятія, преобразование, или, что почти то же, образованіе новаго. И такъ, не безъ основанія Платонъ различалъ мышленіе (*διάνοια*) отъ умственного созерцанія (*νοῦς*), а объектомъ и вмѣстѣ формою ума онъ признавалъ понятіе.

На основаніи предыдущаго можно такъ опредѣлить значеніе съ одной стороны *представленія* и *понятія*, а съ другой—*сужденія* и *умозаключенія*. Представленіе и понятіе суть формы *усвоенія* предметнаго содержанія, при чемъ представленіе есть форма преимущественно *пассивнаго*, а понятіе—форма *активнаго* усвоенія,—сужденіе же и умозаключеніе составляютъ формы выраженія, или, пожалуй, изложенія усвоеннаго содержанія, при чемъ сужденіе соотвѣтствуетъ представленію, а умозаключеніе—понятію; умозаключеніе есть форма *разсужденія*, предполагающая собою понятіе о предметѣ. Должно быть такое же различіе и между систематическими формами мышленія. Дѣйствительно, есть методы изслѣдованія (дедуктивный и индуктивный), посредствомъ которыхъ мы умственно усваиваемъ данные для познанія предметы науки. Но по мѣрѣ того какъ возрастаетъ и расширяется познавательная дѣятельность, является необходимость, для передачи дру-

гимъ, привести въ систематическую связь и представить какъ одно цѣлое то, что добыто научнымъ изслѣдованіемъ въ известной области. Ясно, что должны быть формы или методы систематическаго изложенія добытыхъ научнымъ изслѣдованіемъ познаній. Какія логическія основанія мы имѣемъ для опредѣленія этихъ формъ?

Обратимся снова къ элементарнымъ формамъ мышленія. Выше сказано, что сужденіе,—какъ форма мышленія, соотвѣтствуетъ представленію (какъ формѣ сознанія). По различію представленій, выражаемыхъ въ формѣ сужденія, и самыя сужденія, въ систематическомъ видѣ, получаютъ различный характеръ, именно: если общую черту представленій выражаемыхъ или излагаемыхъ нами, составляетъ чувственное созерцаніе *пространственныхъ отношеній*, то и самыя сужденія, выражающія такого рода представленія, получаютъ видъ *описанія*. Отсюда методъ изложенія *описательный*. Для тѣхъ же представленій, отъ которыхъ неотдѣлимо созерцаніе времени,—соотвѣтственною формою выраженія служитъ *повѣствованіе*. Отсюда *повѣствовательный* методъ изложенія. Большимъ разнообразіемъ и сложностію отличаются формы выраженія *понятій*, такъ какъ понятія и по происхожденію различаются (есть понятія эмпирическія и умозрительныя), различаются и по способу представленія ихъ нашимъ сознаніемъ,—они мыслятся либо сами по себѣ, отвлеченно, либо въ связи съ предметами, къ которымъ относятся. Эмпирическія понятія, которыя образуются чрезъ отвлеченіе общихъ признаковъ, служатъ основаніемъ для распредѣленія обнимаемыхъ ими предметовъ на отдѣльныя группы, что называется *классификаціей*. Отсюда формою изложенія таковыхъ понятій служатъ системы *классификаціонныя*. Съ другой стороны, наблюдая перемѣны происходящія въ разныхъ областяхъ эмпирической дѣйствительности, мы образуемъ общія понятія и положенія о *причинной связи* явленій, а также объ общихъ законахъ природы, и пользуемся таковыми понятіями и положеніями для *изясненія явленій* дѣйствительности. Отсюда *объяснительныя формы* изложенія. Наконецъ есть понятія умозрительныя, каковы въ особенності *математическія* (къ нимъ же примы-

каютъ отчасти и философскія понятія). Собственно принадлежашею такимъ понятіямъ формою изложенія служитъ *доказательство* (*demonstratio*). Отсюда *методъ демонстративный* ¹⁾.

Сдѣлаемъ теперь хотя бѣглую характеристику каждой изъ названныхъ формъ изложенія, а такъ какъ онѣ всѣ суть формы *систематическія*, то нужно сначала установить понятіе о *системѣ*.

Системою называется послѣдовательное сочетаніе частей, взаимно восполняющихъ одна другую и образующихъ одно цѣлое. Изложеніе систематическое есть такое, въ которомъ между послѣдовательно расположенными его частями усматривается внутренняя связь, вслѣдствіе которой эти части, вмѣстѣ взятыя, образуютъ выраженіе единого предмета, одной общей идеи. Совершенное единство и связность познанія во всѣхъ его частяхъ, даже въ отдѣльной области, есть идеальная цѣль, а не дѣйствительное состояніе или свойство знанія. Значить, не просто единство, а только сообразное съ предметомъ познанія, т. е. хотя бы и несовершенное, возможное и достижимое по роду и характеру знанія, единство составляетъ такого рода задачу, которую необходимо имѣть въ виду прежде всего при изложеніи знаній. Важно именно то, чтобы единство въ изложеніи предмета науки было сообразно съ самимъ предметомъ, а не съ какими-либо посторонними для предмета цѣлями. Изложеніе конечно можетъ имѣть различный размѣръ, оно можетъ быть и краткимъ и пространнымъ; всегда однакожъ оно должно быть во всѣхъ частяхъ сообразно съ представленіемъ предмета, взятаго въ цѣлости. Преподаваніе конечно должно сообразоваться съ умственнымъ состояніемъ и способностями обучаемыхъ, но изложеніе предмета науки въ учебникѣ должно быть сообразно единственно со свойствами самого предмета. Только такимъ образомъ въ обученіи

---

¹⁾ Понятія мы выражаемъ или въ формѣ *опредѣленія*, или въ формѣ *умозаключенія*; въ первомъ случаѣ просто указываются элементы понятія, въ послѣднемъ раскрывается связь между ними. Къ умозаключенію, какъ своей элементарной формѣ, сводятся *демонстративныя* и *объяснительныя* системы. Основною же формою *классификаціонныхъ* системъ служитъ опредѣленіе, такъ какъ и классификація есть въ сущности разграниченіе, изложеніе элементовъ опредѣленія.

заботы о правильномъ отношеніи къ обучаемымъ не будутъ наносить ущерба правильному отношенію къ предмету изучаемой науки, а послѣднее для успѣховъ обученія такъ же необходимо какъ и первое.

Чтобы сдѣлать возможнымъ обзорѣніе предмета науки, необходимымъ средствомъ къ тому служитъ *раздѣленіе*. Такое значеніе можетъ имѣть раздѣленіе тогда лишь, если оно исходитъ изъ понятія того цѣлаго, которое подлежитъ обзорѣнію и оправдывается этимъ понятіемъ, слѣдовательно, не есть механическое и произвольное, исходящее единственно изъ того соображенія, что пучекъ прутьевъ нельзя переломить, но легко сдѣлать это, раздѣливъ его на отдѣльныя прутья. Когда раздѣленіе излагаемаго предмета науки—дѣлается единственно для того, чтобы самое представленіе предмета сдѣлать раздѣльнымъ и отчетливымъ, тогда съ каждымъ послѣдующимъ шагомъ въ усвоеніи раздѣленнаго такимъ образомъ учебнаго матеріала все больше уясняется и тверже напечатлѣвается цѣлое, между тѣмъ какъ, при раздѣленіи болѣе механическомъ, чѣмъ логическомъ, рассчитанномъ единственно на то, чтобы заучивать было легче, усвояемый по частямъ матеріалъ постоянно расплывается, такъ сказать, въ сознаніи, и только насильственно можетъ быть удерживаемъ вмѣстѣ чрезъ частое повтореніе прежде пройденнаго.

Самое несовершенное единство, наиболѣе простое и первоначальное, имѣющее при томъ характеръ наглядности, есть единство заключающееся въ чувственномъ созерцаніи *пространства* и *времени*. Созерцаніе пространства служитъ основаніемъ *описательнаго* метода въ изложеніи, а созерцаніе времени служитъ принципомъ метода *поопытовательнаго*. Два эти метода должно признать первоначальными и основными, а потому съ нихъ мы и начнемъ разсмотрѣніе систематическихъ формъ или методовъ изложенія.

Все видимое въ пространствѣ, для непосредственнаго взгляда, распадается на двѣ половины: небо и землю. Отсюда двѣ главныя описательныя науки: *географія* и *космографія*.

Важное образовательное значеніе космографіи заключается въ томъ, что съ особенною убѣдительною и ясностію она

приводить къ сознанию необходимости различать кажущееся, т. е. для чувствъ являющееся, отъ дѣйствительнаго. А необходимость различать являющееся отъ дѣйствительнаго даетъ то заключеніе, что истинное положеніе вещей познается чрезъ дѣятельность умственную, а не чрезъ чувства. Однако, съ другой стороны, необходимыя данныя для заключенія объ истинной дѣйствительности мы можемъ имѣть только чрезъ чувства; при томъ же и та самая дѣйствительность, которая познается помощію критической работы ума, становится для насъ ясною лишь тогда, когда мы въ состояніи представить ее такъ какъ бы она была доступна чувствамъ, для чего мы и обращаемся къ помощи наглядныхъ изображеній. Такимъ образомъ процессъ познаванія міра, раскрываемый въ космографіи, состоитъ въ томъ, что прежде всего обращается вниманіе на непосредственно данныя чувственныя представленія о мірѣ и указывается несоотвѣтствіе таковыхъ представленій съ истинною дѣйствительностію, а въ замѣнъ отвергнутыхъ представленій, пользуясь данными изъ той же области чувственнаго опыта, наука построитъ новыя представленія, но уже чисто мысленныя, интеллектуальныя, а не чувственныя, хотя также имѣющія характеръ наглядности. Поэтому, космографія имѣетъ значеніе введенія въ систему умственнаго образованія. Наука эта не можетъ дать цѣльнаго и законченнаго представленія о мірозданіи, невозможнаго уже по причинѣ необъятности міра, а потому идея мірозданія не можетъ служить для нея объединяющимъ пачаломъ; но если чрезъ весь матеріаль космографическихъ знаній будетъ проведена мысль о необходимости преобразованія чувственныхъ представленій, дабы они были выраженіемъ истинной дѣйствительности, то систематическое единство само собою получится; понятно, что нѣтъ надобности прямо выражать таковую мысль, но въ ней должно заключаться скрытое основаніе для систематическаго изложенія космографіи.

Въ космографіи земля разсматривается только какъ одно изъ міровыхъ тѣлъ, слѣдовательно, только въ отношеніи къ другимъ міровымъ тѣламъ. Въ *географіи* она разсматривается сама по себѣ. Съ точки зрѣнія космографіи земной шаръ

есть только часть міровой системы, а съ точки зрѣнія географіи онъ есть цѣлый міръ, въ которомъ можно сказать, содержится вся познаваемая нами дѣйствительность. Задача географіи—дальнѣйшее изображеніе міровой дѣйствительности, понимаемой теперь уже въ болѣе узкомъ смыслѣ—какъ поверхность земного шара, какъ мѣсто дѣйствія міровой исторіи человѣчества. Какъ наука описательная, имѣющая своимъ предметомъ земную поверхность, географія не только начинаетъ изложеніе своего предмета общимъ обзорѣніемъ земного шара; но и каждому частнѣйшему разсмотрѣнію обыкновенно предпосылаетъ общій очеркъ обзорѣваемой части. Все ли, однако, что обыкновенно входитъ въ содержаніе географіи, можетъ быть поставлено въ связь съ общою основною идеею этой науки, т. е. съ представленіемъ земной поверхности. Обзорѣніе разностей представляемыхъ отдѣльными частями земной поверхности, какъ произведенныхъ самою природою (распредѣленіе водъ и суши, горъ и долинъ, климатъ, флора и фауна), такъ и тѣхъ, которыя хотя созданы человекомъ, но состоятъ при томъ въ связи съ мѣстными географическими условіями (торговля и промышленныя сношенія) служитъ конечно къ разъясненію и образованію общей идеи о земной поверхности. Но обозначеніе, напр., количества населенія въ цѣломъ государствѣ, или отдѣльныхъ пунктахъ онаго, само по себѣ смысла не имѣетъ; оно имѣло бы смыслъ, если бы указывалась зависимость большей или меньшей населенности отъ мѣстныхъ и климатическихъ условій. Такъ называемая политическая географія, т. е. обзорѣніе государствъ въ отношеніи политическомъ, а также въ религіозномъ, не имѣетъ связи съ главною задачею географіи—начертать пространственный образъ земли, а потому, безъ ущерба для интересовъ обученія, этого рода свѣдѣнія могли бы быть выдѣлены изъ географіи какъ учебнаго предмета. Означенныя свѣдѣнія важны въ практическомъ отношеніи, но не для цѣлей школы. Существуютъ географическія общества, предпринимаются путешествія съ учеными цѣлями въ далекія страны, а вслѣдствіе того географическія свѣдѣнія непрерывно умножаются, но наибольшая часть подобныхъ свѣдѣній имѣетъ интересъ спе-

ціальный (напр. для военныхъ, для цѣлей колонизаціи). Между тѣмъ если въ географіи нѣтъ строго определенной задачи, недостаетъ господствующей идеи, что тогда мѣшаетъ преподавателю географіи вносить въ учебникъ безъ разбора всякаго рода новыя свѣдѣнія, лишь бы относились къ области географіи? Вотъ, напр., недавно въ Бразиліи введена республика на мѣсто низвергнутой монархіи. Учитель, слѣдящій за успѣхами своей специальности, поспѣшитъ внести въ свою науку эту новость, но важно ли это знать для учениковъ съ точки зрѣнія главной задачи географіи? Если ученики не имѣютъ понятій о разныхъ формахъ государственнаго управленія, о существующихъ религіозныхъ системахъ, то какой смыслъ могутъ имѣть для нихъ свѣдѣнія, сообщаемыя политическою географіей; сама же географія не можетъ имъ дать означенныхъ понятій. Слѣдуетъ ограничивать учебникъ изложеніемъ одного лишь существеннаго, имѣющаго необходимую связь съ прямой его задачей, предоставивъ любознательности учениковъ расширеніе свѣдѣній...

Какъ географія, для того чтобы дать вѣрное и точно обоснованное представленіе о землѣ обитаемой нами, слѣдовательно, о предметѣ *ближайшемъ* для насъ, -- начинается изложеніемъ свѣдѣній о міровыхъ тѣлахъ, самыхъ *отдаленныхъ* отъ насъ, такъ *исторія*, чтобы сдѣлать для насъ яснымъ и понятнымъ ближайшее къ намъ по времени, начинается свое повѣствованіе съ самаго отдаленнаго, съ давнопрошедшаго. Ибо вообще ближайшее для насъ изъясняется чрезъ отдаленное, явное и открытое посредствомъ скрытаго и недоступнаго чувствамъ, данное посредствомъ того, что не дано, т. е. чрезъ умозаключенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Поэтому, далѣе, для воспроизведенія исторической жизни въ подлинныхъ ея чертахъ, требуется сложная критическая работа надъ разработкою источниковъ исторической науки, подобно тому какъ для начертанія образа земной поверхности, необходимы сложныя умственные операціи, измѣренія и исчисленія.

Какъ космографія служитъ для географіи -наукою вспомогательною, такъ въ свою очередь географія есть наука вспомогательная въ отношеніи исторіи. И притомъ, чѣмъ древнѣе

періодъ жизни повѣствуемой исторіей, тѣмъ необходимѣе свѣдѣнія географическія. Древніе народы жили разобщенно, а потому и въ основѣ обзорѣнія ихъ исторической жизни полагается обыкновенно географическое ихъ распредѣленіе. Въ новое время Христіанская цивилизація объединила образованные народы, установивъ непрерывное между ними общеніе, а потому и основою историческаго обзорѣнія новыхъ народовъ служитъ созерцаніе временной послѣдовательности: вся общевропейская жизнь дѣлится на отдѣльныя эпохи. Такимъ образомъ для перваго періода исторіи (древняго) раздѣленіе по пространству стоитъ на первомъ мѣстѣ, затѣмъ слѣдуетъ раздѣленіе по времени: для исторіи же новыхъ народовъ наоборотъ, — на первомъ мѣстѣ (имѣя болѣе общее значеніе) стоитъ раздѣленіе по времени, раздѣленіе же по пространству является уже на второмъ планѣ. Жизнь народовъ обзорѣвается съ разныхъ сторонъ: въ отношеніи политическомъ, религіозномъ, общественномъ интелектуальномъ (состояніе наукъ и искусствъ), экономическомъ. Но раздѣленіе этихъ разныхъ сторонъ жизни дѣлается обыкновенно механически, безъ всякой заботы о соблюденіи должной связи между раздѣльно обзорѣваемыми сторонами жизни, такъ что вмѣсто одной исторіи получается нѣсколько исторій вмѣстѣ соединенныхъ, но не приведенныхъ къ единству общаго и цѣльнаго воззрѣнія на историческую жизнь. И здѣсь также стремленіе къ полнотѣ, (являющееся слѣдствіемъ эмпирическаго взгляда на исторію) вредитъ единству и цѣльности. Такъ какъ обыкновенно не оказывается связи между рассмотрѣніемъ одной стороны жизни и рассмотрѣніемъ другой, то желаніе соблюсти единство побуждаетъ разбивать исторію, какъ науку, на разные типы историческаго рассмотрѣнія и каждый отдѣлять отъ другихъ. Такъ различаютъ исторію политическую, бытовую, культурную и т. д. Но въ дѣйствительности, не смотря на разнообразіе явленій, жизнь историческая всегда сохраняетъ единство, за исключеніемъ развѣ такъ называемыхъ переходныхъ эпохъ, когда одинъ типъ исторической жизни смѣняется другимъ. Почему бы разныхъ сторонъ жизни не совмѣщать въ одномъ общемъ обзорѣніи такимъ образомъ, что, при рассмотрѣніи одной эпохи, преиму-

щественное вниманіе обращать на одну сторону исторической жизни, а при разсмотрѣніи другой эпохи выставлять на первый планъ другую сторону, сообразно съ тѣмъ какъ бываетъ и въ дѣйствительности, ибо въ одно время господствуютъ одни интересы, а въ другое — другіе. Говорятъ, что исторія должна быть художественнымъ изображеніемъ жизни; требованіемъ этимъ очевидно имѣется въ виду единство, цѣльность общаго взгляда. Но требованіе единства есть логическое, и только исполненіе этого требованія можетъ быть либо художественно-изобразительнымъ, или философски-изяснительнымъ. Къ географіи и исторіи примыкаютъ *геологія*, *этнографія* и *археологія*, какъ науки, по методу изложенія, частію повѣствовательныя, частію описательныя, но отличающіеся отъ исторіи и географіи болѣе смѣшаннымъ характеромъ въ этомъ отношеніи.

Какъ въ описательныхъ, такъ и въ повѣствовательныхъ наукахъ, всякое отдѣльное познаніе, хотя добывается чрезъ исполненіе чисто умственныхъ, иногда сложныхъ, операцій, имѣетъ однако цѣлью представить дѣйствительность въ такомъ видѣ, въ какомъ она явилась бы намъ, если бы могла сдѣлаться доступною чувственному наблюденію. Историкъ, напр., хочетъ изобразить извѣстное событіе такъ, какъ оно представилось бы намъ, еслибы мы были его очевидцами. Но исполненіе умственныхъ познавательныхъ дѣйствій можетъ имѣть еще иную цѣль, — именно: привести разнообразные предметы дѣйствительности въ такой порядокъ, какого въ дѣйствительности нѣтъ и не можетъ быть, но который для насъ необходимъ, ибо, сообразуясь съ дѣйствіями мышленія, дѣлаетъ для насъ возможнымъ и удобнымъ обзорѣніе заразъ множества предметовъ; причемъ такое обзорѣніе есть чисто умственное уже не въ смыслѣ посредствуемаго умомъ воспроизведенія дѣйствительности, а, наоборотъ, въ смыслѣ приспособленія извлеченныхъ изъ дѣйствительности представленій къ чисто умственнымъ требованіямъ. Порядокъ предметовъ, устанавливаемый мышленіемъ при ихъ обзорѣніи, уже потому не есть простое воспроизведеніе дѣйствительности, что таковымъ порядкомъ обнимается необозримое въ дѣйствительности мно-

жество предметовъ, раздѣленныхъ и временемъ и пространствомъ, и не только теперь существующихъ, но и могущихъ существовать. Дѣйствія мышленія, отъ которыхъ зависить устанавливаемый имъ порядокъ вещей суть: *сочетаніе* сходнаго и *различіе* различнаго, а самый порядокъ состоитъ въ томъ, что наиболѣе сходное по своимъ признакамъ сближается и обобщается, а наиболѣе различное разъединяется и ставится такъ сказать вдали одно отъ другого. Такой порядокъ вещей, устанавливаемый на основаніи усматриваемыхъ мышленіемъ (при сравненіи ихъ между собою) отношеній сродства и различія, называется *классификаціею*. Такъ какъ однако и вещи самыя различныя совпадаютъ иногда въ нѣкоторыхъ признакахъ, наоборотъ — наиболѣе сходныя между собою оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ различными, то поэтому отличаютъ сродство, какъ и различіе, существенное и необходимое отъ случайнаго и несущественнаго. Для того же, чтобы разграничить сродство, какъ и различіе, существенное отъ случайнаго, подвергаютъ тщательному изслѣдованію сравниваемые между собою предметы, именно — изслѣдуется какъ способъ происхожденія, такъ и устройство или составъ вещей. На основаніи установленныхъ такимъ образомъ признаковъ, предметы распределяются прежде всего на самыя обширныя группы (именуемыя классами), причемъ имѣется въ виду совпаденіе въ наиболѣе общихъ, т. е. распространенныхъ, признакахъ (такъ, прежде всего вся природа раздѣляется на неорганическую и органическую); далѣе въ свою очередь каждая группа раздѣляется на меньшія группы, именуемыя семействами, родами, видами. Такова классификація систематизирующая. Важное значеніе имѣетъ она въ слѣдующихъ наукахъ: въ *минералогіи*, *химіи*, *ботаникѣ*, *зоологіи*, *антропологіи*. Отъ классификаціи систематизирующей слѣдуетъ отличать классификаціи *исчисляющія*. Это простѣйшій, элементарный видъ классификаціи и состоитъ въ послѣдовательномъ исчисленіи однородныхъ предметовъ, причемъ или всѣ порознь предметы совпадающіе въ какомъ либо признакѣ исчисляются (словари, каталоги), или же указывается лишь общее число, а равно численныя ихъ отношенія (статистическія таблицы).

Такъ какъ, для установленія отношеній сходства и различія, на которыхъ основывается систематизирующая классификація, необходимо изслѣдованіе внутренняго устройства и происхожденія классифицируемыхъ предметовъ, то вмѣстѣ съ классификаціею, относительно тѣхъ же предметовъ требуется рѣшеніе другой важнѣйшей задачи: воспроизвести съ возможною точностію и полнотою процессъ ихъ образованія или возникновенія, а равно представить точную картину ихъ устройства и описать внѣшнія формы, зависящія отъ внутренняго ихъ устройства и расположенія частей. Описательный и повѣствовательный методъ здѣсь снова вступаютъ въ свои права, но уже съ инымъ значеніемъ: задача классификаціи, какъ сказано, состоитъ въ томъ, чтобы представить вещи не въ томъ порядкѣ какъ онѣ существуютъ, а въ томъ въ какомъ, на основаніи ихъ признаковъ, онѣ должны быть мыслимы, такъ что представленія отдѣльныхъ вещей преобразуются въ общее о нихъ понятіе, — самое же общее понятіе, лежащее въ основѣ всѣхъ классификацій, есть *понятіе субстанціи*. Подобно тому воспроизведеніе возникновенія, а равно устройства и внѣшняго вида классифицируемыхъ предметовъ, имѣетъ цѣлью не простое установленіе факта, явленія, но возможное его *объясненіе*. Методъ повѣствовательный и описательный здѣсь переходитъ такимъ образомъ въ *изъяснительный*, при чемъ и основаніемъ для этого метода служить теперь не простое наблюденіе, но наблюденіе вспомоществуемое опытомъ (экспериментъ). Въ чемъ же состоитъ объяснительный методъ? Объяснить данное явленіе значитъ указать производящую его причину, или иначе, совокупность предшествующихъ ему условій, отъ которыхъ оно зависитъ въ своемъ происхожденіи. Причина, коль скоро вступаетъ въ дѣйствіе, всегда производитъ свое послѣдствіе; поэтому между причиною дѣйствующею и послѣдствіемъ ея дѣйствія мы предполагаемъ необходимую связь, а это ведетъ къ тому заключенію, что образъ дѣйствія той же причины, т. е. процессъ совершенія извѣстнаго послѣдствія, всегда долженъ быть одинаковъ. Отвлеченное выраженіе такого процесса мы называемъ *закономъ*. Отсюда изъяснить данное явленіе значитъ еще опредѣлить его

законъ, сдѣлать выводъ его изъ извѣстнаго закона, или свести его къ какому-либо закону. Правильность сдѣланнаго объясненія удостовѣряется, если явленіе, которое требуется объяснить, всякій разъ происходитъ, какъ только приводится въ дѣйствіе предполагаемая его причина, и именно такъ происходитъ, какъ опредѣляетъ законъ, прилагаемый къ его объясненію. Итакъ объяснительный методъ состоитъ въ томъ, что прежде всего воспроизводится, въ повѣствовательной или описательной формѣ, данное явленіе или предметъ, устанавливается затѣмъ причина, или совокупность предшествующихъ условій его происхожденія, опредѣляется законъ дѣйствія причины ¹⁾, и наконецъ, гдѣ это пужно, сдѣланное объясненіе подтверждается искусственнымъ опытомъ, (который или дѣйствительно производится, или только описывается).

Въ частности, сообразно съ раздѣленіемъ (указаннымъ выше) классифицирующихъ наукъ, объяснительный методъ постепенно усложняется и примѣненіе его дѣлается все болѣе затруднительнымъ въ порядкѣ изслѣдованія названныхъ наукъ. Такъ *въ минералогіи* изъясняется процессъ и описываются формы кристаллизаціи; *химія* воспроизводитъ химическіе процессы соединенія и разложенія разныхъ тѣлъ и выводитъ формулы, которыми обозначаетъ разные химическія соединенія и законы пропорціональности таковыхъ соединеній. *Ботаника* разъясняетъ процессы растительной жизни, описываетъ составныя части (устройство) и разнообразныя формы растительнаго царства (физиологія и морфологія растений). Относящаяся къ зоологіи и антропологіи *сравнительная анатомія и физиологія* раскрываютъ внутреннее устройство живыхъ существъ и разъясняютъ внутренніе процессы животной жизни, а *эмбриологія* воспроизводитъ процессъ возникновенія и образованія живого существа.

Явленія кристаллизаціи и химическаго сродства, можно сказать, еще не выступаютъ изъ границъ внѣшняго наблюденія. Но процессъ прозябанія есть уже настолько *внутренній*,

¹⁾ Нерѣдко причина вовсе не указывается, а только подразумевается; въ такомъ случаѣ объясненіе состоитъ въ указаніи закона.

скрытый отъ наблюденія, что наблюденію подпадаютъ лишь продукты этого процесса, а образованіе животнаго, болѣе или менѣе сложнаго, организма цѣликомъ, отъ начала и конца. Происходитъ какъ процессъ внутренній, скрытый, такъ что рожденіе животнаго въ собственномъ смыслѣ есть появленіе на свѣтъ. Процессъ возникновенія жизни вообще, такимъ образомъ, состоитъ въ переходѣ изъ тьмы къ свѣту, изъ состоянія скрытаго въ явное и открытое. Поэтому и вообще причинность мы мыслимъ какъ процессъ перехода изъ внутри ко внѣ, а самую причину *какъ силу* переходящую изъ состоянія потенціи (скрытаго) въ состояніе открытаго дѣйствія. Сколько есть различныхъ по происхожденію и виду, или характеру, явленій, столько же мы различаемъ дѣйствующихъ въ природѣ силъ. Явленіемъ силы или дѣйствіемъ мы называемъ всякую переменъ замѣчаемую въ дѣйствительности. Но однѣ переменны происходятъ только при соприкосновеніи различныхъ тѣлъ, причемъ самыя тѣла или измѣняются въ своихъ свойствахъ и образуютъ новое тѣло, — такого рода переменны суть *химическія*, — или тѣла по свойствамъ своимъ остаются безъ измѣненія, — этого рода переменны называются *механическими*. Отсюда различаются силы *механическія* и *химическія*. Другого рода переменны таковы, что возбуждаются дѣйствіемъ однихъ тѣлъ на другія, не смотря на отсутствіе соприкосновенія между такими тѣлами. Силы, производящія такого рода переменны, называются *физическими*, таковы: сила *тяготѣнія*, *магнетизмъ*, *электричество*, *теплота*, *свѣтъ*. Такъ какъ физическія силы не требуютъ для своего дѣйствія непосредственнаго соприкосновенія тѣлъ, и являются поэтому какъ-бы самодѣйствующими, дѣйствующими отрѣшенно отъ самихъ тѣлъ, которымъ онѣ свойственны, то и наука, изслѣдующая законы дѣйствія такихъ силъ (физика), не есть наука о тѣлахъ (подобно химіи, минералогіи, даже ботаникѣ и зоологіи, изъ которыхъ послѣднія можно назвать науками о тѣлахъ органическихъ), но въ собственномъ смыслѣ есть наука о силахъ.

Отнесеніе наблюдаемыхъ явленій къ извѣстнымъ силамъ и опредѣленіе законовъ дѣйствія силъ нельзя признать объясне-

нѣемъ явленій вполне достаточнымъ. Выше сказано, что такъ какъ происхожденіе, во многихъ, и при томъ важнѣйшихъ, случаяхъ, состоитъ въ переходѣ изъ состоянія скрытаго въ явное, то и вообще причинность понимается нами въ смыслѣ выхожденія извнутри въ положеніе открытое, доступное наблюденію. Но стремленіе довести объясненіе до возможной полноты и сдѣлать все яснымъ не дозволяетъ успокоиться на томъ, что нѣчто должно на всегда остаться скрытымъ; вотъ почему мы видимъ постоянныя попытки все скрытое свести къ явному и открытому. Такъ, *біологія* задается цѣлью разяснить какъ возникновеніе жизни, такъ равно и происхожденіе различныхъ формъ и видовъ живыхъ существъ (теорія Дарвина). Если признать яснымъ то, что явно, открыто предъ нами, т. е. доступно наблюденію (ясное въ этомъ смыслѣ будетъ однозначуще съ внѣшнимъ въ противоположность внутреннему, которое скрыто и потому не ясно), то разяснить происхожденіе жизни и ея разнообразныхъ формъ будетъ значить—свести разнообразныя явленія и формы жизни къ тѣмъ простѣйшимъ дѣйствіямъ или процессамъ, которые возможно констатировать чрезъ наблюденіе и опытъ. Такой процессъ дѣйствительно наблюдаемый всюду, гдѣ есть признаки жизни, состоитъ въ непрерывномъ *обмѣнѣ веществъ*: живое существо воспринимаетъ въ себя изъ окружающей его среды необходимый матеріалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно же выдѣляетъ изъ себя уже отжившія частицы. Отсюда получается такое понятіе о жизни: она есть непрерывное взаимодействіе индивидуальнаго существа съ окружающею его средою.

Но слѣдуетъ ли отождествлять тѣ процессы, въ которыхъ жизнь является внѣшнему наблюденію, съ самою жизнію? Дѣло въ томъ, что для познанія жизненныхъ явленій, кромѣ внѣшняго наблюденія и опыта, мы имѣемъ еще иной источникъ—*внутреннее самонаблюденіе*, или иначе, *самосознаніе*, которое постоянно свидѣтельствуетъ намъ о всемъ происходящемъ въ нашей душевной жизни. Теперь не только самая эта жизнь познается нами какъ *внутренняя*, и противопоставляется всей внѣшней дѣйствительности, но и способъ познанія ея, заключающійся въ самонаблюденіи или самосознаніи,

также есть *внутренній*. Не слѣдуетъ ли поэтому и самую науку о душевной жизни (психологія) отдѣлять отъ всѣхъ иныхъ опытныхъ наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ внѣшней дѣйствительности. Обосновать научнымъ образомъ самостоятельное бытіе духа, какъ такого начала, которое составляетъ основаніе особаго внутренняго міра, противоположнаго внѣшнему—задача *метафизики*. Хотя психологія, подобно физикѣ, явленія, составляющія предметъ ея изслѣдованій, раздѣляетъ на отдѣльныя группы, или классы, и относитъ таковыя къ различнымъ *силамъ* (умъ, воля, чувство) иначе называемымъ *способностями*, но важная особенность этихъ силъ, указываемыхъ психологіею, и рѣшительно не дозволяющая отождествлять ихъ съ физическими силами, заключается въ свойственной имъ *самоопредѣляемости*, именно въ томъ, что дѣятельность ихъ *свободна* всегда, когда бываетъ сознательною. Поэтому же и *исторія*, какъ наука повѣствующая о человѣческихъ дѣйствіяхъ, источникъ которыхъ заключается во внутренней жизни души, хотя, подобно *физикѣ*, сводитъ разнообразныя явленія исторической жизни къ общимъ началамъ, не можетъ однако идти въ этомъ направленіи такъ далеко какъ физика. Ибо, какъ извѣстно, физика всѣ физическія силы сводитъ къ одной *силѣ движенія*, рассматривая всѣ физическія силы, какъ различныя формы силы движенія, которое бываетъ либо *внутреннимъ*, молекулярнымъ (внутреннимъ оно можетъ быть названо только сравнительно съ другимъ видомъ движенія) или *внѣшнимъ*, состоящимъ въ перемѣщеніи всей массы тѣла, тогда какъ первое состоитъ лишь въ перемѣщеніи частицъ; при этомъ найдено, что, не смотря на измѣненія своихъ формъ, сила движенія остается всюду тою же, неизмѣнно сохраняя свое количество, а потому и всѣ законы физическіе сводятся также къ одному закону (законъ сохранения силы). Исторія же, по причинѣ свободнаго характера силъ дѣйствующихъ въ историческихъ событіяхъ, не можетъ смотрѣть на изображаемыя ею явленія, какъ на вѣчное повтореніе того же; напротивъ, она находитъ, что прошедшее никогда не можетъ сдѣлаться настоящимъ, т. е. повториться въ томъ же видѣ. Уже потому самому, что исторія имѣетъ

дѣло съ послѣдовательностію событій во времени, искомое ею начало единства также должно быть, въ отличіи отъ единства физическихъ силъ, постепенно *осуществляющимся во времени, т. е. развивающимся*. Каково это начало, и въ чемъ состоитъ самое развитіе — рѣшеніе этихъ задачъ есть дѣло *философій исторіи*.

Понятно, что тѣ, которые знаютъ, а потому и признають только одинъ способъ изъясненія явленій, способъ состоящій въ сведеніи внутренняго и скрытаго къ внѣшнему и открытому, доступному для опыта и внѣшняго наблюденія, поэтому самому отрицають отличительный характеръ психическихъ явленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельность психологіи какъ науки о душевныхъ явленіяхъ (превращая оную въ часть физиологіи), равно и на историческую науку смотрять лишь какъ на матеріалъ для *соціологіи* (наука объ обществѣ), которая, по ихъ мнѣнію, должна представить законы общественной жизни, какъ физика изслѣдуетъ законы природы, почему называютъ соціологію *общественною физикою* полагая, что какъ движеніе (къ которому сводятся всѣ физическія явленія) бываетъ либо частичнымъ, либо массивнымъ, причѣмъ первое есть только часть послѣдняго, такъ явленія человеческой жизни частію суть индивидуальныя, а частію — соціальныя, и первыя должны быть изъясняемы изъ послѣднихъ.

Сводя внутреннюю психическую жизнь къ явленіямъ внѣшней дѣйствительности и подчиняя индивидуальное сознаніе безусловному вліянію внѣшней среды, эмпиризмъ изъясняетъ поэтому происхожденіе всякихъ представленій и идей въ умственномъ сознаніи человѣка такъ же воздѣйствіемъ на него внѣшней среды, внѣшней дѣйствительности. Дѣйствительно тѣ понятія, которыми занимаются названныя доселѣ науки, имѣють эмпирической характеръ, образуются путемъ отвлеченія и обобщенія признаковъ принадлежащихъ предметамъ и явленіямъ внѣшней дѣйствительности. Понятія психическія относятся къ внутреннимъ явленіямъ, но такъ какъ самыя эти явленія производятся, какъ полагаетъ эмпиризмъ, внѣшними причинами, то слѣдовательно и для таковыхъ понятій первоначальнымъ источникомъ слѣдуетъ признать также внѣ-

шнюю дѣйствительность. Но напрасны всѣ усилія объяснить этимъ способомъ происхожденіе понятій *математическихъ*, каковы понятія о числѣ и численныхъ отношеніяхъ, а также о пространствахъ и пространственныхъ отношеніяхъ. Особенный характеръ этого рода понятій очевиденъ уже изъ того, что и самый способъ изложенія въ наукахъ занимающихся ими—иной, отличный отъ метода изъяснительнаго, господствующаго въ наукахъ опытныхъ. Это именно способъ или методъ *демонстративный*. Выше сказано, что эмпирическія понятія мы образуемъ путемъ отвлеченія и обобщенія; отвлеченіе необходимо для раздѣленія важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ признаковъ отъ случайныхъ. Иначе мы приходимъ къ понятіямъ математическимъ: понятія эти мы образуемъ частію чрезъ мысленное построеніе (чтобы представить геометрическую фигуру, мы должны ее мысленно начертать), частію чрезъ исполненіе умственныхъ актовъ различенія и сочетанія, причемъ исполненіе этихъ актовъ не есть только средство къ пріобрѣтенію математическихъ понятій, но входитъ въ самое содержаніе таковыхъ понятій, слѣдовательно, можно сказать, составляетъ самое ихъ существо. Такъ какъ эмпирическія понятія образуются чрезъ отвлеченіе и обобщеніе, то и *опредѣленіе* этого рода понятій достигается чрезъ указаніе *родовыхъ* и *видовыхъ* признаковъ, означающихъ степени отвлеченія и обобщенія. Понятія же геометрическія, а также ариѳметическія опредѣляются чрезъ указаніе дѣйствій исполняемыхъ при образованіи этихъ понятій. Всякая геометрическая фигура есть ограниченіе пространства, слѣдовательно, и можетъ быть опредѣлена, т. е. понятіе о ней можетъ быть получено только чрезъ указаніе дѣйствій извѣстнымъ образомъ ограничивающихъ пространство, при этомъ само собою понятно, что самыя границы, т. е. элементы пространства не опредѣлимы, а могутъ быть только указаны или названы (точка—граница линіи, линія—граница поверхности, поверхность—граница геометрическаго тѣла). Положенія, выражающія такого рода пограничныя понятія, называются *аксіомами*. Аксіомы и опредѣленія составляютъ основаніе *доказательства*. А самое доказательство обыкновенно состоитъ или въ показаніи невозмо-

жности противнаго доказываемому положенію, или въ исключеніи всякихъ иныхъ возможностей, кромѣ одной, которая поэтому самому необходимо должна быть принята. Само собою понятно, что изложеніе основаній доказательства должно предшествовать изложенію доказательства. Въ ариѳметикѣ самыя дѣйствія, какъ скоро *правильно* совершаются, *необходимо* даютъ такой, а не иной результатъ, слѣдовательно, имѣютъ значеніе доказательства, ибо доказать, значитъ представить необходимость извѣстнаго вывода (результата). Вотъ почему въ ариѳметикѣ, вмѣсто основаній доказыванія, излагаются правила совершенія ариѳметическихъ дѣйствій и указываются способы удостовѣренія въ правильности исполненныхъ дѣйствій.

II. Личности.

(Окончаніе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ

СВЯЩЕННИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Д-ра о. Владимира Гетте

БЫВШАГО СВЯЩЕННИКОМЪ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе *).

II.

Начало моего церковнаго служенія.—Я викарій въ Saint—Aignan—sur—Cher.—Красивый приходскій священникъ и его красивый *полкъ красной ленты*.—Почему этотъ священникъ сильно хвалилъ меня съ тѣмъ, чтобы меня назначили самостоятельнымъ священникомъ.—Я викарій въ Montrichard'ѣ—Добрый приходскій священникъ, который сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о Дювѣ съ К-ю—Я священникъ въ Fresnes.—Мой методъ обученія неграмотныхъ дѣтей Катехизису.—Мои школы.—Прекрасная роль г. инспектора и г. префекта.—Мои первыя сношенія съ о. Fabre des Essart, главнымъ викаріемъ.—Мои первыя литературныя работы.—О. Fabre des Essarts желаетъ поощрить меня и назначаетъ меня священникомъ въ Saint—Denis—sur Loire.—Интриги Дюва съ К-ю съ цѣлю помѣшать мнѣ получить это мѣсто.—Смерть епископа Созена (Sauzin).—Преосвящ. Fabre des Essarts занимаетъ его мѣсто.—Онъ интересуется моими работами.—Онъ желаетъ имѣть рукопись моего перваго тома и даетъ ее на разсмотрѣніе о. Guillois, самому ученому священнику епархіи.—Репортъ о. Guillois.—Преосвящ. Fabre des Essarts передаетъ мой первый томъ своему типографу.—Я становлюсь духовнымъ писателемъ по назначенію епископской власти.—Толпа завистниковъ.—Пять предложеній Аббата Morisset'a.—Интриги съ цѣлю помѣшать официальному одобренію моего перваго тома.—Мои сношенія съ о. Бело.—Церковныя конференціи.—Я единогласно избранъ секретаремъ.—Успѣхъ моихъ секретарскихъ бумагъ.—Проектъ порученія управленію большой семинаріи о. Леону Горалену.—Онъ соглашается на это съ условіемъ, чтобы я находился въ семинаріи въ качествѣ его помощника.—Гуски епископскаго двора производятъ такой шумъ, что бѣдный епископъ при-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1890 г., № 1.

нужденъ оставить свой проектъ.—Иезуиты замѣщаютъ Дюка и Е-ю въ семинаріи.—Извѣстность моя, какъ писатели, вѣдѣ предѣловъ епархіи Блоа.—Епископскія отзывы и письма.—Похвалы Аббата Дарби (Darboy); отца Prata иезуита; траппистовъ Saouëli; о. Laurentic.—Революція 1848 года.—Республиканцы города Блоа предлагаютъ мнѣ редакцію ихъ журнала.—Преосвящ. Fabre des Essarts убѣждаетъ меня согласиться на предложеніе.—Я посѣляюсь въ Блоа.—Преосвящ. des Essarts дѣлаетъ распоряженіе объ устройствѣ мнѣ квартиры въ епископѣ.—Онъ заболѣваетъ.—О. Леонъ Гаранепъ совѣтуетъ мнѣ отложить помѣщеніе въ епископскомъ домѣ.—Преосвящ. Essarts умираетъ.—Я прошу разрѣшенія оставить епархію.—Данное мнѣ любезное разрѣшеніе.—Общее удовлетвореніе.

Легко понять, что я, по выходѣ изъ семинаріи, получилъ не блестящее мѣсто. Семинарское начальство передало свою ко мнѣ антипатію главнымъ викаріямъ; и я не былъ рекомендованъ съ хорошей стороны.

Меня назначили викаріемъ въ маленький городъ Saint-Aignan-sur-Cher. Тамъ находилось два духовныхъ лица изъ бретонцевъ, которые были братьями между собою и назывались Leschevallier. Старшій былъ приходскимъ священникомъ; второй не имѣлъ оффиціального назначенія и представлялъ изъ себя священника кандидата (amateur); онъ былъ очень сладенькимъ, въ особенности съ дамами, которыя избирали его своимъ духовникомъ; но былъ человѣкомъ правдивымъ и казался искренно благочестивымъ. Приходскій же священникъ былъ большимъ повѣсой, велъ себя не особенно благо нравно, хотя имѣлъ настолько лицемѣрія, что снискалъ уваженіе епископскаго двора. Онъ обязалъ меня жить въ священническомъ домѣ и назначилъ мнѣ разрушенную комнату, давно уже населенную цѣлымъ легиономъ крысъ и мышей. Пауки устроили себѣ мѣстопробываніе подъ отклеившимися обоями, имѣвшими вѣроятно пятидесятилѣтнюю давность. Я долженъ былъ обѣдать вмѣстѣ съ приходскимъ священникомъ, который былъ настолько изысканно воспитанъ, что выбиралъ лучшіе куски себѣ и своему брату. И тотъ и другой употребляли сладости, которыхъ я, вѣроятно, по ихъ мнѣнію не заслуживалъ.

А между тѣмъ плата, вносимая мною, поглощала почти все мое маленькое жалованье. Я платилъ не дѣлая ни малѣйшаго намека, но тотчасъ же понималъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

Приходскій священникъ опасался особенно того вліянія, которое я могъ бы имѣть въ приходѣ. Онъ, сколько возможно было, старался выставить меня ничтожнымъ. Я переносилъ его дурное обращеніе со мной, не жалуясь; рѣдко выходилъ изъ дому, не дѣлалъ визитовъ и употреблялъ все свое время на исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей и на научныя занятія.

Не смотря на мою осторожность, обо мнѣ начали говорить съ уваженіемъ; многіе исповѣдницы приходскаго священника направились къ моему исповѣдальному мѣсту, и онъ съ болью въ сердцѣ замѣтилъ между ними нѣсколькихъ дезертирокъ изъ его красиваго *полка красной ленты*. Такъ называлась конгрегация (общество) Пресвятой Дѣвы, члены которой должны были, по внушенію священника, украшать свои чепчики или шляпы красной лентой, въ видѣ отличительнаго знака. Объ этомъ много болтали въ городѣ. Нужно замѣтить, что священникъ самъ подавалъ поводъ къ сплетнямъ. Онъ помѣщалъ свой полкъ въ полукругѣ, находившемся впереди алтаря; во время обѣдни, не стѣсняясь рассыпалъ улыбки своимъ избранницамъ, а когда окроплялъ ихъ водою, то брызгалъ имъ прямо въ лицо, и при этомъ самодовольно смѣялся. Нѣкоторымъ изъ конгресистокъ онъ назначалъ свиданія въ ризницѣ, и записывался тамъ съ ними; неоднократно, входя въ его комнату, я заставалъ его съ юною конгресисткою на колѣняхъ. *Полкъ красной ленты* не пользовался общимъ уваженіемъ, не смотря на всю свою красоту, не смотря на прекрасно исполняемые имъ гимны, и на обѣты, которыя онъ выставялъ на показъ. Всѣмъ можетъ быть понятно, что священникъ былъ не особенно доволенъ, видя какъ изъ его дезертирокъ у меня образовался маленькій полкъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я засталъ его наединѣ съ дѣвицей на колѣняхъ, онъ очень стѣснялся меня.

Для того чтобы отвратить дурныя послѣдствія скандальной молвы, онъ притворялся набожнымъ. Такъ какъ онъ былъ старшимъ священникомъ, то часто посѣщалъ епископальный дворъ; не дурно сплетничалъ и злословилъ священниковъ своего кантона, и составилъ тамъ о себѣ мнѣніе, какъ о свя-

щенникъ усердномъ и отличавшемся чистотою своего поведенія. Онъ старался выставить на видъ то, что для увеличенія своего благочестія и возрожденія ревности, посѣщаль іезуитовъ въ Bourges'ѣ. Во время одного изъ такихъ посѣщеній онъ встрѣтился съ моимъ милымъ отцемъ Фантеномъ. Добрый отецъ не забылъ меня. Узнавъ о томъ, что я былъ викаріемъ въ Saint—Aignan, онъ передалъ мнѣ, черезъ священника, самыя любезныя привѣтствія, написалъ мнѣ нѣсколько писемъ, на которыя я очень вѣжливо отвѣтилъ; но онъ долженъ былъ замѣтить, что я не желалъ быть іезуитомъ.

Во время моего пребыванія въ Saint-Aignan, я по необходимости имѣлъ сношенія съ священниками кантона, близко видѣлъ ихъ жизнь, и былъ пораженъ ихъ распущенностью и пороками, которыя они не старались даже скрывать. Они приглашали меня на свои еженедѣльные сборища и не сомнѣвались во мнѣ. Они смотрѣли на меня, какъ на невиннаго молодого человѣка, который долженъ былъ развиться впоследствии, и были убѣждены, что я не былъ ни шпиономъ, ни донощикомъ. На этомъ-то основаніи я *видѣлъ среди нихъ и узналъ о многихъ красавицахъ*, во время завтраковъ, на которыхъ обязанъ былъ присутствовать. Я не могу рассказывать объ этомъ, не впадая въ *порнографію*, чего вовсе не желаю. Тотчасъ послѣ завтрака, священники приказывали приносить карты, и между ними завязывалась бѣшенная игра, сопровождавшаяся грязными разговорами, и въ обществѣ женщинъ, которыхъ они нисколько не стѣснялись. Когда они начинали играть, то я удалялся. Замѣтивъ это, они просто говорили: «Моллебранпъ отправился за своими старыми книгами». Я получилъ прозвище Моллебранша, потому что одинъ изъ нихъ засталъ меня однажды за чтеніемъ сочиненій этого философа: онъ сильно смѣялся надо мною и потомъ рассказалъ это другимъ приходскимъ священникамъ, которые поступали также точно какъ и онъ. Они знали, что я предпочиталъ мои книги ихъ обществу, но не сердились за это, потому что не считали меня *шпиономъ* и знали, что я молчу обо всемъ томъ, что видѣлъ и слышалъ.

Старшій священникъ былъ не лучше другихъ относительно

своей нравственности, онъ былъ еще отвратительнѣе, потому что былъ болѣе лицемѣрнымъ.

Оскорбленный тѣмъ, что его оставили нѣсколько изъ его красивыхъ кліентовъ, онъ задумалъ во чтобы то ни стало избавиться отъ меня. Онъ не смѣлъ отзываться обо мнѣ дурно, по многимъ основаніямъ. Прежде всего, потому что поведеніе мое было безупречно: я жилъ какъ истинный семинаристъ: кромѣ того онъ могъ думать, что я его разоблачу, въ случаѣ если бы, по его подстрекательствамъ, я получилъ бы какія-либо замѣчанія отъ епископскаго двора. Въмѣсто того, чтобы отзываться обо мнѣ дурно, онъ для достиженія своей цѣли, началъ хвалить меня. Прошелъ уже почти годъ съ того времени какъ я поселился въ Saint-Aignan, и вотъ приходскій священникъ принесъ мнѣ письмо изъ Блоа, которымъ меня вызвали въ епископію. Священникъ, передавая письмо, сказалъ мнѣ: «Я очень хвалилъ васъ, и просилъ чтобы вамъ дали приходъ. Вы слишкомъ выдающійся молодой человѣкъ, чтобы долго оставаться викаріемъ».

Преосвященный епископъ Созень (Sauzin) принялъ меня очень ласково, не сдѣлалъ мнѣ никакого упрека, и сказалъ мнѣ только, что прежде чѣмъ онъ назначитъ меня (самостоятельнымъ) приходскимъ священникомъ, я долженъ временно помогать приходскому священнику Montrichard'а который былъ одинъ и обремененъ занятіями.

Я оставилъ Saint-Aignan, унося съ собою сожалѣніе многихъ жителей, которые умѣли цѣнить меня и считали, не смотря на мою молодость, заслуживавшимъ ихъ довѣрія.

Въ Montrichard'ѣ я нашелъ очень благочестиваго и умнаго священника аббата Оливро (Olivegeau), бывшаго соборнымъ викаріемъ въ Блоа. Мои добрые друзья большой семинаріи настроили его противъ меня; но послѣ того какъ я прожилъ съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ сказалъ мнѣ однажды: «У васъ есть злые враги; я вижу, что все то, что они говорили мнѣ дурного о васъ, ложно. Я очень сожалѣю, что вы будете при мнѣ только временно; мнѣ бы хотѣлось всегда жить съ вами. Я надѣюсь, что мы навсегда останемся добрыми друзьями».

Онъ обязался взять себѣ викаріемъ одного молодого чело-
вѣка изъ Montrichard'a который былъ родственникомъ самыхъ
богатыхъ семействъ въ городѣ. Онъ думалъ, что не будетъ
такъ счастливъ съ этимъ молодымъ священникомъ, какъ былъ
со мною. Его предположенія, и въ самомъ дѣлѣ вполнѣ оп-
равдались.

Аббатъ Оливро былъ священникомъ самымъ выдающимся
въ епархіи; его непритворное благочестіе было искренно, и
нравы его были чисты. Образование его было значительно об-
ширяѣе того, которое имѣли другія духовныя лица. Онъ ни-
когда не могъ упрекнуть меня въ моей любви къ наукѣ. Я
жилъ у него одинъ годъ, въ концѣ котораго тотъ, который
былъ назначенъ ему викаріемъ, былъ посвященъ въ священ-
ника.

Годъ, проведенный мною въ Montrichard'ѣ, гдѣ я раздѣ-
лялъ съ священникомъ его обязанности по службѣ, былъ
однимъ изъ счастливѣйшихъ годовъ моей жизни.

Меня послали въ качествѣ самостоятельнаго священника въ
маленькій приходъ Fresnes. Это назначеніе было сдѣлано подъ
вліяніемъ моихъ враговъ, имѣвшихъ большое значеніе у добра-
го стараго епископа Созена, который по своимъ преклоннымъ
лѣтамъ, не могъ уже самъ управлять епархіей. Первый же
главный викарій Fabre des Essarts, еще не зналъ меня и не
придавалъ никакого значенія моему назначенію. Но мои враги
прекрасно знали, что дѣлали.

Со времени революціи, въ Fresnes'ѣ, не было постояннаго
священника. Въ эпоху Конкордата, этотъ приходъ былъ слиш-
комъ незначителенъ, чтобы имѣть священника. Викарій бли-
жайшаго прихода служилъ тамъ по воскресеньямъ тихую обѣд-
ню и ходилъ къ больнымъ, если его призывали.

Когда враги мои назначали меня на этотъ бѣдный при-
ходъ, то они прекрасно знали, что я тамъ не найду мало маль-
ски удобнаго помѣщенія, и что церковь, лишенная почти
всей утвари, была разрушена. Незадолго передъ тѣмъ обще-
ство купило домишко и небольшой кусокъ земли для построй-
ки священническаго дома и разведенія сада; но ему не до-
ставало денегъ для самыхъ необходимыхъ работъ. Враги мои
знали все это и радовались.

Я пріѣхалъ въ Fresnes, и привезъ свое скромное имущество, которое не зналъ куда помѣстить. Лачуга, купленная для устройства въ ней священническаго дома, состояла изъ трехъ комнатъ и кухни въ нижнемъ этажѣ. Стѣны въ ней были грязны и сыры; дождь лилъ сквозь потолокъ; одна изъ комнатъ была выстлана плитами. Меръ города былъ крайне изумленъ столь поспѣшнымъ назначеніемъ, о которомъ его даже не увѣдомили. Я былъ помѣщенъ на время въ чердачной комнатѣ, принадлежавшей одному изъ сосѣдей, пока производились въ этомъ будто бы священническомъ домѣ необходимыя поправки.

Вотъ что выбралъ епископскій совѣтъ для молодого двадцати пятилѣтняго человѣка, умственные способности котораго не могли быть отъ него скрыты. Меня хотѣли закопать въ землю еще до моей смерти.

Филиппъ - пугачъ (Grand-duc) былъ отмыцень. Я же мстилъ ему и его собратамъ болѣе благороднымъ образомъ. Я не написалъ ни одного слова въ епископскій дворъ въ формѣ жалобы; со смиреніемъ принялъ предложенное мнѣ плохое мѣсто, и рѣшился исполнять свой долгъ съ такой точностью, которая бы вызвала ко мнѣ уваженіе даже самыхъ заклятыхъ моихъ враговъ.

Когда я пріѣхалъ въ Fresnes, то ни одинъ ребенокъ и ни одинъ юноша не умѣлъ читать. Исключеніемъ была только дочь мера. Это была очень умная дѣвочка, и она очень помогала мнѣ. Она присутствовала въ церкви со всѣми маленькими дурачками, для изученія катехизиса. Легко понять, какъ мнѣ было трудно учить это бѣдное стадо, но я скоро пришелъ къ слѣдующему рѣшенію--я просто основалъ школу. Всѣ дѣти собирались туда. Мальчики приходили утромъ, а дѣвочки послѣ полудня. Я составилъ маленькій катехизисъ, въ которомъ помѣстилъ все необходимое. Три раза въ недѣлю собиралъ всѣхъ дѣтей въ церкви. Дочь мера находилась во главѣ дѣтской толпы. Я предлагалъ вопросъ, а дочь мера читала отвѣтъ, другая дѣвочка повторяла этотъ отвѣтъ, потомъ третья, а потомъ повторяли его по очереди всѣ дѣти до послѣдняго мальчика. Когда отвѣтъ былъ повторенъ много разъ, то всѣ

его выучивали. Я переходилъ къ другому вопросу и его выучивали такимъ же способомъ. Въ началѣ каждаго урока, я заставлялъ повторять все выученное въ предшествующій урокъ, и добавлялъ одинъ или два новые вопроса. Въ концѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ мои маленькіе идіоты превосходно узнали весь мой катехизисъ и выучили даже гимнъ къ первому Причастію. Мой сосѣдъ, старшій священникъ въ Contres, пріѣхалъ по моей просьбѣ экзаменовать ихъ. Онъ нашелъ мой катехизисъ совершеннымъ, мой методъ хорошимъ и оригинальнымъ, и чистосердечно признался, что мои неграмотныя дѣти лучше знали катехизисъ чѣмъ его ученики, не смотря на то, что послѣдніе всѣ умѣли читать.

Этотъ старшій священникъ былъ аббатъ Руссо (Rousseau), прекрасный человѣкъ, уваженіе и дружба котораго облегчали для меня несправедливость епископскаго двора.

Занятія катехизисомъ не мѣшали урокамъ въ школѣ. Къ дневнымъ занятіямъ дѣтей десяти и двѣнадцатилѣтняго возраста я прибавилъ вечернія занятія для взрослыхъ мальчиковъ. Приличія не позволяли мнѣ принимать у себя дѣвочки старше двѣнадцатилѣтняго возраста. Мои курсы тщательно были посѣщаемы дѣтьми. Къ концу года всѣ дѣти и молодые люди умѣли читать, писать и знали два первыхъ правила арифметики. Многіе молодые люди выучили церковное пѣніе и вскорѣ уже пѣли торжественныя обѣдни въ этой обѣдной церкви, въ которой почти столѣтіе только изрѣдка служили тихія обѣдни.

Мои школьныя занятія не были ни обязательныя, ни свѣтскія, но безусловно даровыя. Хотя онѣ были совсѣмъ не сложны, но мои прихожане цѣнили ихъ, и оплачивали ихъ благодарностью, расположеніемъ и вещественными дарами, чѣмъ оказывали мнѣ большую услугу. Вскорѣ я имѣлъ хорошо устроенный птичій дворъ, и мнѣ приносили все необходимое для его прокормленія. У меня было болѣе чѣмъ нужно для того, чтобы жить съ довольствомъ. Я имѣлъ нѣсколькихъ богатыхъ прихожанъ, которые приносили мнѣ все, что по ихъ мнѣнію должно было быть мнѣ пріятно, т. е. откормленную птицу, яйца, молоко и фрукты. Только помѣщичій дворъ не

давалъ ничего. Иногда меня приглашали туда къ обѣду и я ходилъ туда, но вообще предпочиталъ посѣщать моихъ добрыхъ мужиковъ, которые не жеманились передо мною, но высказывали, какъ могли, свою искреннюю и чистосердечную ко мнѣ привязанность.

Когда я открывалъ свою школу, то не принялъ въ расчетъ правилъ относительно того начальства, которому порученъ былъ надзоръ за общественнымъ образованіемъ, и потому не былъ удивленъ пріѣздомъ ко мнѣ инспектора, называвшагося Prata'омъ. Мнѣніе о немъ мнѣ было извѣстно. Онъ любилъ хорошее вино и охотно пилъ больше чѣмъ слѣдуетъ. Одинъ очень ученый священникъ, хорошо знавшій Виргилія, примѣнилъ къ нему, во время пира, слѣдующее мѣсто изъ соч. поэта Георгикъ:

Jam satis Prata biberunt.

(Уже достаточно напился луга).

Острота эта имѣла успѣхъ.

У меня не было хорошаго вина, чтобы угостить г. инспектора; поэтому онъ отнесся ко мнѣ свысока и угрожалъ мнѣ тѣмъ, что сдѣлаетъ обо мнѣ и о моей школѣ грозное донесеніе. Я ему отвѣчалъ очень скромно, и вѣжливо проводилъ къ двери моего жилища.

Спустя нѣкоторое время, я получилъ изъ префектуры приказъ соблюсти узаконенныя формы, и испросить разрѣшеніе на открытіе школы; въ случаѣ же неисполненія, мнѣ угрожали закрытіемъ моего заведенія. Я отвѣтилъ префекту, что я вовсе не школьный учитель и не желаю быть имъ, что я это дѣлаю исключительно для того, чтобы принести пользу бѣднымъ людямъ, и что если г. префекту угодно, то пусть закроютъ мое заведеніе. Они постыдились настаивать на своемъ, и меня оставили въ покоѣ.

Я долженъ былъ увѣдомить епископію о случившемся со мною. Я чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ филину-пугачу (Grand-duc) и другимъ извѣстнымъ мнѣ членамъ епископскаго совѣта. Но въ этомъ совѣтѣ находилось одно, мнѣ неизвѣстное лицо, котораго боялись священники, но къ которому я еще никогда не обращался: это былъ о. Fabre des

Essarts, занявшій спустя нѣкоторое время, мѣсто преосвященнаго Созена на епископской кафедрѣ г. Блоа.

Я обратился къ нему, и хотя онъ не зналъ меня, но мое письмо понравилось ему. Онъ отвѣтилъ мнѣ поздравляя меня съ моей ревностью къ просвѣщенію моихъ прихожанъ и убѣждалъ меня писать ему лично о всѣхъ дѣлахъ, для которыхъ я бы могъ нуждаться въ епископскомъ совѣтѣ. Я ему писалъ нѣсколько разъ, и между нами установились прекрасныя отношенія, безъ вѣдома партіи *фильма*.

Въ концѣ года мои занятія съ дѣтьми значительно упростились. Всѣ дѣти умѣли читать и могли выучить на память епархіальный катехизисъ. Для продолженія школьнаго дѣла, я отдалъ дѣтямъ восемь часовъ своего времени въ недѣлю, а зимою и вечера. Результаты превзошли мои ожиданія.

Все остальное время я посвящалъ дорогимъ мнѣ научнымъ занятіямъ.

Каждое утро до полудня я готовился къ экзамену на степень бакалавра словесности, потому что профессорство всегда привлекало меня. Время послѣ полудня я употреблялъ на изученіе духовныхъ наукъ. Тогда у меня возникла мысль работать надъ исторіей церкви во Франціи, и я тотчасъ же принялся за дѣло, дѣлалъ замѣтки и составлялъ планъ. У меня не было намѣренія позже издать въ свѣтъ результаты моихъ работъ; и я не льстилъ себя надеждою сдѣлаться *авторомъ*; я работалъ просто для собственнаго удовольствія.

Два раза въ недѣлю я служилъ обѣдню рано утромъ: послѣ обѣдни отправлялся въ Блоа, который находился на разстояніи двадцати километровъ. По пріѣздѣ, я шелъ къ отцу завтракать, а потомъ уходилъ въ городскую библіотеку, гдѣ оставался до четырехъ часовъ. Тамъ я запасался замѣтками, изучалъ сочиненія для пріобрѣтенія извѣстій, знакомился съ большими бенедиктинскими сборниками, гдѣ я могъ найти необходимые для меня документы. Библіотека была богата сочиненіями этого рода. Послѣ шести часовъ работы я возвращался въ свою епархію. Такимъ образомъ я совершалъ сорокъ километровъ въ день, но былъ такъ доволенъ своими изысканіями, что и не думалъ объ усталости.

Не знаю какимъ образомъ дошло до свѣдѣнія о. Fabre des Essarts'a то, что я часто посѣщаль Блоа для занятій въ библіотекѣ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ и навелъ меня на разговоръ о томъ, какъ я употребляю свое время. Я не имѣлъ никакого основанія скрывать отъ него свой образъ дѣйствій. Онъ ободрилъ меня относительно изученія исторіи французской церкви, но запретилъ думать о степени бакалавра. «Вы желаете покинуть насъ, и поступить въ университетъ, но я этого не допущу. Я желаю сохранить васъ для епархіи, и для того, чтобы доказать вамъ мою симпатію и поощреніе, я назначаю васъ священникомъ въ Saint-Denis-sur-Loire. Вы будете совсѣмъ близко отъ библіотеки и вашей семьи и почти все время можете употреблять для занятій, а иногда будете навѣщать меня.

Fabre des Essarts не подчинялся вліянію остального епископскаго двора, онъ пользовался всемогуществомъ у преосвященнаго Созена, который привезъ его съ собою въ Блоа; у него характеръ былъ твердый, даже немного деспотическій, и онъ поступалъ повелительно. Маленькій приходъ Saint-Denis-sur-Loire, куда онъ меня назначилъ, былъ хорошъ и находился совсѣмъ близко отъ Блоа; при такихъ условіяхъ я могъ бы правильно исполнять свои обязанности и продолжать свободно свои научныя занятія.

Послѣ назначенія меня въ этотъ приходъ, онъ предпринялъ путешествіе по своей епархіи. По его возвращеніи, ему должны были дать отчетъ во всемъ томъ, что было сдѣлано въ его отсутствіе; онъ замѣтилъ, что мое назначеніе въ приходъ Saint-Denis-sur-Loire было отмѣнено, и что другой былъ назначенъ на мое мѣсто. Мои добрые друзья Дюкъ и Доре и другіе педанты, считали недостаточнымъ мое почти трехлѣтнее пребываніе въ бѣдномъ приходѣ Fresnes. Моя гордость и независимость не нравилась имъ, я холодно раскланивался съ ними при встрѣчѣ на улицѣ. Они не могли понять, какъ могъ я заслужить симпатію того человѣка, которого всѣ боялись, и вообразили себѣ, что по возвращеніи своемъ Fabre des Essarts забудетъ о своемъ любимцѣ, и я еще долго буду находиться въ бѣдной лачугѣ Fresnes. Но они ошиблись. О

Fabre des Essarts понялъ ихъ дурныя намѣренія, и холодно объявилъ имъ, что настаиваетъ на моемъ назначеніи и самъ лично займется этимъ дѣломъ. Онъ тотчасъ же написалъ тому священнику, который занялъ мое мѣсто; далъ ему другое назначеніе и приказалъ оставить Saint-Denis-sur-Loire въ продолженіи недѣли. Одновременно съ этимъ онъ написалъ мнѣ, чтобы я приготовился служить большую обѣдню въ Saint-Denis-sur-Loire въ ближайшее воскресенье.

Я съ радостью повиновался, сожалѣя въ то же самое время добрыхъ обитателей Fresnes, которые все плакали во время моего отъѣзда.

Вскорѣ умеръ преосвященный Созень и былъ замѣщенъ Fabre des Essarts'омъ. О. Доре, *исцѣлникъ (étignoir)*, сдѣлался первымъ главнымъ викаріемъ, и все мои враги остались при епископскомъ дворѣ, но я не боялся ихъ. Епископъ былъ на моей сторонѣ, я въ этомъ былъ вполне увѣренъ, и я имѣлъ дѣло только съ нимъ. Я сдѣлалъ ему нѣсколько визитовъ, а онъ приглашалъ меня нѣсколько разъ на обѣдъ, гдѣ я долженъ былъ находиться съ моими врагами, которые считали нужнымъ обратиться ко мнѣ съ нѣсколькими притворными любезностями. Епископъ сажалъ меня около себя, для того чтобы ему было удобнѣе говорить со мной, съ участіемъ относился къ моимъ занятіямъ и ободрялъ меня.

Однажды онъ спросилъ меня, не было ли у меня какой-нибудь оконченной работы. Въ то время, я переписывалъ во второй разъ рукопись моего перваго тома. Онъ пожелалъ видѣть его. Я его ему принесъ и онъ оставилъ его у себя.

Такъ какъ занятія не позволяли ему читать столь большую рукопись, то онъ передалъ ее на разсмотрѣніе почтенному старику о. Guillois, бывшему главному викарію, который считался лучшимъ богословомъ во всей епархіи. Одинъ молодой священнослужитель изъ епископской канцеляріи отправлялся каждый вечеръ къ о. Guillois, прочитывалъ ему часть рукописи и потомъ записывалъ все то, что добрый старикъ диктовалъ ему относительно слышаннаго имъ изъ рукописи. Когда окончилось чтеніе рукописи, то о. Guillois составилъ о немъ столь похвальное донесеніе, что оно могло бы быть лестнымъ даже для лучшаго изъ сочиненій Боссюэта.

Преосвященный Fabre des Essarts, получивъ и прочитавъ донесеніе, прислалъ мнѣ письмо съ приглашеніемъ на завтракъ. Онъ сообщилъ мнѣ о донесеніи въ присутствіи моихъ озадаченныхъ враговъ и сказалъ мнѣ самымъ привѣтливымъ образомъ: «Дорогой другъ мой, я не отдамъ вамъ вашей рукописи, потому что передалъ ее моему типографу; вы можете видѣться съ нимъ и поговорить объ условіяхъ; если будетъ нужно, то я принимаю издержки по изданію на свой счетъ».

При чтеніи донесенія и слышаніи словъ епископа, мнѣ казалось, что все это я вижу и слышу во снѣ. Я чистосердечно сказалъ, что имѣю столь высокое понятіе о каждомъ писателѣ, издающемъ свою книгу, что мнѣ представляется страннымъ называть себя *авторомъ*. Это было сказано искренно, простодушно, если угодно *глупо*, но все же это было такъ. Я просилъ епископа не печатать моей книги: «Я еще не далеко ушелъ въ моей работѣ, сказалъ я ему, и мнѣ будетъ невозможно съ необходимой быстротой готовить рукописи другихъ томовъ, не нарушая правильности ихъ появленія». «Вы будете еще болѣе работать, отвѣтилъ мнѣ со смѣхомъ епископъ; вамъ дадутъ книгъ изъ епископской библіотеки, и когда вамъ нельзя будетъ работать въ городской библіотекѣ, то вы будете приходиться работать къ намъ».

Я принужденъ былъ рѣшиться, и сдѣлался авторомъ, помимо своего желанія, по приказанію епископа.

На все это было обращено вниманіе потомъ.

По выходѣ изъ епископскаго двора я сдѣлалъ визитъ о. Guillois. Онъ поцѣловалъ меня съ большой искренностью и спросилъ меня: «Милое дитя мое, не сынъ ли вы уважаемой госпожи Гетте, которую я считалъ своей духовной дочерью?» Когда я утвердительно отвѣтилъ ему, то онъ снова поцѣловалъ меня, и потомъ съ такимъ почтеніемъ началъ рассказывать о добродѣтеляхъ моей доброй матери, что я не выдержалъ и залился слезами.

Добрый и ученый Guillois вскорѣ послѣ того умеръ, и оставилъ о себѣ репутацію святого и ученаго священника. Сдѣланныя имъ похвалы моему сочиненію, вполне вознаграждаютъ меня за критику глупцовъ и невѣждъ.

Въ епископскомъ дворѣ былъ еще другой ученый священникъ, который радовался моему успѣху. Это былъ мой прежній наставникъ Аббатъ Леонъ Гарапенъ, который только что оставилъ приходъ Mondoubleau для занятія мѣста каноника въ соборѣ. Онъ имѣлъ званіе почетнаго главнаго викарія. Когда появилось объявленіе о напечатаніи моего перваго тома, то онъ находился еще въ Mondoubleau. По полученіи этого объявленія онъ тотчасъ же написалъ мнѣ милое письмо; а когда получалъ первый томъ посланный мною въ подарокъ, то написалъ мнѣ слѣдующее:

«Мой дорогой другъ,

«Тысячу и тысячу благодареній за ваше любезное приношеніе. Я не нуждался въ *напоминаніи*, чтобы помнить о любителѣ книгъ, священническаго дома Saint—Denis—sur—Loire; но это нисколько не вредить, и если это обстоятельство ничего не прибавляетъ къ расположенію, которое я всегда имѣлъ къ вамъ, потому что уже давно оно достигло высшей степени: то все же оно можетъ обновить его. Это приношеніе замѣнитъ мнѣ ваше собственное присутствіе. Когда я буду утомленъ и удрученъ ничтожными отпощепіями, которыя мы обязаны имѣть со свѣтомъ, то я пойду искать васъ въ моей библіотекѣ, мы будемъ разговаривать о духовныхъ наукахъ, вы сдѣлаетесь, въ свою очередь, моимъ наставникомъ. Мы будемъ свободно и откровенно толковать о галликанской церкви, къ которой такъ дурно относятся всѣ тѣ, которые ея не знаютъ».... Такимъ образомъ, когда о. Леонъ Гарапенъ былъ назначенъ каноникомъ и сдѣланъ членомъ епископскаго совѣта, то я приобрѣлъ еще одного добраго друга въ епископскомъ совѣтѣ. Нѣкоторые изъ священниковъ епархіи поздравляли меня съ успѣхомъ моей первой книги. Другіе же, напротивъ, бывши прежде моими друзьями, отвернулись отъ меня и не могли скрыть своей зависти.

О. Доре, встрѣтивъ меня однажды, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Ну вотъ вы сдѣлались и авторомъ? Теперь уже вамъ не нужно писать еще книгъ, и одной этой слишкомъ достаточно, даже больше чѣмъ нужно для чтенія». Я отвѣтилъ ему слѣ-

дующими словами: «То, что вы мнѣ говорите, о. главный викарій, нужно было бы сказать не мнѣ, а его преосвященству, когда онъ имѣлъ неосторожность (*sottise*) послать мою рукопись своему типографу». Большой носъ *гасильника* удлинился еще болѣе, и я повернулся къ нему спиною.

Между канониками былъ аббатъ Morisset, который считался великимъ ученымъ и великимъ ораторомъ. Этотъ оркуль епископскаго двора, чрезмѣрно былъ тщеславенъ и нагло обращался съ бѣднымъ низшимъ духовенствомъ. Преосвященный Essarts не посоветывался съ нимъ по поводу моего сочиненія. Съ его стороны это былъ большой промахъ, и я долженъ былъ поплатиться за это. Morisset прочелъ мою книгу и выразилъ слѣдующимъ образомъ свои впечатлѣнія: «Въ ней нельзя замѣтить еретическихъ мнѣній, но можно было бы изложить ея ученіе въ пяти еретическихъ предложеніяхъ, какъ это сдѣлали съ книгой Янсенія, и осудить ее такимъ же точно образомъ».

Отзывъ показался превосходнымъ, и онъ вызвалъ крикъ гусей епископскаго двора, которые начали восторгаться глупиною ученаго кладезя, называемаго Morisset'омъ.

Итакъ въ г. Блоа возникла мысль объ осужденіи моего сочиненія, какъ только появилась въ печати моя первая книга. Эта мысль не могла осуществиться при жизни преосвященнаго Essarts'a; но если бы его замѣнилъ епископъ тупой и ультрамонтанскій, то замыселъ самъ собою долженъ бы имѣть успѣхъ, что дѣйствительно и случилось, какъ это увидить читатель впоследствии.

Преосвященный Essarts желалъ въ началѣ перваго тома моего сочиненія помѣстить свое официальное одобреніе. Но Morisset, *гасильникъ* Доре и Филинь-пугачъ такъ напугали его тѣмъ, что въ слѣдующихъ томахъ моего сочиненія могутъ встрѣтиться заблужденія, что онъ согласился—перемѣнить свое намѣреніе. Второй томъ появился также безъ одобренія. Наконецъ вскорѣ появился и третій томъ.

Враги мои не могли уже помѣнать епископу сдѣлать для меня что-нибудь, но они достигли того, что одобреніе не имѣло официальной формы при сочиненіяхъ подобнаго рода, а

было лишь простымъ письмомъ, которое я имѣлъ право помѣстить въ началѣ третьяго тома.

Такъ дѣйствительно я и сдѣлалъ. Усиленные занятія для продолженія моей исторіи французской церкви, не мѣшали мнѣ исполнять свои служебныя обязанности. Всѣ жители Saint-Denis-sur-Loire, также какъ и жители Fresnes, были моими друзьями.

Ни префектура, ни епископскій дворъ никогда не получали жалобъ ни на приходскаго священника, ни на мэра, ни на учителя. Saint-Denis-sur-Loire считался образцовымъ приходомъ и не причинялъ никакихъ хлопотъ администраціи. Я занимался исключительно только исполненіемъ своихъ обязанностей по службѣ, и мои научныя занятія нисколько этому не мѣшали. Нужно однако замѣтить, что мое приходское мѣсто не нравилось мнѣ. Исповѣдальное мѣсто (confessionnal) служило для меня предметомъ ужаса, и я всегда заболѣвалъ, когда мнѣ приходилось бывать тамъ нѣсколько часовъ, во время большихъ праздниковъ. Никто между тѣмъ и не подозрѣвалъ моей антипатіи къ обязанности, которую я исполнялъ только по долгу.

Когда я находился въ Saint-Denis-sur-Loire, преосвященный Essarts учредилъ духовныя конференціи. Каждый мѣсяць священники кантоновъ должны были собираться у каждаго изъ нихъ по очереди, и привозить съ собою работы сдѣланныя въ теченіе мѣсяца, по вопросамъ указаннымъ въ программѣ, составленной заранѣе епископскою властью.

Первая конференція Кантона Est de Blois состоялась у аббата Бело, священника собора и благочиннаго (doyen) того кантона, къ которому причислялся приходъ Saint-Denis-sur-Loire. Я былъ единогласно избранъ секретаремъ, а вслѣдствіе этого на мою долю выпало излагать пренія, происходившія во время конференцій и представлять ихъ точный анализъ.

Секретарскія обязанности поставили меня въ необходимость имѣть болѣе частыя сношенія съ моимъ благочиннымъ, аббатомъ Бело. Этотъ добрый священникъ съ той же поры сталъ обнаруживать ко мнѣ расположеніе и уваженіе, которыя выказывалъ нѣсколько разъ на дѣлѣ. Онъ очень цѣнилъ «Ис-

торію французской церкви» и гордился протоколами конференцій, на которыхъ онъ предсѣдательствовалъ и которые представлялъ епископскому двору. Въ дѣйствительности протоколы эти не были простымъ изложеніемъ того, что было сказано, но составляли богословскія работы, которымъ я на самомъ дѣлѣ посвящалъ себя. Мои собратья, слушая ихъ, рачточали мнѣ свои похвалы, но сознавались, что сами они не были такъ учены, какъ это можно было думать, на основаніи протоколовъ, которые я составлялъ. Аббать Бело зналъ это очень хорошо: и въ концѣ года, въ присутствіи моихъ собратьевъ, онъ сказалъ мнѣ самымъ вѣжливымъ образомъ: «О. секретарь, на основаніи отзыва, представленнаго его пресвященству, о епархіальныхъ конференціяхъ, мы, благодаря вамъ, получили первое мѣсто; первый кантонъ епархіи, по географическому положенію, остался, благодаря вамъ, первымъ и въ богословскомъ отношеніи».

Всѣ мои собратья единодушно присоединились къ похваламъ высказаннымъ мнѣ предсѣдателемъ. Я сдѣлался первымъ богословомъ епархіи. Эта наука вѣроятно упала на меня съ неба, потому что Дюкъ и Ришодо воображали, что во время моего пребыванія въ семинаріи я не изучалъ богословія.

Иногда я посѣщалъ семинарію, чтобы видѣться съ моимъ прежнимъ начальствомъ, и розыскалъ тамъ эконома, который меня очень любилъ и который былъ моимъ духовникомъ. Онъ былъ очень радъ когда увидѣлъ меня, и смѣялся отъ души, узнавши какъ я отплатилъ Филину и маленькому папѣ Ришодо за ихъ дурные поступки со мною. Къ моимъ рассказамъ примѣшивалась нѣкоторая доля злобы, но не настолько сильной, чтобы меня можно было считать раздраженнымъ противъ нихъ.

Къ я дѣйствительно не былъ золъ на нихъ: но презиралъ ихъ: потѣшался надъ ними. Мнѣ скоро представился случай посмѣяться надъ маленькимъ папой Ришодо, когда журналъ легитимистовъ «*Центральная Франція*» уполномочилъ его отвѣтить г. Cadier'у, протестантскому пастору, который провозводилъ много шума въ епархіи своими проповѣдями и небольшими брнчюрами, которые онъ распространялъ. «*Централь-*

ная Франція», журналъ религіозный, хотѣлъ начать войну съ г. Cadier'омъ, и потому было совершенно естественно, что онъ обратился къ профессору догматическаго богословія, чтобы справиться съ этимъ господиномъ.

Аббатъ Ришодо согласился, но онъ писалъ статьи до такой степени жалкія и невозможныя для чтенія, что всѣ смѣялись надъ нимъ. Г. Cadier торжествовалъ. Тогда «Центральная Франція» обратилась ко мнѣ. Я скоро справился съ пасторомъ, и съумѣлъ склонить насмѣшниковъ на свою сторону. Съ тѣхъ поръ Cadier заперся въ своемъ храмѣ и умѣрилъ свое усердіе. Когда я посѣщаль семинарію, то тамъ говорили о моихъ статьяхъ противъ Cadier'a, и меня это радовало. Аббатъ Ришодо былъ сильно смущенъ, и вѣроятно думалъ, что его ученикъ, котораго онъ осуждалъ за нерадѣніе къ богословскимъ наукамъ, оказался лучшимъ богословомъ, нежели онъ самъ. Такого же мнѣнія были всѣ серьезные люди изъ духовенства.

Итакъ я пользовался всѣмъ блескомъ моей авторской славы, когда преосвященному Essarts'у пришла мысль перемѣнить служебный персоналъ въ семинаріи. Филинъ - пугачъ и его совы не могли болѣе оставаться на мѣстѣ, и большая семинарія была совершенно реорганизована. Преосвященный Essarts обратился тогда къ аббату Леону Гарапену, такъ какъ только одинъ онъ могъ преобразовать это заведеніе. Послѣ нѣкотораго колебанія, аббатъ Леонъ Гарапенъ согласился, но съ условіемъ, чтобы ему дали сотрудниковъ по его выбору. Епископъ обѣщаль ему это. О. Леонъ Гарапенъ прекрасно зналъ духовенство своей епархіи. Онъ избралъ наиболѣе способныхъ, и помѣстилъ меня въ списокъ, съ званіемъ профессора философіи и исторіи церкви. Преосвященный Essarts утвердилъ списокъ, но гусь епископскаго двора сѣва подняли крикъ, къ которому присоединился и аббатъ Moriset. Добрый епископъ былъ оглушенъ. Шумъ этотъ поднялся преимущественно изъ за меня. И что я сдѣлалъ всѣмъ этимъ самъ? Ничего, совершенно ничего. Много ли я имѣлъ времени заниматься имъ! Преосвященный Essarts, не зная на чѣмъ остановиться среди этого шума, предоставилъ о. Леону Гарапену справляться съ нимъ. «Я понимаю, сказалъ онъ епископу.

что всѣ эти люди будутъ намъ постоянно противодѣйствовать, если аббатъ Гетте будетъ въ числѣ моихъ сотрудниковъ: съ другой стороны я не могу уступить имъ въ этомъ отношеніи. Я во что бы то ни стало буду держаться аббата Гетте, который можетъ имѣть большое вліяніе на учениковъ, и будетъ моимъ наилучшимъ помощникомъ. Я понимаю, ваше преосвященство, что вы щадите священниковъ вашего совѣта; но въ такомъ случаѣ, оставьте вашъ проектъ, обратитесь къ какой либо монашеской конгрегаціи и поручите ей управленіе вашей семинаріею».

Преосвященный Essarts съ сожалѣніемъ отказался отъ своего проекта. Онъ обратился къ нѣсколькимъ конгрегаціямъ, которыя не могли однакоже согласиться на его предложеніе. Тогда онъ обратился къ іезуитамъ, которые набѣжали очень скоро, и бросились какъ хищныя птицы на бѣдную епархію Блоа. Во главѣ ихъ находился отецъ Fessard, іезуитъ, на котораго было возложено преподаваніе. Отецъ Fessard сдѣлался важнымъ лицомъ въ іезуитскомъ обществѣ.

Когда онъ явился въ Блоа, революція 1848 года низвергла тронъ Орлеановъ и провозгласила республику.

Прежде чѣмъ говорить о томъ измѣненіи, которое произвело это событіе въ моемъ положеніи, я долженъ сказать, что пзвѣстность моя, какъ писателя, перешла границы епархіи Блоа. Я получалъ очень лестныя епископскія письма: аббатъ Chauvin de Malan (онъ тогда еще не дѣлалъ своего духовнаго завѣщанія) предлагалъ мнѣ сотрудничество въ большомъ журналѣ, Религіозномъ Обзорѣннн, которое онъ хотѣлъ издавать въ Парижѣ; аббатъ Darbois, ставшій потомъ архіепископомъ Парижскимъ, сдѣлалъ отзывъ о моемъ сочиненіи въ «*Корреспондентъ*», отецъ Prat, іезуитъ изъ Ліона, писалъ мнѣ, чтобы я присоединился къ нему, для продолженія *Исторіи галликанской церкви* его собратьевъ іезуитовъ Longueval'я и другихъ.

Іезуиты рѣшительно хотѣли завладѣть мною; и предложеніе отца Prat'а было прекраснымъ средствомъ остановить изданіе моего сочиненія. Присоединившись къ новому изданію, которое должно было замѣнить мое сочиненіе, я конечно пріобрѣлъ бы больше денегъ и почестей, но я былъ слишкомъ

простодушень, чтобы имѣть подобныя идеи. Я отвѣтилъ доброму отцу, что онъ можетъ продолжать свое сочиненіе, безъ моего сотрудничества, а я буду продолжать свое, и такимъ образомъ духовный міръ приобрѣтетъ два хорошихъ сочиненія, вмѣсто одного. Этотъ отвѣтъ польстилъ, повидимому, доброму отцу Prat'у, тѣмъ болѣе, что въ моемъ письмѣ я протестовалъ противъ рекламы, въ которой братья Guyot, *продавцы* моего сочиненія въ Парижѣ и Ліонѣ, унизили одну книгу изданную уже отцемъ Prat'омъ. Я не уполномочивалъ ихъ на столь скверное дѣло. Отецъ Prатъ написалъ мнѣ въ другой разъ и благодарилъ меня за мои добрыя чувства; въ *postscriptum* онъ присовокуплялъ: «когда *«Исторія французской церкви»* немного подвинется впередъ, то я, въ качествѣ бібліотекаря, заставлю прочесть ее въ нашей трапезной».

Въ ту эпоху ее читали въ трапезной аббатства Траппистовъ въ Staouéli, въ Алжирѣ.

Ни іезуиты, ни трапписты, ни епископы, не считали въ то время мою книгу, зараженной заблужденіями.

Филивъ-пугачъ узналъ, что отецъ Prатъ писалъ мнѣ, и что я не согласился на его предложенія; и онъ вывелъ изъ этого, что я чрезмѣрно зараженъ высокоуміемъ.

Другой церковный историкъ, болѣе извѣстный нежели отецъ Prат, г. Laurentie, который имѣлъ дачу въ епархіи Блоа, придавалъ весьма большое значеніе моему сочиненію. Онъ приходилъ въ отчаяніе отъ моихъ замѣтокъ, въ которыхъ я указалъ на нѣкоторыя ошибки въ его *Исторіи Франціи* по поводу сужденій о *Сидоніи Аполлинаріи* и *Салвианнѣ*, и онъ передалъ свое огорченіе моему типографу. Я не имѣлъ никакой причины дѣлать непріятность этому уважаемому человеку, который, бывши сыномъ простого крестьянина, своимъ дарованіемъ сумѣлъ сдѣлаться главою партіи легитимистовъ и главнымъ редакторомъ журн. *L'Union*. Такъ какъ въ то время выходило второе изданіе моего перваго тома, то я пожертвовалъ моими замѣтками, причинявшими ему огорченіе. Какъ только г. Laurentie узналъ объ этомъ, то тотчасъ же написалъ мнѣ: «Я не сожалѣю о нескромности г. Jahyer'a (фамилія моего типографа), потому что она подала вамъ слу-

чай выразить чувства, которыми я горжусь. Вѣрьте мнѣ, милостивый государь, что мое мнѣніе о вашемъ сочиненіи, не могло, ни въ какомъ случаѣ, быть измѣнено вслѣдствіе нашихъ личныхъ отношеній. Мнѣ было легко замѣтить, что вашъ трудъ сдѣлаетъ честь христіанской письменности и потому ваши замѣчанія были для меня тѣмъ болѣе чувствительны... Я получилъ много огорченій изъ вашей епархіи, и радуюсь, что та небольшая непріятность, которую причинила мнѣ ваша книга, есть не болѣе какъ литературное недоразумѣніе, уже изглаженное вашей благосклонностью. Г. Laugentie не былъ уже редакторомъ L'Union, когда этотъ журналъ оскорблялъ меня, какъ я это сообщу читателю впослѣдствіи. Дворяне, которые издавали журналъ потомъ, не обладали ни дарованіемъ, ни вѣжливостью сына крестьянина, который былъ учителемъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Я паходился въ Saint-Denis-sur-Loige и спокойно занимался своими пастырскими обязанностями и своей Исторіей Французской Церкви, когда громовой ударъ низвергнулъ тронъ, захваченный Людовикомъ-Филиппомъ Орлеанскимъ. Это событіе не могло нарушить моего спокойствія. Я не боялся республики. Въ деревняхъ разнесся слухъ, что хотѣли отмѣнить духовный бюджетъ. Муниципальный совѣтъ, съ мэромъ во главѣ, явился въ священнической домъ, для того чтобы сказать мнѣ, что если правительство не будетъ платить мнѣ жалованья, то общество мнѣ заплатитъ, и что всѣ жители просятъ меня остаться среди нихъ. Я отъ глубины сердца благодарилъ этихъ честныхъ людей и увѣрялъ ихъ, что я ничего не опасаюсь, и спокойно останусь на своемъ мѣстѣ.

Мои собратья, которые вовсе не были республиканцами, считали нужнымъ съ энтузіазмомъ привѣтствовать республику.

Мнѣ не нужно было обнаруживать столь сильной расположенности къ республикѣ. Ни въ одномъ изъ приходоу дереву свободы не было встрѣчено болѣе скромнымъ образомъ. Я не желалъ даже присутствовать въ Блоа, съ своими прихожанами, при первыхъ выборахъ, и уступая только настояніямъ мэра, сталъ вмѣстѣ съ нимъ во главѣ избирателей.

Въ г. Блоа возникла мысль основать республиканскій жур-

наль. Основатели его, люди наиболѣе значительные въ городѣ, избрали меня главнымъ редакторомъ новой газеты. Я сообщилъ епископу о ихъ намѣреніи. Онъ совѣтовалъ мнѣ согласиться и поселиться въ Блоа. Бѣдный епископъ очень боялся республики, и находилъ, что только по дѣйствию Промысла меня избрали редакторомъ республиканскаго журнала.

Такимъ-то образомъ, съ одобренія епископа, я сдѣлался редакторомъ *«Républicain de Loir-et-Cher»*.

Мои добрые враги при епископскомъ дворѣ сочли неумѣстнымъ заниматься моимъ новымъ положеніемъ. Всѣ боялись меня и сочли необходимымъ сдѣлать мнѣ визиты и выразить свое уваженіе.

Все это было лицемѣрно, я въ этомъ былъ увѣренъ и послѣдствія показали, что я не ошибался. Доре, прозванный *ислиникомъ*, очень скоро доказалъ мнѣ это. Я помѣстился возлѣ собора, съ намѣреніемъ служить тамъ обѣдню и присутствовать во время богослуженія. Доре, благочинный капитула (*doyen du chapitre*), назначилъ мнѣ (при служеніи) мѣсто менѣ почетное того, которое занималъ ризничій, совершенный идіотъ, не получившій никакого образованія, и котораго посвятили въ священники потому только, что онъ имѣлъ состояніе и его обязанности ризничьяго ничего не стоили церкви.

Я понималъ, что мнѣ придется переносить непріятности отъ всѣхъ педантовъ (*cuistres*), и потому не показывался болѣе въ соборѣ, а ходилъ служить обѣдню и присутствовать при общественномъ богослуженіи въ церкви того предмѣстья, гдѣ я родился. Приходскій священникъ былъ въ восторгѣ, нѣсколько разъ просилъ меня служить во время большихъ праздниковъ, и выражалъ мнѣ тысячи любезностей. Епископъ думалъ, что мнѣ нравится служить въ церкви, гдѣ меня крестили и гдѣ я служилъ первую обѣдню. Я не жаловался ему на Доре за оскорбленіе, полученное мною. Къ чему это было нужно? Я презиралъ самую личность, и этого было достаточно.

Я посѣщалъ епископа довольно часто. Въ случаѣ моей забывчивости онъ спрашивалъ обо мнѣ. Онъ даже самъ приѣз-

жалъ ко мнѣ; такой чести не заслужилъ отъ него ни одинъ изъ священниковъ. Однажды онъ сказалъ мнѣ: «Я имѣю намѣреніе, мой дорогой другъ, сдѣлать распоряженіе приготовить вамъ помѣщеніе въ епископіи возлѣ бібліотеки. Вы будете моимъ другомъ; мы вмѣстѣ будемъ читать нашъ требникъ, и у васъ будетъ много времени для работы. Окончивъ свою *«Исторію французской церкви»*, вы начнете писать исторію Франціи. Тѣ, которыя мы имѣемъ, не особенно цѣнны. Если вашъ журналъ потерпитъ неудачу, то вы останетесь при мнѣ; я васъ сдѣлаю каноникомъ, вы будете обѣдать со мною. Не заботьтесь о матеріальной сторонѣ вашего существованія».

Все это навѣрное сбылось бы, если бы преосвященный Fabre des Essarts остался въ живыхъ. Онъ говорилъ о своемъ проектѣ другу моему, аббату Леону Гарापену, который сказалъ мнѣ однажды: «Мнѣ извѣстны добрыя намѣренія его преосвященства, относительно васъ; онъ искрененъ, но онъ не въ состояніи будетъ осуществить своихъ предположеній. Онъ сильно боленъ и скоро умретъ. Я знаю, что онъ уже сдѣлалъ распоряженіе, приготовить вамъ помѣщеніе; но не соглашайтесь на это, найдите предлоги для отсрочки вашего перемѣщенія. Весь епископскій дворъ наполненъ вашими врагами. По смерти епископа, они прежде всего выгонятъ васъ; и потому будетъ лучше, если вы тамъ совсѣмъ не поселитесь».

Совѣтъ былъ благоразуменъ, и я рѣшился слѣдовать ему.

Журналъ *«Republicain de Loir-et-Cher»* скоро занялъ первое мѣсто въ прессѣ департамента. Я велъ борьбу съ плохимъ и печестивымъ радикальнымъ журналомъ *«Courrier de Loir-et-Cher»*, съ *«Journal de Loir-et-Cher»*, органомъ орлеанистовъ и съ *«France centrale»*, органомъ легитимистовъ. Эта послѣдняя газета не могла успокоиться, послѣ того, какъ я оставилъ ее. Она преслѣдовала меня, но я съ своей стороны давалъ столь сильный отпоръ, что редакторъ ея г. de Saint-Martial, явился ко мнѣ съ визитомъ и просилъ помириться. Я охотно согласился на это, потому что въ числѣ основателей этого журнала насчитывалъ много друзей. Г. de Saint-Martial умеръ, вскорѣ послѣ того, отъ холеры. Я написалъ

ему похвальное слово въ моемъ журналѣ. Указываю на этотъ незначительный фактъ, для того чтобы доказать моимъ противникамъ, что въ моихъ спорахъ я никогда не былъ зачпникомъ; и что опровергая убѣжденія, я никогда не питалъ дурныхъ чувствъ къ самимъ лицамъ.

Я долженъ также упомянуть о моихъ статьяхъ противъ отца Fessard'a, который во время своихъ бесѣдъ въ церкви Saint-Nicolas, не стѣснялся нападать на республику. Мои стрѣлы достигли повидимому цѣли, потому что добрый отецъ іезуитъ, прибывшій говорить проповѣди во время поста, явился ко мнѣ съ торжественнымъ визитомъ въ сопровожденіи аббата Доре. Такъ какъ добрый отецъ ограничился обсужденіемъ религіозныхъ вопросовъ, то я оставилъ его въ покоѣ и не занимался имъ болѣе.

Духовенство г. Блоа съ энтузіазмомъ встрѣтило журналъ *«Republicain de Loir-et-Cher»*. Большое число священниковъ подписались на него; почти всѣ обращали ко мнѣ преувеличенныя похвалы въ своихъ абониментныхъ письмахъ и заканчивали ихъ возгласомъ: *«Да здравствуетъ республика!»*

Дѣла совершенно измѣнились, какъ только незаконный сынъ королевы Гортенсіи и голландскаго адмирала Верюэля (Verhuel) былъ избранъ президентомъ республики подъ именемъ Наполеона Бонапарта. Я изъ всѣхъ силъ противился этому избранію, но скоро понялъ что нужно было прекратить борьбу, во избѣжаніе ссылки. Я былъ искреннимъ республиканцемъ, но не былъ расположенъ перенести мученичество за свое убѣжденіе. Итакъ мой журналъ прекратился послѣ года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ существованія.

Преосвященный Essarts былъ тогда на смертномъ одрѣ. вмѣстѣ съ нимъ улечивались всѣ мои надежды. Я написалъ въ Парижѣ, и просилъ мѣста, которое было свободнымъ въ институтѣ *Vaugirard'a*, находившемся подъ управленіемъ аббата Poilour'a. Я получилъ его—это было мѣсто профессора философіи. Но мои добрые друзья г. Блоа, узнавъ объ этомъ, постарались повредить мнѣ. Они напугали аббата Poilour'a, рассказавъ ему о моихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ. Этотъ добрякъ вѣроятно вообразилъ, что къ нему

явится окровавленный Морать въ его мирное учрежденіе, и написалъ мнѣ, что, уступая просьбамъ своего стараго профессора, онъ оставляетъ его на мѣстѣ.

Аббатъ Leboucher, котораго я совсѣмъ не зналъ, узнавши объ отказѣ аббата Poilour'a, предложилъ мнѣ кафедру философіи въ своей коллегіи въ Ternes. Я согласился, и отправился въ канцелярію епископскаго двора просить главныхъ уполномоченныхъ (titulaires) викаріевъ дозволить мнѣ оставить епархію.

Пресвященный Essarts въ то время уже умиралъ, и я не могъ видѣть его на смертномъ одрѣ. Я уѣхалъ изъ Блоа безъ его вѣдома. О. Доре казалось былъ въ отчаяніи отъ моего отъѣзда. «Я вамъ дозволяю оставить епархію для продолженія вашихъ научныхъ занятій; но я не даю вамъ отпуска; мы можемъ разрѣшить вамъ только временный отъѣздъ. Вы возвратитесь къ намъ». Въ умѣ хитреца также какъ и въ моемъ, временное считалось рѣшительнымъ, но этого нельзя было высказать. Вотъ прекрасная бумага, которую мнѣ вручили:

Епископскій гербъ.

Епископія (évêché) г. Блоа.

«Marie Auguste Fabre des Essarts». Милостью Божіею и апостольскою властію святаго престола епископъ г. Блоа.

«Согласно прошенію аббата Гетте (Rene-François) священника нашей епархіи, и принимая во вниманіе представляемая имъ причины, даемъ отнынѣ разрѣшеніе водвориться (se fixer) въ епархіи Парижа, для исполненія поручаемыхъ ему обязанностей по преподаванію. Мы, кромѣ того, удостоверяемъ, что аббатъ Гетте, въ теченіе всего времени своего священнослуженія и пребыванія въ нашей епархіи, всегда отличался какъ своими научными познаніями, такъ и пастырскими добродѣтелями (moeurs ecclesiastiques)». Дано въ Блоа 11 октября 1850 года.

«Доре».

«Гл. Вик.».

Разрѣшеніе это было написано (кромѣ подписи), аббатомъ Вено (Venot), который оставилъ кафедру философіи, на которой онъ распространялъ столько свѣта, и промѣнялъ ее на должность епископскаго секретаря.

Поводы, которыми объясняли себѣ въ епископіи мой отъѣздъ, сводились къ одному: я ѣхалъ въ Парижъ для того, чтобы быть ближе къ большимъ бібліотекамъ, которыя мнѣ были необходимы для продолженія *«Исторіи французской церкви»*; но объ этомъ не могли говорить, не упоминая въ то-же время о моемъ сочиненіи, чего бы они ни за что не захотѣли сдѣлать. Уже и то было хорошо, что они рѣшились признать, что я уѣзжаю въ Парижъ *по моему прошенію*, и упомянуть о моей учености. О. Доре съ братіей были такъ довольны моимъ отъѣздомъ, что рѣшились даже, противъ своего желанія, на похвалу мнѣ. Если они были довольны моимъ отъѣздомъ, то еще болѣе я былъ счастливъ, оставляя ихъ. Итакъ всѣ были довольны.

К.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ УЧЕНІЙ О КРАСОТѢ И ИСКУССТВѢ.

Изъ академическихъ чтеній Е. В. Амфитеатрова.

(заслуженнаго ординарнаго профессора Московской духовной академіи).

(Продолженіе *)

3. Шеллингъ. Зольгеръ. Второстепенные нѣмецкіе эстетики-идеалисты XIX в.

Отъ Шиллера, эстетическія идеи котораго принадлежатъ къ самымъ свѣтлымъ и плодотворнымъ въ этой сферѣ человѣческаго знанія, мы переходимъ прямо къ основателю абсолютнаго идеализма въ философіи — къ Шеллингу (1775—1854). Дѣятельность предшественника его въ философіи, Фихте, обращена была преимущественно къ нравственному и политическому, и потому вопросы эстетики имѣли для него только второстепенное достоинство.

Что для Шиллера было еще ожидаемымъ результатомъ, именно, дѣйствительное единство между теоретическою и практическою силами духа, то Шеллингъ сдѣлалъ исходнымъ пунктомъ своей философіи. Духъ, по Шеллингу, есть истинная субстанція теоретической и практической силы. Чтобы видѣть наглядно жизнь духа, необходимо непосредственное воззрѣніе на дѣйствительное единство духа съ природою. Такое воззрѣніе Шеллингъ нашелъ въ эстетикѣ, которая, по

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 24.

его мнѣнію, служить входомъ во всю фплософію, потому что только въ ней ясно раскрывается, что такое — фплософскій духъ. «Чтобы не потонуть въ потокѣ представленій, говоритъ Шеллингъ во вступительномъ разсужденіи «О наукѣ наукъ», я имѣеть нужду въ постоянной дѣятельности самосозерцанія, въ которой оно сохраняетъ себя и вслѣдствіе которой оно перепоситя отъ дѣйствія къ дѣйствию, отъ мысли къ мысли, отъ времени ко времени. Но все это доставляется именнo воображеніемъ, которое, какъ соединительный членъ между теоретической и практической силами, имѣеть сходство — и съ теоретическимъ разумомъ, насколько онъ зависитъ отъ знанія предметовъ, и съ практическимъ разумомъ, насколько онъ самъ производитъ свой предметъ. Воображеніе наивнымъ образомъ производитъ предметъ свой, потому что поставляетъ себя въ полную зависимость отъ этого предмета, въ совершенную пассивность. Чего произведенію воображенія не достаетъ въ объективности, то замѣняетъ оно пассивностію, въ которую добровольно ставитъ себя по отношенію къ идеѣ созданнаго имъ предмета. Поэтому, воображеніе можно опредѣлить способностію переходить, вслѣдствіе совершенной самодѣятельности въ совершенную пассивность. На этомъ основаніи искусство является истиннымъ органомъ философіи, потому что въ немъ соединены въ одно производимое и производящее, бессознательное и сознательное. Въ художественномъ произведеніи видимъ мы дѣятельность *я* въ фигурѣ произведенія, не доведенную до мертвенности предмета. Въ искусствѣ вполне разрѣшенъ и объясненъ способъ, какимъ *я* переходитъ въ *не-я* и показывается непосредственно единство *я* и *не-я*. Въ эстетическомъ возрѣніи *я* становится одно съ *не-я*, или, такъ какъ *не-я* въ противоположеніи къ *я* есть не что иное, какъ природа, то, созерцая природу въ духѣ, *я* созерцаю также и духъ въ природѣ. Опытъ перваго созерцанія Шеллингъ сдѣлалъ въ системѣ трансцендентальнаго идеализма, опытъ послѣдняго — въ рѣчи «объ отношеніи образовательныхъ искусствъ къ природѣ». Эта рѣчь, классическая по своей формѣ, составляетъ эпоху въ исторіи эстетики, и особенно — въ отношеніи къ образовательнымъ

искусствамъ. «Искусства эти, говоритъ Шеллингъ, по древнѣйшему выраженію, должны быть нѣмою поэзіею, т. е., подобно ей, выражать духовныя мысли и понятія, только не въ языкѣ, а какъ нѣмая природа,—чрезъ фигуру, форму, чрезъ чувственныя независящія отъ нея дѣла». Поэтому, образовательное искусство стоитъ, очевидно, въ дѣятельной связи между душою и природою и можетъ быть понимаемо, какъ живое посредство между обѣими.

«Можетъ показаться, говоритъ Шеллингъ, что это начало уже давно признано посредствомъ правила подражанія природѣ, съ ограниченіемъ, что должно подражать въ природѣ только прекрасному. Съ этимъ вмѣстѣ должно быть признано, что въ природѣ смѣшано совершенство съ несовершенствомъ, красота съ безобразіемъ. Но вопросъ въ томъ: какъ искусство, только подражающее природѣ, можетъ отличить въ ней красоту отъ безобразія? Общее свойство подражателей—такое, что они скорѣе и легче усвояютъ себѣ недостатки, чѣмъ совершенства своихъ образцовъ, и, потому, чаще и съ бѣльшею любовію подражаютъ безобразному нежели прекрасному». Когда разсматриваемъ мы вещи не въ существѣ, а въ пустой отвлеченной формѣ, тогда онѣ не говорятъ ничего нашему внутреннему; нашъ собственный духъ, наше собственное сердце должны мы внести въ то, что отвѣчаютъ онѣ намъ. Но что такое совершенство каждой вещи? Не что другое, какъ творящая жизнь въ ней, сила ея бытія. Кому природа представляется, какъ нѣчто мертвое, тому никогда не удавался тотъ глубокій процессъ, чрезъ который, какъ бы очищенное въ огнѣ, происходитъ чистое золото красоты и истины. Поэтому, Шеллингъ порицаетъ Винкельмана, который, какъ извѣстно, увлеченный красотою формъ древней пластики, училъ, что цѣль искусства есть произведеніе идеальной природы, превосходящей дѣйствительность, и вмѣстѣ выраженіе духовныхъ понятій. Красота, такимъ образомъ, является у него въ раздѣленныхъ элементахъ, съ одной стороны,—какъ красота, которая истекаетъ изъ души, съ другой, какъ красота формъ.

«Но какая дѣятельная дѣйствительная связь соединяетъ обѣ вмѣстѣ, или, какою силою создана душа вмѣстѣ съ тѣломъ

какъ бы однимъ дохновеніемъ? Если это превышаетъ силу искусства, какъ и природы, то, значить, оно ничего вообще не можетъ создать?»

Всякое единство можетъ быть только духовнаго свойства и всякое изслѣдованіе природы должно быть направлено къ тому, чтобы мы открыли знаніе въ ней самой. Это дѣятельное знаніе въ природѣ и искусствѣ составляетъ связь между понятіемъ и формою, между душою и тѣломъ. Только посредствомъ него, вѣчное понятіе, присущее каждой вещи и предначертанное въ вѣчномъ разумѣ, осуществляется и воплощается. «Если счастливымъ и достойнѣйшимъ можно назвать того художника, которому боги даровали этотъ творящій даръ, то художественное твореніе является превосходнымъ въ той мѣрѣ, въ какой обнаруживаетъ въ себѣ эту неподдѣльную силу творчества и дѣятельность природы какъ бы въ одномъ очеркѣ». Вслѣдствіе этого, Шеллингъ ввелъ въ теорію искусства понятіе бессознательнаго творчества, вслѣдствіе котораго произведеніе получаетъ печать неотразимой реальности; вмѣстѣ съ тѣмъ Шеллингъ возсталъ противъ, такъ называемаго, идеализированья, въ чемъ послѣдовали за нимъ Руморъ, Квандтъ и др. Требованіе идеализированья, говоритъ Шеллингъ, произошло, повидимому, отъ той мысли, по которой дѣйствительность представляетъ не истину, красоту и добро, но противоположное всему этому. Если бы это было справедливо, то художникъ, чтобы создать нѣчто истинное и прекрасное, долженъ бы дѣйствительное не возвышать или идеализировать, а прямо уничтожить. Но какъ можетъ быть что-либо дѣйствительнымъ кромѣ истиннаго, и что такое красота, если не полное бытіе безъ всякаго недостатка? Искусство представляетъ только дѣйствительно существующее въ природѣ, и цѣлю его никогда не можетъ быть—превзойти такъ называемую дѣйствительную природу, потому что оно всегда должно оставаться у нея позади. Что статуя не дышетъ, не движется ни однимъ ударомъ пульса, не оживляется ни однимъ взглядомъ,—это вполне выказываетъ истинную задачу искусства: представлять только истинно существующее, а не существующее—какъ несуществующее». Впрочемъ пори-

паніе, которое Шеллингъ направляетъ противъ правила подражанія прекрасной природѣ, можетъ быть обращено на него самого. Отличая въ природѣ дѣйствительно существующее отъ несуществующаго, онъ назначаетъ для подражанія только первое. При этомъ очень важно, что единственно живымъ въ вещахъ онъ признаетъ понятіе, все же прочее, по его мнѣнію, не существенно и пустая тѣнь. Вслѣдствіе этого, назначеніемъ искусства становится представленіе чистаго понятія вещей. Дѣло художника—представить чувственно это понятіе вещи, какъ начертано оно въ безконечномъ умѣ. Съ этимъ согласно и то, что говоритъ Шеллингъ частію въ «чтеніяхъ объ методѣ академическаго ученія», частію въ «системѣ трансцендентальнаго идеализма», именно,—что «формы искусства суть формы вещей самихъ въ себѣ, какъ онѣ существуютъ въ первообразахъ», и что «красота конечнымъ образомъ представляетъ безконечное». Такъ какъ творящее знаніе необходимо соединено съ безконечнымъ умомъ, то одушевленный испытатель природы изучаетъ и истинные первообразы формъ, и способъ происхожденія чувственныхъ вещей изъ этихъ первообразовъ въ произведеніяхъ искусства.

Это возвращаетъ насъ снова къ платонизму, изъ котораго первоначально произошло ученіе о единственно истинно-сущихъ первообразахъ вещей. Такъ какъ подражаніе дѣйствительно существующему въ природѣ, каковъ—только духъ, можетъ вести только къ постоянному повторенію безконечнаго въ конечномъ; то въ самомъ духѣ должно существовать нѣкоторое множество духовнаго, чтобы стало возможнымъ множество чувственныхъ представленій духовнаго. На этомъ основаніи придуманы первообразы, какъ творческія мысли безкопечнаго ума. Они-то и составляютъ дѣйствительно существующую природу, такъ что то, что мы обыкновенно называемъ природою, прямо признается за несуществующее. Отсюда, произведеніе искусства для Шеллинга тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ ближе подходитъ оно къ чистому бытію, какъ идеѣ. Потому же въ своей рѣчи «объ отношеніи образовательныхъ искусствъ въ природѣ» онъ придаетъ величайшую важность преобладанію души въ художественномъ твореніи, такъ что зна-

менитый основатель Венеціанской школы, живописецъ Гвидо Рени, потому и казался ему величайшимъ изъ художниковъ, что онъ называлъ его прямо «живописцемъ души».

Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, искусство не можетъ имѣть другой цѣли, какъ только—уничтожить само себя. «Въ томъ, что обыкновенно называютъ искусствомъ, говоритъ Шеллингъ, нѣтъ ничего, что-бы заняло философа. Только интеллектуальное воззрѣніе искусства можетъ занимать мыслителя» ... Вообще же Шеллингово ученіе о красотѣ напоминаетъ не столько Платона, сколько Плотина. У Платона въ самой идеѣ еще господствуетъ мысль о мѣрѣ, представленіе опредѣленныхъ отношеній; но у Шеллинга, какъ и у Плотина, исчезаетъ совершенно всякая мѣра отношеній. Красота отступаетъ въ глубь духа, во внутренность вещей, изъ которой благодѣтельно просвѣчиваетъ, какъ душа, проникая темную скорлупу. Поэтому, здѣсь, какъ и у Плотина искусство сдѣлалось только первою ступенью, ведущею къ философіи. Оно есть только первый лучъ сознанія, который духъ въ своемъ произведеніи получаетъ о самомъ себѣ, и красота только первая форма, въ которой видитъ себя истина. Духъ требуетъ искусства, какъ фактическаго доказательства интеллектуальнаго воззрѣнія. Оказавъ ему эту услугу, оно уже не имѣетъ для него никакого другого достоинства. Если бы Шеллингъ свое трансцендентальное воззрѣніе могъ утвердить другимъ путемъ, то, не смотря на свое художественное чувство и высокій художественный талантъ, онъ никогда бы, можетъ быть, серьезно не занялся бы искусствомъ. Оно интересовало его только потому, что онъ видѣлъ въ немъ какъ бы осуществленную Архимедову точку, съ которой духъ и природа являются только двумя противоположными полушаріями одного и того же міра тождества. Въ немъ единство идеальнаго и реальнаго, котораго онъ искалъ, существуетъ, по крайней мѣрѣ, настолько, что въ художественномъ твореніи реальное является поставленнымъ какъ идеальное, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ поставленное безъ сознанія, кажется принадлежащимъ природѣ. Но Шеллингъ не хотѣлъ и не могъ остановиться на одномъ этомъ. Цѣлюю его было разрѣшить міровую загадку, въ кото-

рой сущности вещей придана не только идеальная, какъ творенію художника, но реальная дѣйствительность; идеальное созданіе художественнаго произведенія чрезъ художника есть только первый слабый отблескъ реальнаго творенія міра чрезъ Божественное существо. Онъ мечталъ понять Творца, когда понималъ только художника. Его умозрительная эстетика была только приготовленіемъ къ его умозрительной теологіи.

Не намъ дѣло—объяснять, чрезъ какія фазы старался Шеллингъ приблизиться къ этой конечной своей цѣли, которой полагалъ достигнуть въ своей философіи откровенія. Довольно, что вслѣдствіе этого искусство отомпло на сторону того, что позже Шеллингъ называлъ своей отрицательной философіей, а Гегель—феноменологіей духа. Такимъ образомъ, центр тяжести Шеллинговой философіи искусства лежитъ не въ искусствѣ, а въ кое-чемъ другомъ. Хотя чрезъ это, повидимому, получило оно высшее значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ потеряло свое собственное. Если искусство есть только низшая ступенька къ философіи и теологіи, то серьезный художникъ прежде другихъ долженъ соскучиться надъ искусствомъ. Какъ мыслитель бросаетъ искусство, чтобы перейти къ философіи, такъ долженъ бросать его и мыслящій художникъ, чтобы вполнѣ сдѣлаться мыслителемъ. На самыхъ крайнихъ границахъ матеріи все превращается въ свѣтъ, на самыхъ крайнихъ границахъ искусства все переходитъ въ философію. Естественнымъ послѣдствіемъ Шеллинговой философіи искусства должно бы быть прекращеніе искусства. Если этого не случилось, то этого нельзя поставить въ заслугу Шеллинговой теоріи. Опасное склоненіе по этому направленію обнаружилось въ новомъ искусствѣ, особенно—въ литературѣ новаго времени. Почти всѣ современные поэты претендуютъ на мыслительство, всѣ боятся быть поэтами формы и стараются попасть въ поэты мысли. Впрочемъ, истинная художественная природа по самому существу своему слишкомъ настроена къ реальному, чтобы могла когда-нибудь подавить ее эстетика, уничтожающая чувственную матерію, безъ которой невозможно искусство. Мыслительство художниковъ и поэтовъ есть крайность, направленная къ уничтоженію другой крайности,—увлеченія пустой

бездушной формой красоты, выразившагося въ совершенно бесодержательныхъ произведеніяхъ въ родѣ пѣсенъ о розѣ, лупѣ и т. п.

Между Шеллингомъ и Гегелемъ промежуточный членъ образуетъ теософическая эстетика *Зольгера* (р. 1770—1819). И Гегель и Зольгеръ примыкаютъ идеями своими къ Шеллингу, но первый вообще стоитъ ближе къ нему, по крайней мѣрѣ, чаще возвращается къ его началамъ.

Одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ Гегеля, Фишеръ, говорилъ, что первую систему эстетики мы получили изъ рукъ Зольгера. Гегель признавалъ Зольгера истинно умозрительной натурой и отличалъ его отъ другихъ знаменитостей, которыхъ со свойственною ему мѣткостью и остроуміемъ называлъ онъ «апостолами ироніи». Не смотря на это, Зольгера постоянно причисляютъ къ романтикамъ, чему наиболѣе способствовало его уваженіе къ пѣмецкому романтическому поэту Тьку. Независимо отъ того, что Гегель и ученики его: Вейссе, Фишеръ, Ботцъ и др. очень часто обнаруживали къ нему уваженіе, Зольгера вообще мало знаютъ и еще меньше читаютъ. Существенную причину этого можно поставятъ въ его пристрастіи къ мистической темнотѣ и въ упрямой привязанности къ разговорной формѣ. Къ сочиненіямъ его принадлежатъ: *Эрвинъ*—четыре разговора объ изящномъ, *Чтенія объ эстетикѣ* и, наконецъ, превосходная рецензія чтеній Августа Шлегеля о драматическомъ искусствѣ и литературѣ.

Часто трудно понимаемый ходъ мыслей Зольгера слѣдующій. Онъ начинаетъ тѣмъ, что красота, имѣющая главное свое мѣсто въ фигурѣ вещи, имѣетъ нѣкоторое значеніе только для наблюдателя ея, и притомъ только въ отношеніи или къ его влеченію, или къ отвлеченному мышленію, или къ свободной его волѣ. Ни одно изъ этихъ отношеній не есть истинное, потому что влеченіе, напримѣръ, хотя всецѣло удовлетворяется красотой, но само въ себѣ оно есть индивидуальное и ограничивается однимъ индивидуальнымъ. Точно также Баумгартеново опредѣленіе, полагающее красоту въ чувственномъ явленіи совершенства, т. е. въ согласіи всего индиви-

дуальнаго съ его понятіемъ, не удовлетворяетъ требованію мысли и даже противорѣчитъ само себѣ. Потому что, если совершенство вообще можетъ быть познано только понятіемъ разума, то точно также должно быть познаваемо и совершенство всего отдѣльнаго. Слѣдовательно, чувству оно можетъ явиться не какъ совершенство, но должно представляться ему, по самой своей отдѣленности, какъ бы возмущеннымъ и, потому, отнюдь не прекраснымъ. Не удовлетворяетъ Зольгера и ученіе Фихте, потому что, по этому ученію, чувственность должна быть не только подчинена, но даже искоренена, а между тѣмъ, чувственность составляетъ необходимый элементъ красоты. Противъ Кантова опредѣленія Зольгеръ приводитъ то, что требованіе, чтобы красота нравилась безъ интереса, совпадаетъ съ удовлетвореніемъ влеченія вообще, а вторая часть этого опредѣленія, т. е. что красота всѣмъ необходимо должна нравиться, не далеко отстоитъ отъ Баумгартенова, опредѣленія красоты, какъ чувственнаго совершенства, и находитъ примѣненіе также и къ нравственному закону. А что, наконецъ, касается Платона, или собственно Шеллинга, — его именно Зольгеръ имѣлъ въ виду, — по мнѣнію которыхъ, красота есть подражаніе божественнымъ первообразамъ дѣйствительныхъ вещей, то Зольгеръ спрашиваетъ прежде всего: чѣмъ прекрасныя вещи отличаются отъ безобразныхъ, когда для каждой вещи есть свой первообразъ въ Богѣ? Каждая вещь, какъ конечная и дѣйствительная, подражаетъ своему первообразу только несовершенно, и первообразъ, вступая въ міръ дѣйствительный, этимъ самымъ утрачиваетъ свою первообразность. Правда, красота отличается отъ другихъ вещей тѣмъ, что подражаетъ идеѣ, не перешедшей еще въ явленіе, и совершенная, еще, такъ сказать, не пересаженная идея и глубина значенія составляетъ существо красоты. Явленіе такой идеи есть не что иное, какъ образъ самого Божественнаго, добраго и истиннаго. Но противъ этого можно возразить, что явленіе, рассматриваемое само въ себѣ, можетъ имѣть въ самомъ себѣ ничто, что напоминаетъ о Божествѣ, добрѣ, истинѣ. Вслѣдствіе этого, красота должна быть низведена до знака, и идея, лежащая въ ея основаніи — до понятія. Но когда мы для выраженія по-

нѣтя имѣемъ знаки гораздо болѣе понятныя, нежели какими представляются цѣлыя отдѣльныя явленія, то зачѣмъ высказывать несовершенно и темно то, что гораздо яснѣе и полнѣе можемъ мы высказать въ собственномъ выраженіи? Но если идеи должны быть идеалами, первообразами для дѣйствительности, то это возможно не иначе, какъ при посредствѣ нравственной дѣятельности. Результатомъ всего этого у Зольгера является то, что хотя красота есть явленіе, но такое, которое должно обнимать вмѣстѣ и чувство, и умъ, и разумъ. Такое явленіе не принадлежитъ здѣшнему міру, въ которомъ подобныя вещи существуютъ только въ отдѣльности. Во второмъ разговорѣ Эрвина Зольгеръ старается опредѣлить этотъ другой высшій міръ, и останавливается главнымъ образомъ на отношеніи между первообразами и ихъ отображеніями. Образецъ и его отображеніе относятся одинъ къ другому, какъ общее и особенное. Вещи, говоритъ Зольгеръ, прекрасны только какъ произведенія Божества. Но такъ какъ Богъ есть причина всѣхъ вещей, то въ такомъ случаѣ красота не можетъ отличаться отъ прочихъ вещей. А если она есть особенная, отдѣльная вещь въ мірѣ явленій, то она должна произойти изъ чего-нибудь опять-таки отдѣльнаго, которое въ свою очередь должно имѣть свою особенную причину, и такъ—до безконечности. Вслѣдствіе этого, въ являющейся красотѣ мы должны имѣть въ виду именно то, посредствомъ чего она есть красота, и когда мы разсмотримъ это, какъ самостоятельную сущность ея, тогда явится она намъ идеею, или тѣмъ, что Платонъ и Шеллингъ называютъ первообразомъ. Но это, говоритъ Зольгеръ, есть не что иное, какъ дѣло простаго воображенія, и мнимые первообразы — не иное что, какъ отраженія дѣйствительныхъ вещей.

Вслѣдствіе этого должно признать, что: а) красота есть нѣчто особенное въ мірѣ; б) не смотря на это, основаніе ея не можетъ заключаться въ какой-нибудь отдѣльной способности познанія. Оно должно быть выше всякаго познанія, или, какъ выражается Зольгеръ, «должно быть познаніемъ въ себѣ и для себя». О немъ можно сказать, что предметъ его составляетъ не красота только, но существо всѣхъ вещей. Въ

красотѣ намъ присуще существо самого Бога. Въ средоточіи вселенной обитаетъ всетворящее и всесовершеннѣющее Божество. Нигдѣ нѣтъ мертвой цѣли, и нигдѣ не угасаетъ творящая дѣятельность, но сотворенное само есть вмѣстѣ и творящее, и даже—не иное что, какъ первоначальное существо, которое всю свою первобытную силу повторяетъ въ сотворенномъ. Поэтому-то, Божество и является само въ красотѣ, и чрезъ нее входитъ другой міръ въ нашъ настоящій, или этотъ міръ превращается въ другой, совершеннѣйшій. Между Божествомъ и явленіемъ не движутся ни понятія, ни первообразы, но въ каждомъ пунктѣ поверхности является все Божество. Нельзя спрашивать, какимъ образомъ въ отдѣльной вещи можетъ являться все всеобъемлющее Божество. На это можетъ быть одинъ только отвѣтъ: все дѣлается вслѣдствіе свойства Божія и Его вездѣприсущаго бытія. Въ истинномъ, добромъ и блаженномъ высшій міръ входитъ въ такое отношеніе къ явленію, что это послѣднее или совершенно соразмѣрно ему, или произошло отъ него, или всецѣло объято имъ, а въ красотѣ понятіе и явленіе—одно и то-же. Что въ красотѣ высшее и чистѣйшее должно являться только въ томъ, что составляетъ одну поверхность, одну внѣшнюю сторону вещей, это не должно удивлять насъ, потому что, еслибы не кажущаяся поверхность была именно явленіемъ существа, то она вошла бы съ нимъ въ противорѣчіе, и, потому, не могла бы проявить его. Но доколѣ красота разсматривается, какъ готовый данный предметъ, области Божественнаго и земнаго остаются навсегда несоединимыми. Между тою и другою всегда существуетъ противорѣчіе. Соединеніе ихъ обѣихъ становится возможнымъ только при посредствѣ дѣятельности. Явленіе, по свойству своей особенности и отдѣльности, не можетъ возвыситься до Божественнаго, потому что отдѣльное само по себѣ несущественно. Такимъ образомъ, только вслѣдствіе дѣятельности, Божество производитъ дѣйствительность и становится дѣйствительнымъ.

Эта дѣятельность есть творческая дѣятельность Бога. Въ ней Божественное и земное вполнѣ взаимно проникаются, и она одна есть совершенная красота. Но такъ какъ мы, съ

своей стороны, никогда не можемъ быть творящими, потому что всѣ вещи намъ даны какъ уже существующія, то изъ этого слѣдуетъ, что истинная неизмѣнная красота, какъ созерцаніе Божественной дѣятельности въ вещахъ, существуетъ только для Бога, и что для Него, какъ все творящаго, все—прекрасно. Напротивъ того, для насъ красота не только расплывается по отношеніямъ всего прочаго земного явленія, но разрывается по составнымъ своимъ частямъ и становится невозможностью. Вслѣдствіе этого, повидимому, уничтожается всякое притязаніе съ нашей стороны на красоту, и все предшествовавшее изслѣдованіе Зольгера представляетъ истинную трагедію прекраснаго. Но философія его —отнюдь не трагическаго свойства. Когда мы посредствомъ фантазіи возвышаемся до объятія самаго божественнаго творенія, то намъ дана сила повторять, или, по крайней мѣрѣ, подражать Божественному творчеству въ нашемъ мірѣ, —этотъ даръ Божій, который Богъ почерпнулъ въ своемъ собственномъ совершенствѣ, чтобы, творя прекрасное, быть самому прекраснымъ, какъ мы прекрасны для Него и въ Его царствѣ,—даръ, для котораго мы не имѣемъ другого имени, какъ *искусство*.

Въ третьемъ разговорѣ взглядъ этотъ развитъ еще полнѣе. Если Божество въ ряду своихъ произведеній и само осуществляетъ себя, то оно не могло бы въполнѣ себя осуществить, когда бы не осуществляло себя, какъ осуществляющее. То есть, самая творческая дѣятельность Божества должна быть приведена въ дѣйствительность. Это совершается въ фантазіи дѣйствительно существующихъ людей,—въ фантазіи, которую Зольгеръ называетъ силою особенныхъ и отдѣльныхъ душъ. Фантазія есть то, что въ насъ соотвѣтствуетъ Божественной творящей силѣ; она есть дѣйствительно осуществленная творческая сила, и то же самое есть искусство. Какъ дѣятельность Божественная полагаетъ и созерцаетъ себя только въ своихъ произведеніяхъ, такъ и душа только въ этомъ своемъ собственномъ произведеніи созерцаетъ собственное совершенство и вѣчность, и въ немъ сознаетъ себя самое. Въ опредѣленно обработанной матеріи заключена вся ея фантазія. Душа есть ничто безъ дѣла и въ дѣлѣ проявляется собственное ея бытіе.

Въ единствѣ дѣятельности и произведенія заключается сходство между художественною и Божественною творческою силою. Есть-ли первая только подобіе послѣдней, или—сама сила Божія, объ этомъ Зольгеръ выражается въ разныхъ мѣстахъ различно. «Каждая душа, говоритъ онъ во 2-й части Эрвина, имѣетъ въ самой себѣ область, посвященную Божеству, и въ срединѣ ея—священный храмъ, въ которомъ не только воздается поклоненіе изображенію Божества, но оно само присутствуетъ и творитъ. И эта творческая сила есть отнюдь не простое прохожденіе Божественнаго чрезъ насъ; то что въ частности отъ нея происходитъ, есть не Божіе, а наше собственное дѣло. Въ немногихъ душахъ, пребывающихъ въ отдаленіи отъ темной поверхности, въ свѣтломъ внутреннемъ бытіи,—въ этихъ душахъ живетъ само Божество, и потому называются онѣ вдохновенными. Это—жрецы, пророки и посланники Божіи, смотря по тому, обращаются ли они въ Божественномъ средоточіи, или въ особенномъ мірѣ. Первые, такъ какъ они покоряютъ недѣлимое вѣчному, должны соединяться въ общины; напротивъ, послѣдніе, именно, художники, въ которыхъ само вѣчное представляется какъ отдѣльное, по этому самому,—независимы, каждый самъ по себѣ и на своемъ мѣстѣ стремится выразить всю вселенную». Поэтому, художникъ есть какъ бы Божество, выступившее въ явленіе, не какъ отдѣльное явленіе, но какъ цѣлость реализованной творческой силы. Какъ видитъ онъ себя въ своихъ произведенияхъ, такъ видитъ Божество свою творческую дѣятельность въ дѣятельности художника. Послѣдовательность требуетъ, чтобы этому положенію художника въ творческой мысли Божіей соотвѣтствовало нѣчто подобное въ кругу творческой фантазіи самого художника. Какъ въ немъ творческая дѣятельность Божества присутствуетъ какъ бы предметно, такъ въ художественной дѣятельности должно дѣятельно присутствовать само Божество. Это, говоритъ Зольгеръ, имѣетъ мѣсто въ поэзіи, въ этомъ основномъ искусствѣ. Въ поэзіи фантазія дѣлаетъ сама себя объективною, какъ въ художникѣ—творческая дѣятельность Божества. Какъ мысль Божія есть творящее, а вещи—Его языкъ, такъ и наша дѣятельная мысль обнаружив-

вается въ томъ, что обыкновенно называемъ мы языкомъ. Поэзія есть само знаніе, осуществившееся въ явленіи. Поэтому, если и есть она особенное искусство, то, вмѣстѣ, обнимаетъ въ себѣ и искусство вообще, и мы должны разсматривать ее не какъ какую-нибудь другую отдѣльную вещь, но какъ идею самого прекрасного. Короче: Зольгеръ утверждаетъ, что фантазія художника представляетъ въ себѣ подобіе Божественной творческой дѣятельности въ существующемъ мірѣ, что какъ Богъ созерцаетъ себя въ своихъ дѣлахъ, такъ и художникъ себя въ своихъ, и что единство дѣятельности съ произведеніемъ составляетъ общую черту какъ въ Божественной, такъ и художественной дѣятельности. Это послѣднее обстоятельство возвысило Зольгера въ глазахъ послѣдователей романтической школы. Напримѣръ, основную мысль Зольгера находимъ мы у Тика, именно, — что художники, такъ какъ въ нихъ само Вѣчное представляетъ себя, какъ отдѣльное, каждый въ своемъ мѣстѣ выражаютъ вселенную, что, слѣдовательно, каждый изъ нихъ является равно возвышеннымъ и глубокимъ на своемъ мѣстѣ и въ своей неизмѣримой индивидуальности. Для художника нѣтъ никакой внѣшней мѣры, потому что каждый есть явленіе вѣчнаго во всей его оконченности.

Общимъ выводомъ изъ третьяго и четвертаго разговоровъ «Эрвина» представляется то, что искусство есть не что иное, какъ дѣйствительно осуществленная творческая сила, и что красота или художественное произведеніе есть выраженіе самой идеи. Зольгеръ различаетъ между идеею, какъ средоточіемъ высшаго знанія, и идеею, какъ осуществленную вещью фантазіи. Въ послѣднемъ смыслѣ называетъ онъ ее символомъ, въ которомъ идея и явленіе повсюду взаимно проникнуты, и дѣятельность вполне присуща самому дѣлу. Другая форма явленія красоты есть *аллегорія*. Въ этой формѣ дѣятельность переступаетъ чрезъ предметъ, тогда какъ въ *символѣ* она заключена въ предметѣ. Аллегоріи не достаетъ того, что есть въ символѣ, той ясной понятности внутри и совершенно законченной фигуры во внѣ.

Въ четвертомъ разговорѣ Зольгеръ рѣшаетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ искусство, при видимыхъ несовершенствахъ

въ дѣйствительныхъ его произведеніяхъ, можетъ сохранить свое существо. Вопросъ этотъ весьма естественъ въ устахъ теоретика, который обыкновенную художественную дѣятельность поставилъ рядомъ съ творческою дѣятельностію Божества. Присутствіе цѣлаго искусства, т. е. существа его, въ каждомъ отдѣльномъ упражненіи въ искусствѣ не такъ должно понимать, что оно состоитъ въ соединеніи многихъ искусствъ. Если существо отдѣльныхъ искусствъ состоитъ въ противоположныхъ направленіяхъ, то единство ихъ можетъ заключаться не въ искусствѣ, осуществляющемъ идею, но въ самой идеѣ, т. е. въ *религии*. Религія образуетъ какъ бы средоточіе, которое повсюду и въ каждой части присуще и неизмѣнно тождественно, гдѣ только было истинное искусство. Около этого средоточія въ согласіи и гармоническомъ движеніи должны вращаться всѣ искусства. Если теперь соединенное множество художественныхъ направленій имѣетъ средоточіе внѣ искусства, то и для каждаго отдѣльнаго искусства оно должно находиться тамъ же, и, потому, искусству свойственно, чтобы наслаждающійся, сознавая совершеннѣйшее присутствіе этого средоточія, всегда устремлялъ взоръ души своей на нѣчто существенное, или чтобы наслаждающійся, какъ творецъ художественнаго творенія, постоянно утверждался на чемъ-нибудь другомъ. Вслѣдствіе этого, художественная дѣятельность должна быть разсматриваема не въ своихъ дѣйствіяхъ, но—какова она сама, какъ дѣйствующая. Это и есть фантазія, представляющая въ человѣкѣ соотвѣтствіе съ творческою дѣятельностію Божества. Какъ въ этой дѣятельности, такъ и въ фантазіи должны существовать вмѣстѣ всѣ отдѣльныя направленія, чтобы, такимъ образомъ, представить единство, въ которомъ уничтожаются всѣ противоположности. Но противоположность между существомъ и явленіемъ не будетъ уничтожена, если не откроется силы, которая бы, дѣйствуя повсюду, не сочетавала существа съ явленіемъ и явленія съ существомъ. Такая сила есть художественный разсудокъ. Колеблющееся единство распадается снова. Сочетаніе между явленіемъ и существомъ, общимъ и особеннымъ, можетъ идти—или отъ этого къ тому, или отъ того къ этому, т. е., или пу-

темъ разсматриванія, созерцанія, свойственнаго древнему искусству, или путемъ остроумія, свойственнаго искусству романтическому. Въ первомъ глазъ разсудка обозрѣвалъ весь міръ въ блескѣ идеі, и пронзательнымъ и спокойнымъ взоромъ раскрывалъ въ немъ живое и разнообразное, какъ вмѣстѣ существующее; напротивъ, въ послѣднемъ художественный разсудокъ раздробляетъ явленіе, раскрываетъ его противоположности, объясняетъ и т. д. Хотя вслѣдствіе этого открываются два противоположныя направленія безъ всякаго средоточія въ томъ, какъ художественный разсудокъ сливаетъ идею съ явленіемъ, но должна быть однако же точка, въ которой оба они соприкасаются и выходятъ какъ-бы изъ одного корня. Эта точка есть моментъ перехода, въ которомъ разсудокъ сливаетъ вполне оба возрѣнія общаго и особеннаго, и въ которомъ оба они взаимно уничтожаютъ себя по взаимному противорѣчію. Особенное, которое не было бы выраженіемъ идеі,— не мыслимо, и, потому, перестаетъ быть особеннымъ. Если, послѣ этого, идея при помощи художественнаго разсудка переходитъ въ особенность, то не только отпечатлѣваетъ она себя въ ней, не только является временною и преходящею, но становится совершенно дѣйствительною, и такъ какъ внѣ ея—одно ничтожество и тлѣнность, то нами овладѣваетъ непзмѣримая печаль, когда мы видимъ достойнѣйшее и благороднѣйшее исчезающимъ вслѣдствіе необходимаго земнаго своего бытія. Этотъ моментъ перехода, въ которомъ сама идея приводится въ ничто долженъ быть одинъ и тотъ же для обоихъ направленій искусства, т. е., какъ для созерцательнаго, такъ и для остроумнаго. Здѣсь, такимъ образомъ, художникъ однимъ взглядомъ долженъ обнять всѣ направленія, и этотъ, надъ всѣмъ носящійся и все уничтожающій взглядъ мы называемъ *ироніею*. Древнее и новое искусство имѣютъ одно содержаніе, и, потому, иронія есть въ обоихъ. Впрочемъ, у древнихъ высказывалась она безсознательно, какъ остроуміе въ самихъ вещахъ, у новыхъ художниковъ, напротивъ, выступаетъ сознаніе, и отсюда происходитъ то, что въ изображаемыхъ предметахъ она не столь натуральна и не всегда предохраняетъ отъ ложныхъ идеаловъ.

Понятіемъ ироніи Зольгеръ заканчиваетъ свое ученіе объ искусствѣ. Какъ фантазія соотвѣтствуетъ божественной творческой дѣятельности, такъ иронія художника соотвѣтствуетъ отношенію Божества къ сотворенному міру. Обозрѣвающій взглядъ, который вмѣстѣ и паритъ надъ всѣмъ и все уничтожаетъ, соотвѣтствуетъ творящей мысли Божества, проявляющейся надъ всѣмъ и во всемъ. Сущность этого взгляда состоитъ въ томъ, что высшее въ насъ также ничтожно, какъ и малѣйшее, и необходимо погружается съ нами въ наше ничтожное бытіе. Но произведеніе погибаетъ, а дѣятельность остается. Надъ всѣмъ сотвореннымъ носится творящая дѣятельность Божія, и надъ всѣми произведеніями—производящая дѣятельность художника. Въ созерцаніи своей творческой дѣятельности въ сотворенномъ заключается красота для субъекта, и во всякомъ другомъ отношеніи онъ равнодушенъ къ объекту. Но если внѣ дѣятельности нѣтъ для насъ ничего, а эта сама—ничто внѣ своего произведенія, то, переходя вся въ объектъ, она становится ничтожной, какъ и самый объектъ и потому-то должна охватить насъ неизмѣримая печаль. когда достойнѣйшее, вслѣдствіе своего необходимаго бытія, обращается въ ничто. Когда эта иронія, для которой красота есть не болѣе, какъ произвольное упражненіе силы, переносится на жизнь, то по справедливости заслуживаетъ беспощадной укоризны. Но у Зольгера имѣетъ она значеніе только въ искусствѣ, и когда вѣчно только для того приходитъ въ явленіе, чтобы погибнуть, то, конечно, объ этомъ мы должны не радоваться, а скорбѣть. Въ сущности это—не болѣе, какъ и Шиллерова игра, цѣлесообразная безцѣльная дѣятельность,—мысль, заимствованная у Канта, сколько ни ратуетъ, повидному, противъ него Зольгеръ.

Безцѣльная производительность искусства, хотя и произвольная, имѣетъ, впрочемъ, форму цѣлесообразности. Зольгеръ, для котораго поэтическая сказка, гдѣ самое обыкновенное и ежедневное смѣшивается съ чудеснымъ, служитъ лучшимъ выраженіемъ упражненія въ искусствѣ, не хочетъ только назвать настоящимъ именемъ незаконнаго своеправія. Когда выдаетъ онъ художника за Божество, вступившее въ

явленіе, а творящую его фантазію за явленіе творческой Божественной силы, то не остается ему другого исхода, какъ — или самое Божественное твореніе назвать безцѣльнымъ дѣломъ, или фантазію художника — вѣчно цѣлесообразною дѣятельностію. Но перваго не позволяло ему его понятіе о Божествѣ, послѣдняго — понятіе объ искусствѣ.

Корень зла лежитъ въ томъ, что Зольгеръ съ своимъ взглядомъ на искусство стоитъ на Канто-Шиллеровской почвѣ, а съ своею метафизикою, напротивъ, — на почвѣ объективнаго идеализма. Эстетическій взглядъ заставлялъ его искать красоту въ чистой формѣ, а метафизика приводитъ къ объективному содержанію, потому что, по этой метафизикѣ, художественную дѣятельность онъ представляетъ, какъ явленіе абсолютнаго. Отъ этого происходитъ двусмысленность въ его системѣ. Отъ Канта и Шиллера отдѣляетъ его содержаніе, опредѣляющее красоту, отъ Гегеля — проницательность, примѣненная къ творящему Божеству и справедливо казавшаяся легкомысленною игрою съ священнѣйшимъ предметомъ.

Когда со времени рѣшительнаго направленія нѣмецкой философіи къ идеализму все философствованіе приняло характеръ по преимуществу эстетическій, т. е., основанный не на доказательствахъ разума, а на непосредственномъ созерцаніи единства духа и природы, то наряду съ главными двигателями новой философіи явилось много второстепенныхъ, которые, хотя начала свои заимствовали у первыхъ, но раскрывали ихъ болѣе или менѣе самостоятельно, и на практическое примѣненіе эстетическихъ идей имѣли вообще сильное вліяніе. Съ значительнѣйшими изъ этихъ второстепенныхъ двигателей новой эстетики, идеямъ которыхъ не чужда и современная художественная критика, мы почитаемъ за нужное познакомиться хотя мимоходомъ. Таковы: *Фридрихъ Шлегель*, *Фридрихъ Шлейермахеръ* и *Артуръ Шопенгауеръ*.

Между братьями Шлегелями, знаменитыми образователями романтической школы въ литературѣ, мѣсто въ исторіи эстетики можетъ имѣть только Фридрихъ, такъ какъ Августъ Шле-

гель посвятилъ себя исключительно практической критикѣ и исторіи литературы. Фридриха Шлегеля считаютъ вообще послѣдователемъ Фихте; но одинъ бѣглый взглядъ на первыя эстетическія творенія Шлегеля показываетъ, что послѣдній болѣе заимствовалъ у Шиллера, чѣмъ у Фихте. Его первое большое сочиненіе «Объ изученіи греческой поэзіи» (*Das studium der griechischen Poesie*) такъ напоминаетъ Шиллеровы эстетическія разсужденія, что подражаетъ имъ даже и въ слогѣ. Въ устахъ главнаго вождя романтической художественной школы, какимъ былъ Ф. Шлегель, достойна удивленія одушевленная похвала древнему искусству, соединенная съ сильнымъ порицаніемъ новаго. Основную черту новаго искусства Шлегель полагаетъ въ преобладаніи интереснаго. Такъ какъ наслажденіе красотой должно быть безкорыстно, то направленіе къ интересному въ искусствѣ можетъ имѣть только временное переходное значеніе. За рѣшительнымъ упадкомъ античнаго образованія и утратой совершеннѣйшихъ формъ послѣдовало стремленіе къ безконечной реальности, и художественное образованіе должно было пройти рядъ ступеней, прежде нежели снова достигло до объективной красоты. Интересное есть только приготовленіе къ прекрасному, и послѣднюю цѣлю для современнаго искусства можетъ быть не иное что, какъ высшая красота. Вся эпоха преобладанія интереснаго есть только проходящій кризисъ въ образованіи искусства, и каждый высокій художественный талантъ инстинктивно стремится къ указанной цѣли. Поэтому, каждое великое, хотя бы, повидимому, и неправильное произведеніе художественнаго генія есть истинное движеніе впередъ и приближеніе къ античному искусству. Вся исторія образованія новаго искусства представляетъ не иное что, какъ постоянную борьбу между субъективнымъ расположеніемъ и объективнымъ стремленіемъ въ художественной силѣ и постепенное усиленіе послѣдняго.

Этотъ образъ мыслей Шлегеля, при которомъ, по собственному его выраженію, даже самое странное въ произведеніи таланта есть уже шагъ впередъ,—если не вводитъ совершенную апархію въ область искусства, то дѣлаетъ необходимою

теорію *безобразнаго*. Велпчайшую трудность, съ которой долженъ бороться всякій оптимизмъ, составляетъ не избѣжаніе дурного, но отличеніе его отъ хорошаго. Взглядъ Шлегеля на искусство есть не что иное, какъ эстетическій оптимизмъ. По его понятію, красота состоитъ въ равновѣсіи познавательнаго и практическаго влеченій, а перевѣсъ одного изъ нихъ образуетъ интересное. Но если каждое интересное составляетъ шагъ впередъ въ красотѣ, то что такое—безобразное? Шлегель прямо сознается, что въ самой высшей степени безобразнаго заключается еще нѣчто прекрасное. Поэтому, и интересное не исключаетъ безобразнаго, вслѣдствіе чего, Шлегель многія превосходнѣйшія творенія новой поэзіи называетъ открытыми изображеніями безобразнаго, и замѣчаетъ при этомъ, что «волею или неволею надобно согласиться, что представленіе заблужденія въ высшей полнотѣ, отчаянія въ избыткѣ всѣхъ силъ требуетъ равной, если еще не высшей творческой силы и художественной мудрости, какъ и представленіе полноты и силы въ совершеннѣйшемъ согласіи».

Не трудно примѣтить, что въ этой послѣдней мысли Шлегель смѣшиваетъ представляющую силу художника съ самымъ предметомъ представленія. Представленіе безобразнаго съ художественною мудростію само въ себѣ можетъ быть не безобразнымъ. Но первое положеніе,—что красота состоитъ въ равновѣсіи, а интересное въ перевѣсѣ теоретическаго или практическаго,—не лишено основанія. Въ противоположность прекрасному, состоящему въ равновѣсіи, каждое интересное есть вмѣстѣ и безобразное, потому что происходитъ изъ недостатка равновѣсія. Полнота безъ силы, какъ и сила безъ полноты—обѣ односторонни и обѣ равно не-прекрасны, и однакоже какъ та, такъ и эта могутъ возбуждать интересъ. Вслѣдствіе этого, мы приходимъ къ тому странному положенію Шлегеля, которое со времени его сдѣлалось господствующимъ въ эстетикѣ,—что сумма безобразнаго во всей своей цѣлости можетъ имѣть назначеніе производить красоту. Шлегель высказываетъ, впрочемъ, это положеніе не въ такой рѣзкой формѣ. «Противоположность полноты, говоритъ онъ, есть пустота, недостатокъ жизни и содержанія, однообразіе, бездушіе

Гармоніи противоположны несоразмѣрность и борьба. Шлегель выражаетъ свою мысль объ этомъ въ слѣдующей формулѣ: полнота и сила суть красота; полнота безъ силы, сила безъ полноты суть интересное; отсутствіе всякой полноты и силы—безобразное.

Но послѣднее положеніе въ дѣйствительности—непредставимо, потому что влеченіе безъ полноты и силы—отнюдь не влеченіе, а ничто. Поэтому, безобразное означаетъ собственно малую полноту и малую силу, тогда какъ красота выражаетъ собою высочайшую степень ихъ. Вслѣдствіе этого нисколько не удивительно, что Шлегель въ самой высшей ступени безобразнаго находитъ еще нѣчто прекрасное. И небольшая сила—все еще сила, и небольшая полнота—все еще не совершенный недостатокъ. Абсолютной противоположности между красотой и безобразіемъ не существуетъ. Красота есть только высшая степень того, что въ своей низшей степени есть безобразіе, а интересное есть относительная красота, или относительное безобразіе,—судя потому, съ высшей или низшей точки мы его рассматриваемъ. Оно есть вѣчное колебаніе противоположныхъ силъ духа около идеальнаго центра, который составляетъ равновѣсіе ихъ при высочайшемъ напряженіи. Въ этомъ заключается вся сущность теоріи Шлегеля. И вслѣдствіе того, онъ предлагаетъ совершенно новый масштабъ для опредѣленія красоты, отличный отъ древняго. Эстетическое достоинство сообщается уже не гармонією, а силою и полнотою, и презрѣннымъ признается только слабое и пустое. Съ этимъ понятіемъ, краснорѣчивѣйшимъ выраженіемъ котораго служить сочиненіе Шлегеля, названное имъ *Люциндой*, онъ легко прошелъ всѣ позднѣйшія фазы послѣкантовской эстетики. Въ сочиненіяхъ его весьма ясно раскрываются всѣ отдѣльныя ступени романтической эстетики. Въ разсужденіи объ изученіи греческой поэзіи Шлегель представляется стоящимъ уже на границахъ субъективнаго идеализма Канта. Онъ отстаиваетъ здѣсь не субъективно-эстетическія настроенія недѣлимаго, а именно субъективно-эстетическій геній. Красота составляетъ уже для него міровое явленіе, въ которомъ самые разнообразные и чуждые одинъ другому цвѣ-

ты складываются вмѣстѣ. Отсюда возникло стремленіе собирать и переводить, вводить чужеземныя формы и мысли, отсюда произошло уваженіе и поклоненіе всѣмъ вообще литературамъ, исторіи которыхъ братья Шлегели оказали великую услугу. Они признавали достойнымъ все, въ чемъ выражается необыкновенная мѣра или силы, или полноты матеріи, потому что въ каждомъ такомъ выраженіи скрывается доля эстетическаго, субстанціальнаго, слѣдовательно, истиннаго влеченія. Ранѣе, нежели Фихте—въ практическомъ ученіи нравственное влеченіе, обняли они эстетическое, какъ безконечное, которое до совершеннаго осуществленія достигаетъ только въ неисчерпаемой производительности, и, поэтому, какъ Фихте—нравственное ученіе, такъ они эстетику облекли въ историческую одежду. Вслѣдствіе этого, эстетика у Шлегелей и ихъ друзей сдѣлалась исторіею искусства, поэзіи, литературы, короче,—исторіею красоты. Духъ, который является въ формѣ природы, является въ ней въ безконечно различныхъ образахъ. Будетъ-ли это образъ субъективный или объективный, т. е. конечный или абсолютный, я или *перво-я*, твореніе или творецъ въ твореніи,—каждое явленіе духа въ чувственности есть эстетическое и, слѣдовательно, — отрывокъ безконечнаго процесса явленія красоты. Отъ этого направленія романтическая школа Шлегелей, увлекаясь современнымъ ей Шеллинговымъ натурализмомъ, скоро перешла къ природообожанію. Покинувъ однажды объективную сущность красоты, она, повидному, осуждена была отъ необузданной свободы и автономіи субъекта быстро перейти къ безусловному подчиненію бессознательной натуральной необходимости... Эта безпрестанная переменчивость составляетъ характеристическую черту въ жизни самого основателя романтизма, Ф. Шлегеля. Онъ самъ на себѣ какъ бы хотѣлъ оправдать свое положеніе, что путь къ равновѣсію идетъ чрезъ крайнія колебанія. Вслѣдствіе этого онъ попеременно выставялъ въ качествѣ вѣчныхъ образцовъ—то древнихъ, то Шекспира, то Кальдерона, то Якова Бѣма, переходилъ отъ природообожанія къ отцамъ церкви, отъ Фауста къ инквизиціи, и окончилъ католическимъ піэтизмомъ. Не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе

Шлегелевыхъ эстетическихъ ученій, мы переходимъ къ Фридр. Шлейермахеру.

По попятію Шлейермахера, эстетика должна не учить тому, какое произведеніе признавать совершеннымъ или несовершеннымъ, а единственно—понять, какъ происходитъ оно изъ человѣческаго духа. Она не предлагаетъ никакихъ образцовъ красоты и совершенства, но описываетъ ту духовную дѣятельность, которую называемъ мы художественнымъ творчествомъ. Она есть отрывокъ психологіи. Но если эстетика есть только описаніе происхожденія художественной дѣятельности изъ человѣческаго духа, то каждое произведеніе этой дѣятельности должно быть художественнымъ твореніемъ, и, вслѣдствіе этого, всякая противоположность между истиннымъ и неистиннымъ произведеніемъ искусства, между красотой и не-красотой выходитъ изъ сферы наблюденій эстетики. Нравственному оптимизму Шлейермахера, для котораго нѣтъ ничего злого, вполне отвѣчаетъ эстетическій квіэтизмъ, для котораго нѣтъ ничего безобразнаго.

Съ изслѣдованіемъ и описаніемъ художественной дѣятельности мы вступаемъ прямо въ область эмпирической психологіи. Правда, самъ Шлейермахеръ называетъ эту часть своей философіи умозрительною, но очевидно, что это названіе не соотвѣтствуетъ ея характеру. Задача эстетики состоитъ именно въ томъ, чтобы найти мѣсто художественной дѣятельности въ области нравственнаго. Поэтому, Шлейермахеръ начинаетъ обзорѣніемъ общей свободной человѣческой дѣятельности, и при этомъ различаетъ дѣятельность общую всѣмъ людямъ и индивидуальную. Къ первой причисляетъ онъ дѣятельность мысли, вообще мышленія, къ индивидуальной, напротивъ, относитъ не только чувственные ощущенія, но и нравственные чувствованія. На вопросъ: къ которой изъ этихъ дѣятельностей принадлежитъ художественная,—Шлейермахеръ довольно произвольно отвѣчаетъ, что—ни къ той, собственно, ни къ другой, т. е. что она—и не всеобщая, и не индивидуальная, а основывается на національномъ различіи между людьми. Прямой выводъ отсюда—тотъ, что художественный вкусъ исключительно націоналенъ, и у каждаго народа своя красота. Доказательствъ на это у

Шлейермахера вѣтъ, кромѣ дурно понятыхъ указаній опыта. По мнѣнію Шлейермахера, никому не можетъ прійти въ голову—исправлять національный вкусъ народа. Но это лишено всякихъ основаній. Развѣ одна нація не исправляетъ и не усовершенствуетъ другую? Наука о красотѣ при такомъ взглядѣ можетъ вести не къ чему другому, какъ только къ перечисленію и прославленію вкусовъ всѣхъ націй, какъ бы ни были они страны, дики и нелѣпы. Этотъ взглядъ роднитъ Шлейермахера со школою романтиковъ, и, какъ ни представляется неосновательнымъ, но въ настоящее время имѣетъ не мало послѣдователей, особенно—между, такъ называемыми, историческими критиками литературы. Обладая необыкновеннымъ даромъ діалектики и превосходя Шлегеля силою философскаго образованія, Шлейермахеръ придалъ романтическимъ идеямъ объ искусствѣ болѣе научную основу. Что касается до дальнѣйшаго развитія его эстетики, то въ нѣкоторыхъ частяхъ ея онъ повторяетъ Платоновы идеи, и вообще мало представляетъ оригинальнаго.

Если трудно опредѣлить, кому изъ новыхъ двигателей философіи слѣдовало преимущественно Шлейермахеръ, то относительно *Шопенгауера* можно сказать, что онъ составляетъ какъ бы соединительное звено между Фихте и Шеллингомъ, и есть рѣшительный идеалистъ до такой степени, что единственнымъ истинно-реальнымъ предметомъ признаетъ одну волю. Ее одну мы знаемъ непосредственно и вѣрно; все же прочее отъ разумно-животнаго до растительно-органическаго есть даже не явленіе, а субъективное представленіе требованій и видоизмѣненій самой воли. Воля, составляющая существо и зерно міра, является не непосредственно въ непостоянныхъ, подчиненныхъ законамъ пространства, времени и причинности недѣлимыхъ, но, напротивъ, сами они суть только преходящіе экземпляры неограниченныхъ пространствомъ и временемъ родовъ или ступеней объективной воли. Магія воли производитъ то, что число недѣлимыхъ, въ которыхъ выражена какая-либо ступень ея объективности, не имѣетъ никакого значенія, что вся ихъ безчисленность никогда не исчерпаетъ ея, и въ отношеніи къ ея осуществленію одно яв-

леніе значить столько же, какъ и тысяча. Эти опредѣленные твердыя ступени, на которыхъ является воля, составляющая основу міра, и которыя тождественны съ вѣчными идеями Платона, суть предметъ искусства, вообще—предметъ эстетическаго удовольствія. Но такъ какъ нѣтъ объекта безъ субъекта и такъ какъ каждый объектъ есть только представленіе, а каждое представленіе предполагаетъ представляющаго, то особенному свойству эстетическаго объекта, платоническимъ идеямъ, соотвѣтствуетъ особенное свойство представляющаго субъекта. Эстетика обнимаетъ обѣ стороны, т. е. объективную и субъективную. «Если бы, говоритъ Шопенгауеръ, мы сами не были недѣлимыми, то мы не знали бы ни отдѣльныхъ вещей, ни переменны ихъ и множества, но обнимали бы чистымъ знаніемъ только идеи, только ступени объективности той единой воли, которая одна есть самосущая вещь».

Такой моментъ чистаго знанія является у генія въ минуту его художественнаго творчества, у зрителя изящныхъ и высокихъ произведеній природы и искусства—въ минуту чисто-эстетическаго созерцанія. Разсудокъ, первоначально созданный на служеніе волѣ, въ эстетическомъ созерцаніи возвышается до видѣнія вѣчныхъ идей, вслѣдствіе мгновеннаго освобожденія отъ служенія волѣ. Чистое единство первоначальнаго существа въ процессѣ явленія переходитъ—сначала въ непосредственную потомъ посредствуемую пространствомъ, временемъ и причинностію объективность, во множество родовъ и во множество недѣлимыхъ, изъ которыхъ первые составляютъ предметъ эстетическаго созерцанія, послѣдніе—предметъ обыкновеннаго знанія. Поэтому, знаніе, служащее индивидуальной волѣ, обнимаетъ въ предметахъ одно то, что они суть въ *это* время, въ *этомъ мѣстѣ*, при *этихъ* причинахъ и *такихъ* дѣйствіяхъ. Но совершенно иное—свободный или чистый, *не*-индивидуальный субъектъ познанія. Этотъ опускаетъ отношеніе вещей къ волѣ или личныя, интересующія ее стороны, и вмѣсто нихъ обнимаетъ чисто-объективное существо явленія. Въ отдѣльныхъ вещахъ познаетъ онъ только существенное, т. е. идеи въ платоническомъ смыслѣ слова, какъ неизмѣнныя, независящія отъ условнаго бытія фигуры вещей, species rerum.

Какимъ образомъ безъ пространственныхъ формъ могутъ быть объяты фигуры вещей,—это трудно рѣшимая задача. Было бы послѣдовательнѣе, если бы свободный субъектъ познавалъ повсюду только одно объективное существо явленія, т. е. одну безразличную въ себѣ *перво-волю*. Слѣдствіемъ этого было бы, что эстетика Шопенгауера совпала бы съ той, которая сущность эстетическаго полагаетъ въ являющемся, т. е. не въ формѣ, а въ содержаніи явленія, и находила бы прекраснымъ только *одно*, т. е., явленіе перво-воли, но вмѣстѣ съ этимъ и *все*, потому что перво-воля есть основаніе всякаго явленія. Но Шопенгауеръ предпочелъ непоследовательность этому прямому выводу, и допустилъ *свободное знаніе множества идей*. По его мнѣнію, гений творитъ и созерцающій зритель видитъ только родовые образы безъ индивидуальности, общіе типы, изъ которыхъ одинъ имѣетъ такое же эстетическое достоинство, какъ и другой. Вслѣдствіе этого, въ эстетическомъ воззрѣніи Шопенгауера содержатся двѣ нераздѣльныя части: 1) знаніе предмета—не какъ отдѣльной вещи, стоящей *здесь и теперь* въ *опредѣленныхъ* причинныхъ отношеніяхъ, но какъ выраженія вѣчной, постоянно равной, въ разныхъ мѣстахъ и временахъ и при различныхъ обстоятельствахъ являющейся идея; 2) сознаніе познающаго—не какъ недѣляемаго, но—какъ чисто безличнаго субъекта знанія. Въ каждомъ эстетическомъ наслажденіи зритель теряетъ со всѣми своими личными отношеніями и скорбями практической жизни, и отсюда происходитъ блаженство эстетическаго чувства. Если мы допустимъ, какъ и должно сдѣлать, двѣ указанныя составныя части эстетическаго воззрѣнія, то онѣ нисколько не поясняютъ намъ, какъ происходитъ блаженство эстетическаго ощущенія. Чистое свободное знаніе—отнюдь не наслажденіе, хотя и можетъ и должно быть его предтечею и условіемъ. Съ другой стороны, и чистое созерцаніе есть какъ-бы виновникъ эстетическаго удовольствія, но не оно само. Этотъ важный пунктъ Шопенгауеръ оставляетъ безъ дальнѣйшаго послѣдованія. Безличное знаніе, далѣе, имѣетъ мѣсто какъ въ эстетическомъ, такъ и въ ученомъ созерцаніи, различіе между обоими—только то, что изъ перваго происходитъ одобреніе или

отвращеніе, изъ послѣдняго—ни того, ни другого. Видѣть сущность въ явленіи есть вообще дѣло мышленія; предпочитать или отвергать являющееся, вслѣдствіе чистаго воззрѣнія—дѣло эстетика. Неудовлетворительность объясненія эстетическаго удовольствія у Шопенгауера видна изъ различія, какое полагаетъ онъ между прекраснымъ и высокимъ. «Переходъ въ состояніе чистаго безличнаго созерцанія, говоритъ онъ, происходитъ самымъ легкимъ образомъ, когда встрѣчающіеся ему предметы, по своей опредѣленной и ясной фигурѣ, *лего* становятся представителями своихъ идей, и въ этомъ заключается красота въ объективномъ смыслѣ». Въ этомъ словѣ «легко» заключается вся Шопенгауерова характеристика эстетическаго. Имъ отличено эстетическое знаніе отъ ученаго: первое совершается *лего*, послѣднее—*трудно*. Это напоминаетъ избитую мысль, что сущность явленія эстетически чувствуется, а ученымъ образомъ познается. Только это «легко» выражаетъ не объективную, а субъективную сторону красоты, какъ особенно это видно въ различеніи ея отъ высокаго. «Когда предметы, говоритъ Шопенгауеръ, которыхъ значительныя фигуры вызываютъ насъ на созерцаніе, входятъ во враждебное отношеніе къ человѣческой волѣ вообще, и своимъ противодѣйствіемъ угрожаютъ подавить ее, или уничтожаютъ ее своимъ неизмѣримымъ величіемъ, а между тѣмъ, зритель направляетъ свое вниманіе не на это враждебное отношеніе ихъ къ его волѣ, но, хотя и замѣчаетъ его и сознательно отвращается отъ него, однако смотритъ спокойно на страшные для его воли предметы, обнимая только идею ихъ, чуждую всякаго отношенія: тогда онъ охотно останавливается при своемъ созерцаніи, и, вслѣдствіе того, возвышается надъ своею личностію, своей волей и всякимъ хотѣніемъ. Тогда наполняетъ его чувство высокаго; онъ находится въ состояніи возвышенія, и предметъ, приводящій его въ такое состояніе, называется высокимъ».

Въ этомъ объясненіи высокаго не трудно угадать Кантову основу. Только у Канта дѣло поставлено несравненно яснѣе, чѣмъ у Шопенгауера. Спокойно созерцать идею предметовъ, чуждую всякаго отношенія, есть дѣло каждаго знанія, обра-

щеннаго къ сущности вещей, т. е. философскаго. Это столь же мало характеризуетъ высокое, какъ и прекрасное. Напротивъ, у Канта способность такого созерцанія гораздо лучше объясняется обращеніемъ зрителя къ самому себѣ и удивленіемъ своей собственной возвышенной природѣ: онъ самъ высокъ, поэтому—высокимъ называется и предметъ, подавшій поводъ къ такому его самопознанію. Это замѣчательное обращеніе удивленія на самого себя совершенно исчезаетъ у Шопенгауера. Его монистическій идеализмъ примѣшиваетъ сюда чувство безличности, вслѣдствіе котораго пропадаетъ все дѣйствіе удивленія. Въ Кантовомъ объясненіи главную силу имѣетъ то, что недѣлимое среди бури чувственности сохраняетъ въ себѣ силу, далеко возвышающуюся надъ всѣмъ чувственнымъ, что оно въ одно и то-же время чувствуетъ себя и какъ недѣлимое, и какъ одно съ вышечувственнымъ; напротивъ того, у Шопенгауера устранено это обстоятельство; недѣлимое исчезаетъ, и остается только общее безличное знаніе, а отъ этого исчезаетъ и удивленіе для субъекта. Шопенгауеру каждая индивидуальность, какъ зерно вещи, внушаетъ омерзѣніе; высшая точка для субъекта есть безсубъективность, высшее состояніе для недѣлимаго—потеря недѣлимости. Между тѣмъ субъектомъ, противъ котораго страшные предметы устремляютъ нападенія, и тѣмъ не-субъектомъ, который спокойно созерцаетъ ихъ, лежитъ непроходимая бездна. Это—два различныя существа.

Е. Амфитеатровъ.

(Продолженіе будетъ).

явившій самою медлительностью свое нежеланіе дать—собственно и не далъ, а только оказалъ слабое сопротивленіе противоположному влеченію ¹⁾). А такихъ, которыхъ дѣлаетъ щедрыми слабость характера ²⁾, не мало.

Всего пріятнѣе такія благодѣянія, которыя оказаны съ готовностью, охотою, предупредительностью и безъ всякаго замедленія,—исключая только вызваннаго стыдливостью принимающаго. Самое лучшее—предупреждать желаніе каждаго, но почти также хорошо и слѣдовать за нимъ, хотя все-таки лучше предупредить просьбу, и это вотъ почему: у человѣка честнаго смыкаются ³⁾ уста и краска разливается по лицу, когда ему приходится просить; поэтому избавляющій его отъ этой пытки, тѣмъ самымъ умножаетъ свой даръ. Не даромъ получаетъ благодѣяніе тотъ, кто получилъ его послѣ просьбы, ибо,—по мнѣнію достойнѣйшихъ мужей, нашихъ предковъ ⁴⁾, цѣна предмета дороже того, который купленъ цѣною просьбы. Люди рѣже возсылали бы прошенія, если бы ихъ надобно было возсылать публично ⁵⁾, посему даже богамъ, которымъ мы поклоняемся съ величайшими почестями, и тѣмъ мы предпочитаемъ возносить молитвы въ молчаніи и внутри самихъ себя.

ГЛАВА 2.

Тяжелое, гнетущее это слово «прошу», съ поникшимъ лицомъ надобно бываетъ его выговаривать. Отъ него должно избавлять своего друга, а также всякаго, кого ты чрезъ бла-

¹⁾ «*Adversus ducentem*»,—образъ, по мнѣнію Липсіуса, заимствованъ изъ комическаго танца древнихъ Грековъ, называвшагося *χόρδαξ*, во время котораго одинъ изъ танцующихъ танцилъ бичеву, изляпясь за которую слѣдовали и остальные танцоры (Lips. стр. 273, ср. Ruhkopf ст. 41).

²⁾ Букв. *лица*—*frontis infirmitas*. На лицѣ выражается, обыкновенно, печаль, стыдъ и др. чувствованія. Отсюда: *frontis infirmitas*—способность лица легко выражать эти чувствованія. *Firma frons*—способность не выражать волнующихъ душу чувствованій. Ср. Senecae De tranqu. anim. с. 4, 2.

³⁾ Ср. Senec. epist. XI: «*lingua titubat, labra concurrunt*».

⁴⁾ Это подтверждаетъ вся исторія Римскаго народа. Благодаря такому взгляду Римляне древнихъ временъ обнаруживали необыкновенную твердость и терпѣніе въ несчастіяхъ (Ruhkopf).

⁵⁾ Подобную мысль Сенека проводитъ и въ своихъ письмахъ.

годѣяніе намѣреваешься сдѣлать другомъ ¹⁾. Надобно спѣшить: поздно оказалъ благодареніе тотъ, кто оказалъ его просящему. Посему слѣдуетъ предупреждать желаніе каждаго и, угадавъ его, избавлять отъ весьма тягостной необходимости просить: вѣдь только то благодареніе произведетъ пріятное и продолжительное впечатлѣніе на душу, которое предупреждаетъ (желаніе и просьбу). Если же намъ не представляется случая предупредить (желаніе другого), то по крайней мѣрѣ постараемся не допускать просителя до многословія, чтобы не показаться упрощенными, но какъ только мы увѣдомлены (о нуждѣ другого), немедленно же дадимъ обѣщаніе и самой поспѣшностью докажемъ, что мы готовы исполнить желаніе даже прежде, чѣмъ насъ къ тому побудятъ. Подобно тому, какъ для больныхъ бываетъ спасительна благовременность пищи и во время поданная вода замѣняетъ мѣсто лѣкарства: такъ и благодареніе, какъ бы незначительно и обычно ни было, но если оно сдѣлано съ готовностью, если не пропущено ни одного ближайшаго часа, много выигрываетъ въ достоинствѣ и превосходить заслугу благодаренія цѣннаго, но неспѣшно оказаннаго и долгое время подвергавшагося обсужденію. Кто оказалъ благодареніе съ такою готовностью, тотъ, безъ сомнѣнія, оказалъ его по охотѣ. Поэтому онъ оказываетъ благодареніе съ радостью и такимъ образомъ принимаетъ на себя видъ, вполне соотвѣтствующій его душевному настроенію.

Глава 3.

Бывали случаи, когда молчаніе или неразговорчивость, походившая на суровость и огорченіе, вредили и великимъ благодареніямъ нѣкоторыхъ лицъ,—такъ какъ они, давая обѣщаніе, имѣли такой видъ, какъ будто отказывали. Насколько лучше къ добрымъ дѣламъ присоединять добрыя слова и сопровождать оказываемое благодареніе любезною и благосклонною бесѣдой съ просителемъ? А чтобы онъ даже пожалѣлъ,

---

¹⁾ Какъ примѣръ подобной предупредительности, Сенека ниже (гл. 10) приводитъ философа Аркесилая. Подобнымъ образомъ Архелай, царь Македонскій, одарилъ Эврипида безъ всякой просьбы со стороны послѣдняго.

что такъ поздно обратился съ просьбою, можно прибавить любезный выговоръ: «я, молъ, сержусь на тебя за то, что ты, вмѣя кое-въ-чемъ нужду, ни разу не пожелалъ меня увѣдомить объ этомъ,—за то, что ты такъ усиленно просилъ, за то, что ты обратился къ кому-то помимо меня. Но я радуюсь тому, что тебѣ пришла охота испытать мою душу; на будущее время все, въ чемъ бы у тебя ни была нужда, требуй отъ меня по праву. А теперь на первый разъ твоя не деликатность прощается». Поступая такъ, ты заставишь просителя цѣнить твое расположеніе больше, чѣмъ все то, что онъ пришелъ у тебя просить. Въ самомъ дѣлѣ, величайшая добродѣтель и радушіе благотворителя обнаруживаются въ томъ случаѣ, когда ушедшій отъ него будетъ говорить про себя: «я сдѣлалъ сегодня великое приобрѣтеніе. Болѣе же всего мнѣ нравится то, что я встрѣтилъ такого благотворителя; для меня это лучше, чѣмъ если бы этотъ даръ достался мнѣ и въ большихъ размѣрахъ, но при другихъ обстоятельствахъ. Я никогда не воздамъ достойной благодарности за такое его расположеніе».

ГЛАВА 4.

Однако большинство составляютъ такіе люди, которые вызываютъ ненависть къ своимъ благодѣяніямъ, такъ какъ они сопровождаютъ ихъ грубыми словами и надменнымъ видомъ; они употребляютъ такую рѣчь и обнаруживаютъ такую гордость, что, обратившись къ нимъ съ просьбою, послѣ скаешься. Затѣмъ послѣ того, какъ благодѣяніе обѣщано, слѣдуютъ другія препятствія. А ничего нѣтъ прискорбнѣе, какъ просить даже то, что ты уже выпросилъ. Благодѣянія слѣдуетъ оказывать немедленно: отъ иныхъ же труднѣе бываетъ ихъ получить, чѣмъ выпросить. Одного надобно бываетъ упрощать, чтобы онъ (имъ) напоминалъ, другого, чтобы довершилъ ¹⁾. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же даръ проходитъ черезъ руки многихъ; благодаря чему—всего менѣе благодар-

¹⁾ Такъ, у высокопоставленныхъ лицъ подаеніе или милость оказывается чрезъ различныхъ посредниковъ, а не самимъ благотворителемъ. Приходится просить домоправителя или другое приближенное лицо хлопотать за себя.

ности остается на долю того, кто обѣщалъ; потому что у виновника благодаренія, къ которому всецѣло должна бы относиться благодарность, ее похищаетъ всякій, кого надобно бываетъ просить послѣ него. Поэтому, если хочешь, чтобы твои дары были оцѣнены съ благодарностью, заботься о томъ, чтобы они цѣлыми и невредимыми дошли до тѣхъ, кому они обѣщаны,—безо всякаго, какъ говорятъ, ущерба ¹⁾. Пусть никто не перехватываетъ ихъ, никто не задерживаетъ: потому что всякій, кто при посредствѣ твоихъ подарковъ, пріобрѣтаетъ себѣ благодарность, тѣмъ самымъ уменьшаетъ благодарность, предназначавшуюся тебѣ.

Глава 5.

Ничего нѣтъ прискорбиѣе, какъ долгое время оставаться въ неизвѣстности. Нѣкоторые съ большимъ равнодушіемъ переносятъ окончательное пресѣченіе надежды ²⁾, чѣмъ отсрочку ея исполненія. Многимъ также свойственъ порокъ раздавать обѣщанія, руководясь низкимъ честолюбіемъ, дабы не убавлялась толпа просителей. Такого рода людьми бываютъ могущественныя царедворцы, которые находятъ удовольствіе въ продолжительномъ созерцаніи собственнаго величія; они полагаютъ, что будутъ обладать меньшимъ могуществомъ; если не станутъ предъ каждымъ въ отдѣльности долго и много показывать того, что они въ состояніи сдѣлать. Они ничего не дѣлаютъ немедленно и заразъ. Ихъ гнѣвъъ стремителенъ, благодареніе же вяло. Въ виду этого считай вполне справедливымъ изреченіе извѣстнаго комика:

«Что же? ужели не понимаешь, что ты настолько отшмыгаешь у себя благодарности, насколько увеличиваешь промедленіе?»

¹⁾ «*Sine deductione*». Липсіусъ, на основаніи одной надписи, найденной на мраморѣ въ Испаніи считаетъ этотъ терминъ заимствованнымъ изъ юридическихъ формулъ.

²⁾ Подобную мысль встрѣчаемъ въ слѣдующей эпиграммѣ Марціала:

«*Primum est ut praeestes, si quid te Cinna rogabo.*

«*Illud deinde sequens, ut cito Cinna neges.*

«*Diligo praestantem, non odi Cinna negantem.*

«*At tu nec praestas, nec cito, Cinna negas.*»

Отсюда и слѣдующія слова, вызываемыя искреннею скорбью: «если что хочешь дѣлать,—дѣлай,—а если нѣтъ, то ужъ лучше откажи мнѣ». Когда душа, доведенная до тоски, уже во время ожиданія начинаетъ ненавидѣть благодѣяніе, то можетъ ли она быть за него благодарною? Подобно тому, какъ самая свирѣпая жестокость—та, которая длить мученіе,—и скорое умерщвленіе есть нѣкотораго рода милосердіе ¹⁾, ибо высшая степень мученія приноситъ и конецъ его, а предшествовавшее время является важнѣйшею частью грядущаго наказанія, такъ и благодарность за благодѣяніе бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе оно задерживалось. Для людей же, доведенныхъ до возбужденнаго состоянія, бываетъ тягостнымъ ожиданіе даже хорошаго. И такъ какъ весьма многія благодѣянія служатъ какъ бы лѣкарствомъ въ извѣстныхъ случаяхъ, то опаздывающій съ помощію и такимъ образомъ или допускающій болѣе долгое время мучиться тому, кого онъ могъ бы выручить немедленно, или доставляющій радость слишкомъ поздно, тѣмъ самымъ налагаетъ руки на собственное благодѣяніе. Всякое доброе расположеніе поспѣшно выражается въ дѣйствіи и дѣйствовать скоро свойственно тому, кто поступаетъ по доброму желанію. Кто же оказывалъ помощь медленно, откладывая со дня на день, тотъ поступалъ не отъ души. Такимъ образомъ, онъ и потерялъ время и не доказалъ своей дружбы. Позднее желаніе является у того, кто не имѣетъ охоты.

Глава 6.

Во всякомъ дѣлѣ, Либералій, весьма не маловажная вещь самый способъ говорить и дѣйствовать. Многое выиграно быстрою и многое потеряно медлительностью. Такъ—во всѣхъ метательныхъ копьяхъ сила желѣза одинакова: но чрезвычайно важное различіе (въ силѣ удара) зависитъ отъ того, бросается ли копьё сильною или слабою рукою. Одинъ и тотъ же мечъ и едва задѣваетъ и пронзаетъ насквозь: все дѣло въ

¹⁾ Такъ поступали тираны древности. Кай Калигула далъ приказаніе убивать такимъ образомъ, чтобы «жертва чувствовала, какъ умираетъ». У Лукана читаемъ:

... «*moremque nefundae
Dirum saecitiae pereuntis parcere morti*».

томъ, сколь сильно бываетъ напряженіе руки, имъ управляющей. Дается одно и то же: но различіе въ томъ, какимъ образомъ дается. Какъ пріятно, какъ дорого бываетъ, если оказавшій благодареніе не допустилъ принести ему благодарность, если онъ, давая, уже забылъ о томъ, что далъ! Вѣдь было бы безуміемъ оскорблять того, кому оказываешь какую-нибудь весьма важную услугу, и присоединять къ благодареніямъ обиду. Посему не слѣдуетъ затруднять благодареній и примѣшивать къ нимъ какое нибудь огорченіе. Даже, если будетъ что нибудь такое, о чемъ бы ты хотѣлъ напомнить, для этого слѣдуетъ выбрать другое время.

Глава 7.

Фабій Веррукозъ ¹⁾ благодареніе, съ грубостью оказанное суровымъ человѣкомъ, сравнивалъ съ черствымъ какъ камень хлѣбомъ, который принятъ человѣку голодающему бываетъ необходимо, но ѣсть тяжело! Когда преторъ Непотъ Марій уприся Тиверія кесаря помочь въ уплатѣ долга, послѣдній приказалъ ему сообщить себѣ имена кредиторовъ; это значило не дарить, но созывать кредиторовъ. Когда имена были объявлены, онъ написалъ, что по его приказанію Непотъ освобождается отъ долговъ,—давъ при этомъ Непоту оскорбительный выговоръ, онъ сдѣлалъ то, что Непотъ, хотя не имѣлъ больше долговъ, но не получилъ и благодаренія: онъ освободилъ его отъ кредиторовъ, но ничѣмъ не обязалъ по отношенію къ себѣ. Тиверій, конечно, преслѣдовалъ какую-нибудь цѣль: мнѣ думается, онъ хотѣлъ, чтобы никто болѣе не обращался къ нему съ подобными просьбами. Быть можетъ это и могло служить дѣйствительнымъ средствомъ подавить стыдомъ безчестныя желанія людей: но тѣмъ не менѣе благодаритель долженъ слѣдовать совершенно другому пути. Надобно всячески услаждать то, что даешь, дабы пріятнѣе было получить; поступать же вышеприведеннымъ образомъ—значитъ дѣлать не благодареніе, а обличеніе.

¹⁾ Неизвѣстно, разумѣется ли здѣсь историкъ Фабій Рустикъ, или другое лицо. Объ этой личности упоминаетъ Тацитъ (Annal. XIII, 20; XIV, 2). О Непотѣ ничего не извѣстно.

Глава 8.

При переходѣ отъ этой части разсужденія къ другой, выскажу свою мысль: не совсѣмъ прилично и государю дарить для того только, чтобы обезчестить. Однако и такимъ образомъ Тиверій не могъ избавиться отъ безпокойства, котораго избѣгалъ. Ибо, спустя нѣсколько времени, когда нашлись люди, обратившіеся съ подобною же просьбою, онъ имъ всѣмъ приказалъ представить въ сенатъ отчетъ объ ихъ долгахъ и только послѣ этого отпустилъ (имъ) извѣстныя суммы. Это не благотвореніе, а судъ. Это не помощь, а царская милостыня. То не благодѣяніе, о чемъ нельзя вспомнить безъ краски стыда. Я былъ отправленъ къ судьямъ: чтобы выпросить помощь, я велъ судебный процессъ.

Глава 9.

Всѣ мудрецы учатъ, что нѣкоторыя благодѣянія слѣдуетъ дѣлать открыто, а другія тайно. Открыто тѣ, принятіе которыхъ доставляетъ славу, какъ напримѣръ, военныя награды, почетныя должности и все то, что благодаря извѣстности становится болѣе привлекательнымъ. Напротивъ, то, что не выпадаетъ, не ведетъ къ почестямъ, но служить пособіемъ въ иемоти, нуждѣ, безславіи,—слѣдуетъ давать тайно, такъ чтобы извѣстно было только тѣмъ, кому помогаютъ.

Глава 10.

Иногда надобно бываетъ обманывать даже тѣхъ, кому оказывается помощь, такъ чтобы они принимали, не зная отъ кого. Разсказываютъ, что Аркезилай ¹⁾, рѣшивъ тайнымъ образомъ помочь бѣдному, но скрывавшему свою бѣдность другу, находившемуся въ болѣзни и не признававшемуся даже

¹⁾ *Аркезилай*—соученикъ Крантора, обучавшійся подъ руководствомъ Пелемона, бывший впоследствии основателемъ, такъ называемой, средней академіи. Онъ былъ современникомъ Теофраста, Зенона основателя стоической школы, Эпикура и др. Приведенное обстоятельство разсказываютъ: Плутархъ (*de adul. et amici discrim.* с. 32), который называетъ этого друга Апелліемъ,—и Діогенъ Лаэртій (IV, 37) называющій его Ктезибіемъ. Послѣдній разсказываетъ, что Ктезибій, нашедши кошелекъ, воскликнулъ: «это шутка Аркезилая».

въ томъ, что у него не доставало средствъ на необходимыя потребности,—безъ его вѣдома, положилъ ему подъ подушку кошелекъ, дабы человекъ, обнаружившій бесполезную стыдливость, лучше напелъ, чѣмъ получилъ то, въ чемъ имѣлъ нужду. «Что же отсюда слѣдуетъ? онъ не будетъ знать, отъ кого получилъ?» Пусть его сначала не знаетъ,—если этотъ мой даръ есть только часть добраго дѣла, впоследствии я буду давать и дѣлать много другихъ благодѣяній, по которымъ онъ угадаетъ и виновника перваго. Да, наконецъ, пускай онъ и не знаетъ, что получилъ (отъ меня): я буду знать, что далъ. Ты скажешь: этого мало. Мало, если думаешь быть ростовщикомъ, но если станешь давать съ тѣмъ, чтобы (твой даръ) принесъ какъ можно болѣе пользы принимающему его, то будешь довольствоваться своимъ собственнымъ сознаниемъ. Иногда доставляетъ удовольствіе не самое благодѣяніе, но то, чтобы казаться сдѣлавшимъ благодѣяніе. «Я хочу, говоришь ты, чтобы онъ зналъ». Но въ такомъ случаѣ ты ищешь (себѣ) должника. «Все-таки хочу, чтобы онъ зналъ». А что, если для него полезнѣе, приличнѣе и пріятнѣе—не знать? Не перемѣнишь ли ты, въ такомъ случаѣ, своего рѣшенія?—«Хочу, чтобы онъ зналъ!» Итакъ, ты не оставишь человека въ невѣдѣніи? Не отрицаю того, что, насколько позволяютъ обстоятельства, можно радоваться при видѣ удовольствія получившаго. Но если онъ имѣетъ нужду въ помощи и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдится этого, если нашъ даръ наноситъ ему обиду, когда не остается въ тайнѣ, то я не обнародую своего благодѣянія. А почему? Я не пожелаю открыть своего благодѣянія по той причинѣ, что (это) одно изъ первыхъ и наиболѣе важныхъ правилъ: никогда не попрекать, даже никогда не напоминать. Ибо законъ благодѣянія, соединяющаго два лица, состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ долженъ тотчасъ забыть объ оказанномъ, другой никогда не забывать о полученномъ (благодѣяніи).

Глава 11.

Частое напоминаніе объ услугахъ терзаетъ и угнетаетъ душу. Въ подобныхъ случаяхъ такъ и хочется воскликнуть то,

что воскликнулъ одинъ человѣкъ, спасенный кѣмъ-то изъ друзей кесаря отъ проскрипціи триумвировъ ¹⁾, когда не былъ въ состояніи выносить надменнаго обращенія своего избавителя. «Выдай меня кесарю. Долго ли ты будешь говорить: «Я спасъ тебя, я отнялъ тебя у смерти?» Если я самъ по себѣ вспоминаю объ этомъ избавленіи, то оно кажется мнѣ жлзпью, если же ты вызываешь у меня это воспоминаніе, — смертию! Я ничѣмъ не обязанъ тебѣ, если ты спасъ меня съ тою цѣлью, чтобы имѣть человѣка, на котораго можно было бы указывать. Долго ли тебѣ выставлать меня на показъ, долго ли ты не дашь мнѣ забыть о своей участи? Вѣдь разъ меня уже вели въ триумфальномъ шествіи!» — Не слѣдуетъ говорить о томъ, что мы дали: кто напоминаетъ, тотъ требуетъ назадъ. Не слѣдуетъ твердить объ одномъ и томъ же, не слѣдуетъ вызывать воспоминанія, развѣ только въ томъ случаѣ, когда, давая новый даръ, ты этимъ самымъ напомнишь о прежнемъ. Мы не должны рассказывать даже постороннимъ. Кто оказалъ благодѣяніе, пусть молчитъ, а кто получилъ, тотъ пусть говоритъ (о немъ). Ибо (въ противномъ случаѣ) будутъ говорить то-же, что было сказано одному лицу, всюду хвалившемуся своимъ благодѣяніемъ: «ты не станешь отрпцать того, что получилъ свое обратно». И на вопросъ: «когда?» — въ отвѣтъ было сказано: «да часто и во многихъ мѣстахъ: то-есть, столько разъ и всюду, гдѣ бы ты ни рассказывалъ о своемъ благодѣяніи». Зачѣмъ говорить? зачѣмъ восхпщать чужую обязанность? Вѣдь есть человѣкъ, который съ большею честью могъ бы это сдѣлать, — притомъ, когда онъ будетъ рассказывать, и то будутъ хвалить, о чемъ ты самъ не рассказываешь. Ты считаешь ме-

¹⁾ Незвѣстно, кто. — А что касается упоминаемаго здѣсь триумвирата, то здѣсь разумѣются: Антоній, Лепидъ и Октавій, который и въ данномъ случаѣ и вообще часто называется Цезаремъ. (см. Sueton. Oct. 7. 27). Между законами Корнелиевскимъ, проведенными диктаторомъ Л. Корн. Суллою (672 а. у. с.) былъ одинъ относительно проскрипціи и лицъ, ей подвергавшихся, — законъ этотъ былъ въ дѣйствіи при Октавіи и нѣкоторыхъ другихъ. Имена осужденныхъ преступниковъ выставлались публично на такъ называемыхъ «*tabulae proscriptiois*», ихъ имѣніе конфисковалось. О настоящей проскрипціи триумвировъ, которая была въ 711 г. (а у. с.), см. Plutarch vit. Anton. с. 19 и сл. и Dio Cass. 47, 3 и сл.

ня неблагодарнымъ, если полагаешь, что въ томъ случаѣ, когда самъ ты будешь молчать, никто и не узнаетъ (о твоёмъ поступкѣ). Похвальбы своими благодареніями должно избѣгать до такой степени, что даже и тогда, когда кто-нибудь посторонній будетъ рассказывать о твоёмъ благодареніи въ твоёмъ присутствіи, то тебѣ слѣдуетъ такъ отвѣчать: «онъ, правда, весьма достоинъ большихъ даровъ, но я, сознаюсь, до сихъ поръ болѣе желалъ сдѣлать ему добро, чѣмъ въ дѣйствительности сдѣлалъ». И эти слова должны быть сказаны безкорыстно. Они не должны быть тѣмъ искусственнымъ приемомъ, когда отклоняютъ отъ себя что-нибудь такое, что скорѣе желаютъ приписать себѣ. Затѣмъ при всемъ этомъ должно оказывать всевозможную любезность. Земледѣлецъ теряетъ то, что онъ посѣялъ,—если бросивъ сѣмя въ землю, онъ въ то-же время бросилъ и труды свои. Только при большомъ уходѣ посѣвъ доводится до жатвы и ничто не приноситъ плода, къ чему отъ начала до конца не прилагается одинаковаго ухода: то-же условіе имѣетъ силу и въ благодареніяхъ. Можетъ ли быть что-нибудь больше того, что родители доставляютъ дѣтямъ? Однако и ихъ дары оказываются бесполезными, если ограничиваются только дѣтствомъ, если не будутъ поддерживаться долговременною заботливостью родителей. Этимъ же условіемъ связаны и остальные благодаренія: если не будешь прилагать къ нимъ ухода, то потеряешь ихъ. Недостаточно оказать ихъ, надо за ними ухаживать. Если хочешь, чтобы къ тебѣ съ благодарностью относились тѣ, кому ты дѣлаешь одолженіе, то надобно не только оказывать благодаренія, но и любить. Главнымъ же образомъ, какъ я сказалъ, будемъ щадить слухъ. Напоминаніе вызываетъ огорченіе, а попрекъ—ненависть. Ничего такъ не надобно избѣгать при благодареніяхъ, какъ надменнаго обращенія. Къ чему этотъ надменный видъ, къ чему эти напыщенные рѣчи? Тебя возвышаетъ самое дѣло. Надобно устранять пустое хвастовство: пусть говорятъ дѣла, а мы станемъ молчать. Благодареніе, оказанное съ надменностью— не только неприятно, но и ненавистно.

ГЛАВА 12.

Кесарь Калигула подарилъ жизнь Помпею Пенну ¹⁾, если можно такъ сказать про того, кто только не отнимаетъ; и затѣмъ, послѣ освобожденія, когда тотъ благодарилъ его, протянулъ для поцѣлуя лѣвую ногу. Тѣ, которые оправдываютъ этотъ поступокъ и утверждаютъ, что онъ былъ сдѣланъ не по высокоумію, — говорятъ, что Кай имѣлъ желаніе показать позлащенный, или, вѣрнѣе, золотой башмакъ, изукрашенный жемчугомъ. Итакъ, — продолжаютъ они, — что же въ самомъ дѣлѣ унизительнаго, если бывший консулъ, не находя для поцѣлуя болѣе чистаго мѣста на всемъ тѣлѣ, поцѣловалъ золото и жемчугъ? Человѣкъ, рожденный на то, чтобы обычай свободнаго государства замѣнить персидскимъ деспотизмомъ, не придавалъ значенія тому, что престарѣлый сенаторъ не смотря на свои заслуги, на виду сенаторовъ умолялъ его, повергшись такимъ образомъ, какъ повергались побѣжденные непріатели предъ своими врагами: онъ ниже колѣнъ нашель нѣчто такое, чѣмъ могъ попірать достоинство свободнаго человека. Не значитъ ли это попірать государство — и при томъ (какъ замѣтитъ иной, ибо и это можетъ относиться къ дѣлу) попірать лѣвой ногою? Еще было бы небольшимъ проявленіемъ постыдной и наглої надменности со стороны императора — въ легкой обуви ²⁾ слушать уголовный процессъ бывшаго консула, если бы онъ не поднесъ своей подошвы къ лицу сенатора.

ГЛАВА 13.

Какое безсмысленнѣйшее зло — гордость большимъ богат-

¹⁾ Липсій полагаетъ, что это былъ тотъ самый Помпей, котораго въ послѣдствіи Кай Калигула принудилъ умереть голодною смертью, такъ какъ онъ былъ богатѣйшимъ въ свое время человекомъ, о чемъ Сенека говоритъ также и въ «*de Tranq Animi*» с. XI. — Но, кажется, это былъ другой Помпей, такъ какъ онъ принадлежалъ къ роду Пенновъ.

²⁾ «*Soccatus*» — это было необычнымъ для Римлянъ и Цидеронъ сильно упрекалъ Верреса за то, что тотъ «*soccatus in publico stetisset*» — Дѣла у Римлянъ вообще употреблялись *soleae*, въ мѣстахъ же публичныхъ они появлялись *calceati* (въ сапогахъ). Кай же явился на судъ даже «*in muliebri sacco*» — въ женскомъ башмакѣ.

ствомъ! Какъ пріятно ничего отъ тебя (гордецъ) не получать! Какъ ты умѣешь обращать всякое благодѣяніе въ обиду. Тебѣ доставляетъ удовольствіе всякое излишество! Все обращается къ твоему позору! Чѣмъ выше ты превозносишься, тѣмъ ты ничтожнѣе и только показываешь, что тебѣ не дано разумѣть тѣ блага, которыми ты столько гордишься. Все, что ты даешь, ты самъ же разрушаешь. Поэтому хотѣлось бы спросить: что внушаетъ тебѣ такую гордость? что искажаетъ твое лицо и внѣшній видъ до такой степени, что ты,—можно подумать,—скорѣе предпочитаешь носить маску, чѣмъ имѣть свой естественный видъ? Благодѣяніе пріятно въ томъ случаѣ, когда оно оказывается съ любезнымъ и, по крайней мѣрѣ, спокойнымъ и кроткимъ видомъ: если же его оказалъ человекъ высшій меня, то въ томъ случаѣ, когда онъ не возносился предо мною, но былъ по возможности благосклоннымъ, снизошелъ до равенства и устранилъ отъ своего благодѣянія всякую торжественность, если онъ выбралъ удобное время, стараясь о томъ, чтобы помощь явилась скорѣе въ удобный, чѣмъ въ затруднительный моментъ. Словомъ—убѣдить надменныхъ людей, чтобы они не уничтожали своихъ благодѣяній своею гордостью,—это значитъ показать имъ, что ихъ благодѣянія не оказываются на самомъ дѣлѣ большими потому только, что даны съ большимъ шумомъ,—и что даже сами они не могутъ отъ этого выиграть, и что надменная важность есть важность пустая и при томъ подвергается несправедливости то, что надобно любить.

Глава 14.

Нѣкоторые предметы могутъ принести вредъ тѣмъ, которые ихъ выпрашиваютъ. Не дать, но отказать въ нихъ—вотъ что будетъ благодѣяніемъ въ такихъ случаяхъ. Поэтому будемъ обращать вниманіе скорѣе на пользу, которую подарокъ можетъ принести просителю, чѣмъ на желаніе этого послѣдняго. Ибо часто мы желаемъ вреднаго и при этомъ даже не можемъ понять, насколько вреднаго, такъ какъ возбужденіе препятствуетъ здравому сужденію. Но какъ скоро страсть утихла, какъ скоро успокоился пылкій порывъ души, благо-

даря которому она избѣгала всякихъ совѣтовъ, мы прокли-
наемъ пагубныхъ виновниковъ зловредныхъ даровъ. Подобно
тому, какъ больнымъ мы не даемъ холодной воды, находя-
щимся въ печали и раздраженнымъ противъ самихъ себя—
желѣза и влюбленнымъ не даемъ ничего такого, что разго-
ряченная страсть стремится употребить во вредъ себѣ,—такъ
точно будемъ упорно отказывать людямъ, настойчиво и уни-
женно, а иногда даже жалобно просящимъ,—во всемъ томъ,
что можетъ принести имъ вредъ. Надобно обращать вниманіе
не только на начало, но и на исходъ своихъ благодѣяній и
давать то, что доставляетъ удовольствіе не только въ самый
моментъ полученія, но и послѣ него. Много такихъ, кото-
рые могутъ сказать: «знаю, что это ему не въ пользу, но
что же дѣлать? Онъ проситъ, а я не въ состояніи противиться
его мольбамъ. Пусть смотритъ и жалуется на себя, а не на
меня». Это ложь: напротивъ, онъ будетъ жаловаться на тебя
и при томъ заслуженно; а когда придетъ въ здравый умъ,
когда прекратится припадокъ, воспламенившій его душу, не
возненавидитъ ли онъ того, кто оказалъ ему помощь къ его
же вреду и опасности?

Уступать мольбамъ тѣхъ, кто проситъ себѣ на погибель, —
пагубная доброта. Спасеніе людей даже противъ ихъ желанія
и воли будетъ настолько же благороднѣйшимъ подвигомъ,
насколько заслуживающимъ отвращеніе потворствомъ и позо-
ромъ давать просящимъ то, что для нихъ вредно. Станемъ
дѣлать такія благодѣянія, которыя при употребленіи будутъ
возбуждать все болѣе и болѣе удовольствія и никогда не обра-
тятся ко вреду. Я не дамъ денегъ, если знаю, что они пред-
назначаются для уплаты развратной женщинѣ, чтобы не ока-
заться сообщникомъ позорнаго дѣйствія или намѣренія. Если
буду въ состояніи, то отговорю; въ противномъ же случаѣ не
стану, по крайней мѣрѣ, оказывать помощи пороку. Если гнѣвъ
заведетъ его, куда не должно, или воспламененное честолюбіе
отклонитъ отъ безопаснаго пути, -- я не позволю просить у
меня помощи на какое-нибудь злое дѣло, — не допущу того,
чтобы онъ когда-нибудь сказалъ (про меня): «своею любовью
онъ погубилъ меня». Часто не бываетъ никакого различія

между дарами друзей и кознями враговъ. Послѣдніе желаютъ намъ всякаго зла; къ тому же самому побуждаетъ и настраиваетъ и первыхъ ихъ несвоевременное снисхожденіе. А что можетъ быть ужаснѣе, хотя и весьма часто встрѣчающагося, явленія, — именно: — совершеннаго отсутствія различенія между ненавистью и благодареніемъ.

Глава 15.

Никогда не станемъ давать того, что можетъ обратиться къ нашему безчестію. Такъ какъ главное свойство дружбы состоитъ въ томъ, чтобы уравнивать съ собою друга, то слѣдуетъ заботиться вмѣстѣ о немъ и о себѣ. Я дамъ нуждающемуся, но такъ, чтобы не нуждаться самому; я прибѣгну на помощь къ человѣку, подвергающемуся опасности, но такъ, чтобы самому не погибнуть, — исключая того случая, когда мнѣ придетъ желаніе принести себя въ жертву за великаго человѣка или великое дѣло. Я не сдѣлаю такого благодаренія, искать котораго было бы для меня позоромъ; не преувеличу малаго, но и не потерплю того, чтобы великое было принято за малое. Въ самомъ дѣлѣ, если лишается права на благодарность тотъ, кто высчитываетъ поданное имъ, то, съ другой стороны, — кто объявляетъ, сколько даетъ, тотъ этимъ самымъ только придаетъ болѣе цѣны своему дару, а не попрекаетъ имъ. Каждому должно обращать вниманіе на свои способности и силы ¹⁾, дабы не дѣлать больше или меньше того, сколько для него возможно. Слѣдуетъ принимать въ соображеніе лицо, которому даемъ, ибо одно (благодареніе) бываетъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что должно исходить отъ людей высокопоставленныхъ, а другое — слишкомъ велико для того, кто принимаетъ. Посему сопоставляй личность того и другого и соображай съ ними то, что станешь давать: не будетъ ли оно обременительно или слишкомъ ничтожно для дающаго и, съ другой стороны, не отнесется ли съ презрѣніемъ или даже не откажется ли отъ принятія тотъ, кто думаетъ принять.

¹⁾ Ср. *Cicero de offic.* I, 14 и сл.

ГЛАВА 16.

Александръ великій, человѣкъ сумасбродный ¹⁾ и не замышлявшій ничего такого, что не казалось бы грандіознымъ, предложилъ кому-то въ подарокъ городъ. Когда тотъ, кому было сдѣлано это предложеніе,—соразмѣривъ съ нимъ самого себя,—испугался зависти къ такому дару и говорилъ, что ему не прилично такое богатство, Александръ отвѣчалъ: «я нищу не того, что прилично тебѣ принять, но того, что мнѣ прилично дать». Рѣчь эта, повидимому, великодушная и достойная царя, на самомъ дѣлѣ—въ высшей степени безразсудна, потому что ничего само по себѣ не бываетъ для кого-либо неприличнымъ. Важно то, что именно дается, кому, когда, по какому поводу, гдѣ и прочее, безъ чего (это) дѣйствіе не будетъ имѣть разумнаго основанія. Надменнѣйшее животное! Если тому было неприлично это получить, то и тебѣ неприлично—давать!—Слѣдуетъ принимать въ соображеніе степени лицъ и достоинствъ, и коль скоро всюду свойствомъ добродѣтели бываетъ умѣренность, то одинаковая погрѣшность допускается какъ въ томъ случаѣ, когда эта мѣра преступается, такъ и въ томъ, когда ея не выполняютъ. Положимъ,—для тебя такое поведеніе возможно и судьба настолько превознесла тебя, что дары твои—города ²⁾, но насколько великодушнѣе было ихъ не брать, чѣмъ расточать? Есть, впрочемъ, нѣкто, кому еще менѣе прилично принимать въ лоно свое города.

ГЛАВА 17.

Одинъ циникъ попросилъ у Антигона ³⁾ талантъ, Антигонъ отвѣчалъ, что талантъ больше того, сколько слѣдуетъ просить

¹⁾ По отношенію къ Александру В. Сенека часто является несправедливымъ напр. выше 1, 13... Впрочемъ, въ данномъ случаѣ эпитетъ *сумасбродъ* «*caesanius*» прилагается Сенекою къ Александру, кажется, неискренно, такъ какъ непосредственно затѣмъ присоединяется похваза.

²⁾ Здѣсь Сенека, повидимому, намекаетъ на Дмитрія, о которомъ говоритъ ниже VII, 41.)

³⁾ Антигонъ первый другъ Александра В. и легатъ. Послѣ смерти Александра сдѣлался царемъ Сиріи и, будучи уже 80 лѣтъ, потерялъ сраженіе и былъ убитъ при Писѣ (301 до Р. X.) см. Plutarch. vita Demetr. Poliorcet. c. 29. *Cynicus Thrasyllus*. Объ этомъ рассказываетъ также Плутархъ t. VII.

цинику. Получивъ отказъ, послѣдній попросилъ динарій. Антигонъ отвѣтилъ, что это меньше того, сколько прилично дать царю. Подобная уловка въ высшей степени неблагородна. Антигонъ нашелъ средство не давать ни того, ни другого: по поводу динарія онъ принялъ въ соображеніе царское достоинство, по поводу таланта—званіе циника,—тогда какъ могъ дать и динарій, какъ цинику, и талантъ, какъ царь. Если бы даже и было что-либо болѣе того, сколько можно принять цинику, то ничего нѣтъ до такой степени ничтожнаго, что бы позорно было дать для человѣколюбиваго царя. Если ты спрашиваешь моего миѣнія, то я соглашаюсь (въ данномъ случаѣ) съ Антигономъ: не терпимая вещь, когда просятъ денегъ, презрѣвая ихъ ¹⁾. Ты заявилъ ненависть къ деньгамъ, ты открыто высказалъ это; ты надѣлъ эту личину—такъ и носи ее. Весьма дурно—искать денегъ, похваляясь бѣдностью. Такимъ образомъ каждому слѣдуетъ обращать столько же вниманія на свою собственную личность, сколько и на личность того, кому хочешь помочь. Я желаю воспользоваться сравненіемъ, которое заимствовано нашимъ Хризиппомъ отъ игры въ мячъ ²⁾. Мячъ падаетъ, безъ сомнѣнія, благодаря промаху того, кто его бросаетъ, или того, кто ловитъ. Онъ тогда сохраняетъ свое вѣрное направленіе, когда вращается въ рукахъ такихъ игроковъ, изъ которыхъ и тотъ и другой ловко его бросаетъ и подхватываетъ,—необходимо, чтобы хорошій игрокъ иначе бросалъ мячъ къ противнику, когда тотъ стоитъ вблизи, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда послѣдній находится далеко. Точно такое же условіе наблюдается и въ благодѣяніяхъ. Если оно не сообразуется съ тѣмъ и другимъ лицомъ, т. е.: и съ дающимъ, и съ принимающимъ, то въ такомъ случаѣ, исходить отъ одного и достигаетъ другого не такъ, какъ должно. Когда приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ испытаннымъ и нау-

1) Правилкомъ школы циниковъ было—презирать богатства и нуждаться, какъ можно, въ меньшемъ. Diogen. Laert. VI, 105.

2) Здѣсь разумѣется извѣстная въ древности игра въ мячъ «*pila trigonalis*», которая велась тремя только игроками, стоявшими по тремъ концамъ треугольника; игра состояла въ томъ, что они мячъ бросали по очереди («*pulsant, captant, excipiunt et reddunt*»).

ченнымъ опытомъ, то мы станемъ бросать мячъ смѣлѣе, потому что куда бы онъ ни направился, его отобьетъ искусная и ловкая рука. Если же приходится имѣть дѣло съ новичкомъ и человѣкомъ неловкимъ, то бросаемъ мячъ не такъ смѣло и сильно: такому противнику мы станемъ возвращать его медленнѣе, осторожно направляя (мячъ) въ самую его руку. То-же самое нужно дѣлать и относительно благодарній. Нѣкоторымъ надобно давать наставленія, учить ихъ и удовлетворяться тѣмъ, когда съ ихъ стороны замѣтно стараніе, смѣлость и охота. Во многихъ мы поселяемъ неблагодарность и поддерживаемъ ея существованіе, какъ будто наши благодарній бывають велики только въ томъ случаѣ, когда за нихъ нельзя отблагодарить. Подобнымъ образомъ коварные игроки имѣють обыкновение проводить своего соперника, конечно въ ущербъ самой игрѣ, которая можетъ продолжаться только при взаимномъ согласіи. Есть много людей съ такимъ дурнымъ характеромъ, что лучше желаютъ потерять сдѣланное ими (благодарній), чѣмъ показаться получающими обратно; это гордецы и люди, желающіе, чтобы имъ оставались должны. Насколько лучше, насколько человѣчнѣе поступать такимъ образомъ, чтобы и на долю того лица, которое намъ обязано, оставалось участіе (въ благодарній); (насколько лучше и человѣчнѣе) способствовать тому, чтобы оно получило возможность воздать намъ благодарность; (насколько лучше и человѣчнѣе) все принимать благосклонно и къ приносящему благодарность относиться такимъ образомъ, какъ будто онъ возвращаетъ долгъ, и быть любезнымъ, чтобы даже то лицо, которое нами одолжено, почувствовало желаніе уплатить свой долгъ. Оказывать дурной пріемъ свойственно ростовщiku, когда онъ сурово требуетъ (свою ссуду) или медлитъ получкою, (нарочно) затрудняя ее и подыскивая предлогъ къ отсрочкѣ; благодарній же, насколько слѣдуетъ принимать, когда его возвращають, настолько же не слѣдуетъ вымогать силою. Всѣхъ лучше тотъ, кто, легко давъ, никогда не вымогалъ и радовался, когда ему возвращали; кто благодушно забывая, что дать, получалъ обратно съ такимъ расположеніемъ, какъ будто ему самому (давали даръ) дѣлали благодарній.

ГЛАВА 18.

Иные не только даютъ, но и принимаютъ благодѣяніе съ гордостью,—чего не слѣдуетъ допускать. Намъ, такимъ образомъ, слѣдуетъ перейти къ другой части (нашего сочиненія) съ цѣлію разсуждать о томъ, какъ люди должны вести себя при полученіи благодѣяній ¹⁾. Какова бы ни была обязанность въ отношеніяхъ одного лица къ другому, она одинаково много требуетъ отъ обоехъ. Разсмотрѣвъ, каковымъ надлежитъ быть отцу, ты узнаешь, что не меньше остается труда разсмотрѣть, каковымъ надлежитъ быть сыну. Одна часть дома относится къ мужу, но не меньшая и къ женѣ. Эти (обязанности) предъявляютъ (одинаковыя) требованія къ обѣимъ сторонамъ, и требуютъ (выполненія) одинаковаго (для нихъ) правила, что, по словамъ Гекатона, не легко. Ибо все благородное и даже то, что приближается къ благородному, относится къ разряду съ трудомъ достижимаго, такъ какъ надлежитъ, чтобы оно не только выполнялось, но выполнялось согласнo съ разумомъ, подъ руководствомъ котораго намъ слѣдуетъ проходить всю жизнь; по его совѣту должно быть совершаемо и великое и малое и оказывать благодѣянія поэтому, должно такимъ образомъ, какъ онъ внушить намъ. Разумъ же, прежде всего, внушаетъ намъ, что не слѣдуетъ принимать благодѣяній ото всѣхъ. Отъ кого же принимать? Говоря коротко: отъ тѣхъ, кому мы сами желали бы ихъ оказать. Ибо еще съ большею разборчивостью надобно выбирать человѣка, которому можно было бы одолжиться, чѣмъ того, кому—дать, потому что, не говоря уже о многихъ другихъ неудобствахъ (а ихъ много), великое мученье—быть обязаннымъ, кому не желаешь. Напротивъ, весьма пріятно получить благодѣяніе отъ того, кого можно любить даже послѣ обиды (съ его стороны), благодаря чему дружба, пріятная и въ другихъ случаяхъ, по праву становится и заслуженною. Человѣку же скромному и честному въ высшей степени бы-

¹⁾ Отселѣ и до конца книги Сенека отвѣчаетъ на вопросъ: *quomodo se gerere homines in accipiendis beneficiis debeant* (какъ слѣдуетъ вести себя при полученіи благодѣяній).

вааетъ тяжело, когда приходится любить лицо, для него не-приятное. Считаю необходимымъ напомнить, ¹⁾ что я (въ дав-номъ случаѣ) говорю не о мудрецахъ, которымъ бываетъ при-ятно все то, чего требуетъ долгъ, которые владѣютъ своею душой, которые сами себѣ предписываютъ законъ, какой хо-тятъ, и какой предпишутъ, тотъ и выполняютъ:—я говорю о людяхъ несовершенныхъ, которые желаютъ поступать бла-городно, но которымъ страсти ихъ съ трудомъ повинуются. Итакъ надобно выбрать,—отъ кого можно (принять) благо-дѣяніе. И притомъ—въ благодѣяніяхъ—кредитора слѣдуетъ вы-бирать съ большею тщательностію, чѣмъ въ деньгахъ. Ибо въ послѣднемъ случаѣ—надобно возвратить лишь столько, сколько принято, а какъ скоро я возвратилъ,—то уже разсчи-тался и свободенъ (отъ долга). Для уплаты въ первомъ слу-чаѣ требуется болѣе. Даже воздавъ благодарность, мы тѣмъ не менѣе остаемся обязаны своему благодѣтелю, потому что, по возвращеніи долга, намъ слѣдуетъ начинать (уплату) сно-ва. И дружба требуетъ—не имѣть дѣла съ человѣкомъ недо-стойнымъ. Въ томъ, именно, и заключается священнѣйшее пра-во благодѣяній, изъ котораго происходитъ дружба. «Не все-гда, говорятъ, можно сказать: не хочу; иногда надобно бы-ваетъ принимать благодѣяніе противъ воли. Положимъ (бла-годѣяніе) оказываетъ тиранъ—жестокій и гнѣвный, который можетъ счесть за оскорбленіе—презрительное отношеніе къ своему дару. Можно ли не принимать? На одну доску поставь какъ разбойника и пирата, такъ и царя, имѣющаго душу раз-бойника и пирата. Чтоже надобно дѣлать? вѣдь такой чело-вѣкъ почти недостойнъ того, чтобы ему быть обязаннымъ!» — Когда я говорю, что надобно выбирать человѣка, которому можно быть обязаннымъ, то при этомъ исключаютъ насиліе и страхъ: какъ скоро присоединяются эти послѣдніе,—возмо-жность выбора уничтожается. Если ты обладаешь свободою, если выборъ находится въ твоей власти, то самъ рѣшишь, чего ты желаешь и чего —нѣтъ. Когда же необходимость уничто-

) «Toties admonem etc.» не въ «de benef», а въ другихъ сочиненіяхъ, какъ-то: «de vita beata» с. 17 sq., Ерр. 56 ad Jin., 59, fin, см. также 104, 3.

жаешь свободу, то знай, что ты не принимаешь (по доброй волѣ), но повинешься. Никто не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ, какъ скоро принимаетъ то, отъ чего ему нельзя было отказаться. Если хочешь знать,—желаю ли я (принять твое благодареніе), то сдѣлай такъ, чтобы мнѣ можно было не желать. «Однако, скажутъ, онъ далъ тебѣ жизнь!»¹⁾ Не важно, что дается, если дается не по взаимному желанію (дающаго и принимающаго). Если ты спасъ меня, то это еще не значитъ, что по этому самому—ты мой спаситель. Ядъ иногда служитъ лѣкарствомъ, но по сему еще не причисляется къ веществамъ здоровымъ. Иное хотя и приноситъ пользу, но не налагаетъ обязательства.

Глава 19.

Нѣкто пришедши убить тирана, (вмѣсто того) раскрылъ мечемъ нарывъ на его тѣлѣ. Но тиранъ не возблагодарилъ этого человѣка за то, что тотъ, желая нанести вредъ, исцѣлилъ болѣзнь, отъ лѣченія которой со страхомъ отступились руки врачей. Ты видишь, что нѣтъ большой важности въ самомъ предметѣ благодаренія, потому что принесшій пользу съ намѣреніемъ нанести вредъ, никому не представляется оказавшимъ благодареніе.—Благодареніе здѣсь надобно приписать случаю, а обиду—человѣку.

Мы видѣли въ амфитеатрѣ льва, который, узнавъ въ одномъ изъ гладіаторовъ (такъ называемыхъ бестіаріевъ) своего бывшего хозяина, защитилъ его отъ нападенія звѣрей²⁾. Что же—надобно ли считать благодареніемъ эту помощь звѣря?—Безъ сомнѣнія,—нѣтъ, потому что онъ не имѣлъ «воли»—сдѣлать благодареніе и сдѣлалъ это не съ тѣмъ расположеніемъ, въ какомъ бываетъ душа человѣка, оказывающаго благодареніе. На мѣсто льва—поставь тирана. И тотъ и другой даруютъ жизнь, но ни тотъ ни другой не дѣлаютъ благодаря-

¹⁾ *Vitam tamen—detur*. Примѣромъ можетъ служить царь Ферарійскій въ Тесалии, которому, говоря словами Цицерона (*de nat. Deor.* III, 28) «не желалъ пользы тотъ, который раскрылъ ему мечемъ нарывъ, отъ лѣченія котораго отказались врачи».

²⁾ *Leonem—bestiarum*. Объ этомъ рассказываетъ Aul. Gell. *Noct. att.* V, 13 и др.

нія, ибо то не благодѣяніе, когда принимаютъ (его по необходимости), — то не благодѣяніе, когда бываешь обязаннымъ тому, кому не хочешь. Сперва надобно мнѣ предоставить свободу, а потомъ оказать и благодѣяніе.

ГЛАВА 20.

Обыкновенно спорять относительно М. Брута ¹⁾: слѣдовало ли принимать ему жизнь отъ Авр. Юлія (Цезаря), послѣ того какъ онъ замыслилъ умертвить послѣдняго? Какими побужденіями Брутъ руководствовался при этомъ убійствѣ, это мы рассмотримъ въ другомъ мѣстѣ. Мнѣ же представляется, что этотъ мужъ, великій во (всѣхъ) другихъ отношеніяхъ, въ данномъ случаѣ впалъ въ сильнѣйшее заблужденіе и поступилъ несогласно съ ученіемъ Стоиковъ или вслѣдствіе того, что испугался имени царя, — тогда какъ подъ управленіемъ справедливаго царя государство пользуется наилучшимъ состояніемъ, — или вслѣдствіе того, что надѣялся на возможность существованія свободы при такомъ положеніи вещей, когда столь дорогою цѣной вознаграждалось какъ управленіе, такъ и подслуживаніе, или вслѣдствіе того, что считалъ возможнымъ возвращеніе государства къ прежнему состоянію, послѣ того какъ уже были утрачены древніе нравы, (считалъ возможнымъ) сохраненіе равенства гражданскихъ правъ и устойчивости законовъ, послѣ того какъ уже видѣлъ столько тысячъ людей, сражавшихся не изъ-за вопроса о томъ, — быть ли рабами или нѣтъ, а изъ-за вопроса лишь о томъ, — кому быть рабами? Какое же забвеніе природы вещей и своего государства овладѣло имъ, если онъ повѣрилъ, что послѣ гибели одного не найдется другого, который пожелалъ бы того же самого, тогда какъ нашелся Тарквиній послѣ гибели столько царей отъ меча и перуновъ? ²⁾ Но онъ долженъ былъ получить жизнь (отъ Цезаря), не будучи, однако, обязанъ считать от-

¹⁾ М. Брутъ во время гражданской войны примкнулъ къ Помпею, но послѣ неудачныхъ дѣйствій возвратился къ Юлію Цезарю. Plutarch. Brut. с. 4. Впрочемъ, если не ошибаемся, одинъ Сенека рассказываетъ, что Брутъ возвратился къ Цезарю уже съ намѣреніемъ убить его.

²⁾ *Post tot reges—occisos*: трое погибли отъ желѣза, одинъ — отъ молніи.

цомъ того, кто насиліемъ достигъ права дѣлать благодѣянія. Ибо тотъ еще не спасъ, кто только не умертвилъ, и не благодѣяніе даровалъ онъ, а только освобожденіе (отъ смерти).

Глава 21.

Съ большимъ правомъ можетъ быть подвергнутъ нѣкоторому обсужденію вопросъ о томъ, что слѣдуетъ дѣлать узнику въ томъ случаѣ, когда ему обѣщаетъ плату за выкупъ человѣкъ, развращенный тѣломъ и неприличный на языкъ. Допущу ли, чтобы меня спасъ человѣкъ непристойный? И потомъ, спасенный имъ, чѣмъ я отблагодарю его? Стану ли жить съ человѣкомъ развратнымъ? Могу ли отказаться отъ сожительства со своимъ избавителемъ? Выскажу свое мнѣніе. Отъ какого угодно человѣка, даже человѣка и съ такимъ нравомъ, я приму деньги, которыми и выкуплю свою жизнь, но приму это какъ заемъ, а не какъ благодѣяніе. Я возвращу ему деньги, и если представится случай спасти его отъ опасности, спасу, но не свнзойду до дружбы (съ нимъ), которая соединяетъ только людей подобныхъ; я стану считать его не избавителемъ, а займодавцемъ, и буду знать, что ему слѣдуетъ возвратитъ то, что я отъ него получилъ. Можетъ найтись человѣкъ достойный того, чтобы отъ него принять благодѣяніе, но благодѣяніе это можетъ принести ему вредъ. Я не приму отъ него, не приму потому, что онъ готовъ помочь мнѣ съ ущербомъ или даже съ опасностью для самого себя. Онъ намѣренъ защищать мой процессъ, но благодаря такому покровительству можно приобрести себѣ врага въ лицѣ *тирана* ¹⁾. Я оказался бы (въ отношеніи къ нему) недругомъ, если бы, при выраженіи съ его стороны желанія подвергнуться изъ за меня опасности, не сталъ бы стараться самъ, безъ его помощи, выйти изъ своей опасности, что для меня было бы дѣломъ болѣе легкимъ. Пекатонъ приводитъ слѣдующій нелѣ-

¹⁾ Примѣромъ можетъ служить М. Тулій Цицеронъ, который послѣ удачной защиты Росція Америна нашелъ себѣ врага въ лицѣ Хризогона, равно и Суллы, котораго вольноотпущенникомъ былъ Росцій. Вслѣдствіе этого, оставивъ Римъ, Цицеронъ удалился въ Азію. Подобнымъ образомъ самъ Сенека, оскорбилъ Кая Каллигулу, который едва не далъ приказанія умертвить его (См. *Dio. Cass.* 59, 19).

пый и необдуманый примѣръ. Онъ указываетъ на Аркезилая, который, по его словамъ, не принялъ денегъ, предложенныхъ ему сыномъ одного домохозяина (*filius familias*), не принялъ, дабы тотъ не оскорбилъ этимъ своего скупого отца. Что же Аркезилай сдѣлалъ достойнаго похвалы? Что не принялъ краденаго? Что предпочелъ лучше вовсе не принимать, чѣмъ возвратитъ обратно? Какая, въ самомъ дѣлѣ, скромность отказаться отъ принятія чужой собственности? Если же нужно привести въ примѣръ человѣка съ великою душою, то воспользуемся примѣромъ Юлія Грецина ¹⁾, мужа достойнаго, котораго Кесарь Калигула умертвилъ за одно то, что тотъ былъ человѣкомъ болѣе достойнымъ, чѣмъ кто-либо могъ быть таковымъ въ интересахъ тирана. Принявъ деньги, собранныя его друзьями для издержки на зрѣлища, онъ не принялъ значительной суммы, присланной ему отъ Фабія Персія. Когда люди, обращающіе вниманіе не на предлагающихъ, а на предлагаемое, укоряли его за то, что онъ отказался отъ этого подарка, Юлій отвѣтилъ: «приму ли я благодареніе отъ человѣка, отъ котораго не могу принять задравнаго тоста. И когда консуляръ Ребилій, пользовавшійся столь же дурною славою, прислалъ ему еще большую сумму и убѣждалъ принять ее, онъ отвѣтилъ: «прошу извинить меня, ибо я не принялъ и отъ Персія». Видя такую разборчивость, недоумѣваешь, о приѣмѣ даровъ или о выборѣ сенаторовъ здѣсь идетъ дѣло!

* * *

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ *Graecinus Iulius* былъ отцомъ Юлія Агриколы, жизнь котораго описалъ Тацитъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Января № 2. 1890 года.

Содержаніе. Отъ Харьковской духовной консисторіи.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1888—89 учебный годъ (окончаніе).—Слѣдствіе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи за вторую половину 1889 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Харьковской Духовной консисторіи.

Подтверждается епархіальному духовенству, чтобы оно въ точности исполняло указъ Св. Синода отъ 3/26 Октября 1880 года за № 2118 (напечатанный въ Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1880 годъ № 23), коимъ воспрещено совершать браки нижнихъ чиновъ военнаго вѣдомства, находящихся *въ кратковременномъ отпуску*; причемъ предупредить, что виновные въ неисполненіи сего будутъ подвергнуты законной отвѣтственности.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁸⁸/₈₉ учебный годъ.

(Окончаніе *).

Съ весны 1889 года началась постройка зданій для параллельныхъ классовъ при училищѣ. Необходимость въ открытіи этихъ классовъ стала ощущаться приблизительно еще съ 1875 года, почему съ этого же года Совѣтъ училища ходатайствовалъ объ изысканіи средствъ для этого предъ каждымъ епархіальнымъ съѣздомъ. Депутаты съѣздовъ вполнѣ сочувствовали ходатайствамъ Совѣта, но денежныхъ средствъ, необходимыхъ для постройки зданія на-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1890 г., № 1.

параллельныхъ классовъ, не находили. Между тѣмъ съ каждымъ годомъ все большому и большому числу дѣтей приходилось отказывать въ приемѣ въ 1-й классъ училища за неимѣніемъ вакансій, такъ что, наконецъ, изъ явившихся къ приемному экзамену дѣвицъ цѣлая половина возвращалась домой, и такимъ образомъ, съ одной стороны, почти каждой дѣвицѣ приходилось два и даже три года подъ рядъ являться къ экзамену: пока удавалось ей, наконецъ, поступить въ училище, а съ другой, Совѣтъ училища, чтобы не лишать образованія многихъ дѣтей, достигавшихъ, вслѣдствіе вышеуказанной причины, предѣльнаго высшаго возраста, допускаемаго уставомъ для поступления въ 1-й классъ училища, принужденъ былъ при приемѣ отдавать предпочтеніе не экзаменскимъ балламъ, а возрасту конкурентокъ. Чтобы выйти какъ-нибудь изъ такого неблагопріятнаго положенія, Совѣтъ училища вошелъ съ ходатайствомъ къ собравшемуся въ маѣ 1880 года епархіальному съѣзду о необходимости открыть хотя бы одинъ только параллельный классъ, который бы передвигался вмѣстѣ съ поступившими въ него дѣвицами, пока послѣднія не окончатъ курса, а затѣмъ опять дѣлался первымъ параллельнымъ классомъ, на слѣдующій годъ вторымъ и т. д. Для осуществленія этого проекта все же требовалось построить новое зданіе, хотя и гораздо болѣе дешевое, чѣмъ для всѣхъ параллельныхъ классовъ, потому что въ существовавшихъ тогда училищныхъ зданіяхъ и прежнее число воспитанницъ размѣщалось весьма тѣсно. Съѣздъ не нашелъ средствъ для устройства и такого зданія. Вслѣдствіе этого управлявшій тогда Харьковскою епархіею преосвященный Іустинъ, когда родители болѣе чѣмъ 45-ти дѣвицъ, не принятыхъ въ августъ этого года въ училище, за неимѣніемъ вакансій, обратились къ нему съ коллективною просьбою принять съ своей стороны какія-либо мѣры къ скорѣйшему открытію 1-го параллельнаго класса, въ виду крайней необходимости, рѣшился временно устроить, и устроилъ въ томъ же году, этотъ классъ въ училищномъ рекреационномъ залѣ, предполагая устранить происшедшую чрезъ это крайнюю тѣсоту въ размѣщеніи воспитанницъ перемѣщеніемъ больницы изъ главнаго корпуса въ отдѣльное зданіе, имѣющее быть для этого построеннымъ, что и исполнено было въ 1883 году.

Устройство одного параллельнаго класса только въ первые годы сократило число ежегодно отсылаемыхъ домой дѣтей, не принятыхъ въ 1-й классъ училища, за неимѣніемъ вакансій, такъ что, пока воспитанницы параллельнаго класса окончили курсъ, опять ежегодно стало являться къ приемному экзамену до 100 дѣвицъ, изъ которыхъ можно было принять, по штату, опредѣленному уставомъ, не болѣе 45-ти. Поэтому снова начались двухъ и трехкратные пріѣзды дѣвицъ къ экзамену, приемъ въ училище болѣе по лѣтамъ, чѣмъ по балламъ и настоятельная необходимость ежегодно ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принимать въ первый классъ, вопреки неоднократнымъ запрещеніямъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ, вмѣсто 45-ти дѣвицъ, какъ тре-

буеть Уставъ Епархіальныхъ женскихъ училищъ, до 50-ти. Въ близкомъ будущемъ дѣло еще должно было ухудшиться, такъ какъ съ открытіемъ въ послѣдніе годы многихъ новыхъ приходовъ и восстановленіемъ закрытыхъ было въ шестидесятихъ годахъ, въ видахъ улучшения быта духовенства, равно какъ съ открытіемъ вновь въ послѣдніе годы въ приходяхъ епархіи многихъ мѣстъ штатныхъ діаконовъ — число духовенства въ епархіи значительно увеличилось, а потому, естественно, должно было увеличиться и число дѣтей духовенства, имѣющихъ право на поступленіе въ училище. Такимъ образомъ и опытъ послѣднихъ лѣтъ, и указанныя соображенія на счетъ будущаго, настоятельно требовали учрежденія при училищѣ параллельныхъ отдѣленій не въ одномъ только, а въ нѣсколькихъ и даже во всѣхъ классахъ. Когда же съ начала 1886/87 учебнаго года, по распоряженію Св. Синода, и единственное параллельное отдѣленіе, существовавшее въ училищѣ и долженствовавшее въ этомъ году быть при первомъ классѣ, было закрыто и обращено въ классъ приготовительный; то необходимость учредить указанные выше параллельные классы сдѣлалась неотложною и неизбежною, такъ какъ въ послѣдніе годы дошло до того, что, вслѣдствіе множества конкурентокъ, въ приготовительный классъ ни одна почти дѣвица не могла поступить ранѣе 11 лѣтъ, а многія поступали 12 и даже 13-ти лѣтъ и по этой причинѣ должны были оканчивать курсъ 18-ти, 19-ти и даже 20-ти лѣтъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, Совѣтъ училища, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, настойчиво ходатайствовалъ предъ собравшимся въ сентябрѣ 1887 года епархіальнымъ съѣздомъ объ изысканіи средствъ къ немедленной постройкѣ зданія для открытія въ немъ параллельныхъ отдѣленій если не при всѣхъ, то по крайней мѣрѣ при трехъ штатныхъ классахъ. Съѣздъ съ большимъ сочувствіемъ принялъ это ходатайство и постановилъ на постройку предполагаемаго зданія отчислять ежегодно въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1888 года, изъ доходовъ епархіальнаго свѣчнаго завода по 10000 руб., равно какъ и употреблять на это остатки отъ ассигнуемой на содержаніе училища суммы.

Совѣтъ училища первоначально предполагалъ строить двухъэтажное зданіе и въ немъ устроить только помѣщенія для классовъ, какъ штатныхъ, такъ и параллельныхъ, бібліотеку, физическій кабинетъ, камеру совѣта и учительскую, а прежній корпусъ назначить исключительно для дортуаровъ воспитанницъ всѣхъ классовъ. Такой проектъ онъ представлялъ и епархіальному съѣзду. Но потомъ у Его Высокопреосвященства явилось соображеніе, что, вслѣдствіе увеличившагося уже, а въ будущемъ имѣвшаго еще болѣе увеличиться, по причинѣ естественнаго прироста населенія въ губерніи, количества духовенства въ епархіи, а также вслѣдствіе постоянно наблюдавшагося желанія и многихъ свѣтскихъ лицъ помѣщать своихъ дѣтей въ наше училище, есть основаніе думать, что, даже при открытіи параллельныхъ отдѣленій во всѣхъ классахъ, всѣ классы и всѣ отдѣленія будутъ заключать въ себѣ пол-

ное штатное число ученицъ: а въ такомъ случаѣ въ старомъ корпусѣ невозможно будетъ устроить дортуары для всѣхъ воспитанницъ, и такимъ образомъ въ недалекомъ будущемъ придется дѣлать еще какую-либо постройку или пристройку; не лучше ли, по этому сразу строить трехъ-этажное зданіе, въ которомъ, кромѣ классныхъ помѣщеній, можно было бы помѣстить и часть дортуаровъ. Такъ какъ предшествующій епархіальный съѣздъ призналъ необходимою постройку только двухъ-этажнаго зданія и ассигновалъ средства только для такой постройки, именно всего до 50000 руб., а постройка трехъ-этажнаго зданія должна была стоить болѣе 100000 руб.: то Владыка пожелалъ предварительно узнать мнѣніе духовенства о томъ, какой корпусъ строить: двухъ-этажный или трехъ-этажный. Не созывая вновь епархіальнаго съѣзда, Его Высокопреосвященство, для ускоренія и упрощенія дѣла, предложилъ обсудить этотъ вопросъ духовенству г. Харькова, которое единогласно высказалось, что лучше строить сразу трехъ-этажный корпусъ, чѣмъ потомъ пристраивать, когда неизбежно откроется въ этомъ надобность, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ два зданія и дороже обойдутся и, построенныя въ два пріема, не могутъ быть такъ удобны, какъ одинъ корпусъ, устроенный одновременно, — и что если постройку производить въ теченіе, примѣрно, трехъ лѣтъ, то средства для нея, съ Божіею помощію, будутъ найдены. Въ виду такого отзыва, Владыка циркулярно обратился къ духовенству епархіи, призывая его къ пожертвованіямъ на предполагаемую постройку, — и духовенство заявило желаніе жертвовать по 10 р. отъ причта въ теченіе четырехъ лѣтъ, т. е. всего до 40000 р. Послѣ этого Его Высокопреосвященство отнесся въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ о дозволеніи открыть параллельныя отдѣленія во всѣхъ классахъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, такъ какъ въ нихъ стоитъ крайняя нужда и такъ какъ духовенство обладаетъ необходимыми для постройки зданія этихъ отдѣленій средствами, — и Св. Синодъ разрѣшилъ это ходатайство въ утвердительномъ смыслѣ, о чемъ и сообщилъ на имя Его Высокопреосвященства указомъ отъ 9 декабря 1888 года. Послѣ этого епархіальнымъ архитекторомъ г. Нѣмкинымъ выработаны были планъ и смета проектируемаго зданія, а Совѣтъ училища и затѣмъ назначенная Его Высокопреосвященствомъ строительная коммиссія немедленно приступила къ заготовленію строительныхъ матеріаловъ и заключенію условій съ подрядчиками разныхъ работъ, съ тѣмъ, чтобы начать постройку съ весны 1889 года. Раннею весною постройка эта и началась, производилась въ теченіе всей весны, лѣта и отчасти осени и въ настоящее время вчернѣ почти окончилась. Кромѣ того, для отдѣлки зданія уже заказаны окна и двери и заготовлены доски для половъ и дрань для штукатурки.

Выяснилось уже, что новый корпусъ вчернѣ будетъ стоить около 70000 руб., каковая сумма вся почти уже и израсходована. Образовалась эта сумма изъ слѣдующихъ источниковъ: а) 8000 руб. пожертвовано въ этомъ году духовенствомъ епархіи; б) 9000 руб. по-

ступило изъ епархіального свѣчнаго завода; в) 18000 руб. поступило изъ оказавшихся въ послѣдніе годы остатковъ отъ смѣтныхъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе училища; г) 11990 руб. заимствовано изъ смѣтныхъ суммъ по содержанію училища въ 1889 году; д) 1000 руб. пожертвовано Харьковскою кладбищенскою Іоанно-Успенскою церковію; е) 2000 руб. пожертвовано протоіереемъ Харьковской Михайловской церкви Іоанномъ Федоровымъ; ж) 10 руб. пожертвовано священникомъ Луценковымъ и з) 20000 руб. взято въ Харьковскомъ 2-мъ обществѣ Взаимнаго Кредита по спеціальному текущему счету.

Для окончательной отдѣлки новаго корпуса потребуется еще до 50000 руб. Эту сумму Совѣтъ предполагаетъ получить изъ слѣдующихъ источниковъ: а) 30000 руб. имѣетъ поступить въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1890—1892, отъ духовенства, въ силу выраженнаго имъ желанія жертвовать на устройство зданія для параллельныхъ классовъ по 10 руб. съ причта въ теченіе четырехъ лѣтъ, начиная съ 1889 года; б) 20000 руб., на основаніи постановленія епархіальнаго съѣзда, бывшаго въ сентябрѣ 1887 года, имѣетъ поступить въ 1890 году изъ прибылей епархіальнаго свѣчнаго завода.

Итакъ, если вышеуказанныя суммы отъ духовенства и отъ свѣчнаго завода будутъ поступать аккуратно, то Совѣтъ надѣется окончательно отдѣлать новое зданіе, можетъ быть даже къ осени слѣдующаго 1890 г., такъ что съ слѣдующаго же 18⁹⁰/₉₁ учебнаго года будетъ открыто параллельное отдѣленіе въ 1-мъ классѣ училища, если только депутаты епархіальнаго съѣзда, имѣющаго быть въ сентябрѣ 1890 года, съ сочувствіемъ отнесутся къ дѣлу и найдутъ средства для содержанія этого отдѣленія.

Кромѣ осуществленія на половину важнаго для училища въ педагогическомъ отношеніи и угѣшительнаго для духовенства епархіи дѣла постройки зданія для параллельныхъ классовъ, въ отчетномъ году совершилось еще одно болѣе мелкое, но весьма пріятное событіе, такъ какъ свидѣлствуетъ о добромъ мнѣніи, которымъ пользуется наше заведеніе въ духовенствѣ окрестныхъ епархій. Одинъ изъ наблюдателей за церковно-приходскими школами въ Таврической епархіи отношеніемъ отъ 5 августа 1888 года на имя инспектора классовъ нашего училища просилъ рекомендовать изъ воспитанницъ этого училища четырехъ лицъ для занятія должностей учительницъ во ввѣренномъ ему округѣ. Доложивъ о такомъ отрадномъ для заведенія событіи Его Высокопреосвященству, Совѣтъ, съ его разрѣшенія, отпечаталъ отношеніе указаннаго отца наблюдателя, къ свѣдѣнію окончившихъ курсъ училища дѣвницъ, въ «Листкѣ для Харьковской епархіи» при журналѣ «Вѣра и Разумъ» и просилъ начальницу училища объявить о содержаніи этого отношенія извѣстнымъ ей дѣвцамъ, окончившимъ курсъ въ училищѣ и желающимъ занять мѣсто учительницы. Къ крайнему сожалѣнію этотъ путь къ вызову кандидатокъ для замѣщенія пред-

лагаемыхъ мѣстъ оказался очень медленнымъ и просьба о наблюдателя слишкомъ поздною по времени; поэтому, не смотря на все свое желаніе, Совѣтъ не могъ ее исполнить къ требуемому сроку. Если бы эта просьба поступила предъ каникулами, когда воспитанницы находились еще въ училищѣ и Совѣтъ имѣлъ возможность вести съ обанчивавшими курсъ личные переговоры: то между воспитанницами наними навѣрное нашлись бы желающія и способныя занять эти мѣста и въ чужой епархіи — поддержать своею учительскою дѣятельностію честь воспитавшаго ихъ заведенія такъ же, какъ уже съ давняго времени большое число ихъ (свыше 300) поддерживаетъ ее въ своей.

Пережило въ отчетномъ году училище и одно печальное событіе. 11 сентября 1888 г. скончалась попечительница училища, жена отставного заслужен. профес. Харьковскаго университета, Александра Васильевича Гордѣенко. Усопшая состояла въ этой должности съ 1871 г. и въ теченіе всего этого времени съ особенною любовію относилась къ училищу и съ особенною внимательностію къ нуждамъ, радостямъ, печалямъ и удовольствіямъ дѣтей. На ея средства пріобрѣтенъ для училища физическій кабинетъ, столь богатый важнѣйшими приборами для опытовъ по физикѣ, что и до сихъ поръ его почти не было надобности пополнять; она пожертвовала въ разное время много вещей для училищной церкви и много книгъ, въ томъ числѣ и весьма цѣнныхъ, для училищной бібліотеки; она уплативала иногда за содержаніе въ училищѣ сиротъ; во всѣ почти годы ея службы на ея счетъ пріобрѣтались книги, всегда довольно дорогія, для наградъ выпускнымъ воспитанницамъ и нѣсколько разъ она же дарила ноты и французскія книги воспитанницамъ, занимавшимся музыкою и французскимъ языкомъ; во всѣ праздники Рождественскіе и Пасхальныя, въ храмовой день училищной церкви и въ другіе дни училищныхъ торжествъ она всегда присылала воспитанницамъ лабома; выпускныхъ воспитанницъ-сиротъ всегда снабжала разными принадлежностями одежды и матеріалами для нея; каждое почти лѣто пріобрѣтала садовые игры для дѣтей; больныхъ и выздоравливающихъ снабжала занимательными книгами и разными полезными игрушками; вообще, какъ только отърывалась возможность доставить дѣтямъ какое-либо удовольствіе или развлеченіе, всегда можно было обратиться къ усопшей съ полною увѣренностію, что она возьметъ на себя или всѣ необходимые расходы, или по крайней мѣрѣ значительную ихъ часть. Кромѣ пожертвованій деньгами и разными вещами, усопшая жертвовала для училища и своимъ трудомъ. Такъ, она всегда несла на себѣ нелегкій трудъ предсѣдательства на всѣхъ экзаменахъ музыки и французскаго языка и, интересуясь всѣмъ, касавшимся училища, посѣщала иногда уроки преподавателей. Во всѣхъ сношеніяхъ и съ членами училищной корпораціи, и съ

дѣтьми, всегда отличалась необыкновенною кротостію и деликатностію, служа такимъ образомъ для дѣтей прекраснымъ образцомъ христіанской благовоспитанности. Училище почтило усопшую свою благодѣтельница и труженицу тѣмъ, что священникъ училищной церкви, при пѣніи училищныхъ пѣвчихъ-дѣвицъ, совершилъ послѣ ея смерти надъ гробомъ ея панихиду, предсѣдатель Совѣта и училищный священникъ участвовали въ выносѣ и погребеніи ея, при чемъ дѣти, съ начальницею училища во главѣ, сопровождали гробъ изъ дому въ церковь и присутствовали при отпѣваніи; не забыло ея училище и въ настоящемъ году, совершивши въ годовщину ея смерти заупокойную литургію и панихиду въ своей церкви.

О Т Ч Е Т Ъ

о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ одно-классной церковно-приходской школѣ за 18⁸⁸/89 учебный годъ.

1) *Личный составъ* служащихъ въ школѣ въ отчетномъ году былъ тотъ же, что и въ предыдущемъ, именно: завѣдывалъ обученіемъ въ школѣ, равно какъ и практическими занятіями въ ней воспитанницъ училища, безвозмездно инспекторъ классовъ училища, священникъ Никандръ *Оникевичъ*; Законъ Божій преподавалъ членъ Совѣта училища, священникъ Николай *Моценковъ*, съ жалованьемъ по 120 р. въ годъ; русскій и славянскій языки, ариметку, церковное пѣніе и чистописаніе преподавала учительница школы, окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы, дѣвица Надежда Ивановна *Попова*, получавшая жалованья, при казенной квартирѣ со столомъ, 180 руб. въ годъ.

2) *Число учащихся* въ школѣ въ теченіе года было не одинаково. Въ началѣ года числилось всѣхъ школьникоуъ 58,—31 мальчикуъ и 27 дѣвочекъ, изъ коихъ совершенно неграмотные 25 мальчикууъ и 14 дѣвочекъ составили I отдѣленіе школы, а 6 мальчикууъ и 13 дѣвочекъ, уже обучавшіеся въ школѣ въ прошломъ учебномъ году, составили II ея отдѣленіе. Ко времени экзаменовъ число это значительно сократилось, именно въ I отдѣленіи школы осталось 23 учащихся,—13 мальчикуууъ и 10 дѣвочекъ, а во II отдѣленіи 16 учащихся,—5 мальчикуууъ и 11 дѣвочекъ,—всего же въ обоихъ отдѣленіяхъ 39 учащихся,—18 мальчикуууъ и 21 дѣвочка. Такое сокращеніе числа учащихся въ школѣ произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе переселенія родителей ихъ, живущихъ у разныхъ лицъ въ качествѣ прислуги, изъ ближайшихъ въ отдаленныя отъ училища части города.

Изъ общаго числа учащихся въ школѣ 1 мальчикуъ и 2 дѣвочки по происхожденію принадлежали къ духовному званію, остальные же—дѣти мѣщанъ и крестьянъ.

3) *По духу, характеру, программамъ и методамъ преподаванія* школа устроена была во всемъ согласно утвержденной Св. Синодомъ программѣ учебныхъ предметовъ для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Но программа эта выполнена не вся, именно: а) по Закону Божію въ I отдѣленіи пройдена только часть Священной исторіи и во II отдѣленіи катихизисъ и объясненіе Богослуженія вовсе не проходились, а оканчивался курсъ Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта съ повтореніемъ пройденнаго по этому предмету въ I отдѣленіи; б) по русскому языку во II отдѣленіи мало упражнялись въ письменномъ изложеніи. Причина этихъ уклоненій отъ программы заключается въ томъ, что школа, кромѣ обученія дѣтей, имѣетъ еще своимъ назначеніемъ служить мѣстомъ для практическихъ упражненій воспитанницъ училища въ элементарномъ преподаваніи, вслѣдствіе чего для уроковъ законоучителя и учительницы могло быть ежедневно назначено только время отъ 9 часовъ утра до 1 часу по-полудни, а послѣ обѣденное время назначено было для практическихъ занятій въ школѣ воспитанницъ училища, почему и число уроковъ законоучителя и учительницы должно было, сравнительно съ синодальной программой, значительно сократиться. Вообще же, Совѣтъ училища убѣдился двухлѣтнимъ опытомъ, что при указанныхъ выше особенныхъ условіяхъ и цѣляхъ существованія училищной школы, указанная Св. Синодомъ программа одноклассной церковно-приходской школы можетъ быть пройдена въ ней основательно не въ два, а только въ три года, и только въ этотъ періодъ школьницы могутъ быть приготовлены къ испытанію на льготу 4-го разряда по исполненію воинской повинности.

4) *Учебники и учебныя пособія* въ школѣ въ отчетномъ году употреблялись слѣдующіе: а) по Закону Божію *Синодальный молитвословъ* и *«наставленіе въ Законъ Божіемъ» протоіерея Петра Смирнова*; б) по русскому языку—*разныя буквы, синодальный букварь* и книга *Радонежскаго «Сомышко»*; в) по славянскому языку—*стѣнные таблицы молитвъ, Букварь, «Чтенія изъ книгъ Священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта», Свирькина и часословъ*; г) по арифметикѣ—*арифметическіе счеты и задачки Гольденберга и Лубенца*; д) по церковному пѣнію—*Сборникъ церковныхъ пѣснопѣній священника Георгіевскаго и «Кругъ обычныхъ пѣснопѣній Московской епархіи»*; е) по чистописанію—*прописи Цошарскаго и руководство къ обученію письму Гербаца*.

5) *Библіотека при школѣ* къ концу отчетнаго года заключала въ себѣ 491 томъ книгъ, изъ коихъ въ отчетномъ году приобрѣтено 78 томовъ и кромѣ того, для руководства законоучительницы, выписывался журналъ «Церковно-приходская школа». Библіотека эта состоитъ изъ педагогическихъ сочиненій по элементарному преподаванію, учебниковъ и учебныхъ пособій и книгъ для дѣтскаго чтенія. Завѣдуетъ библіотекою учительница школы.

6) *Практическія занятія воспитанницъ училища въ школѣ*

въ отчетномъ году, такъ же какъ и въ предыдущемъ, устроены были слѣдующимъ образомъ: а) ежедневно по двѣ воспитанницы V класса присутствовали на всѣхъ урокахъ законоучителя и учительницы, присматриваясь и прислушиваясь къ тому, какъ должно вестись элементарное преподаваніе, и такимъ образомъ готовились къ дѣятельному участию въ преподаваніи по переходѣ въ VI классъ; б) Воспитанницы VI класса, приучаясь къ управленію школою, ежедневно по двѣ присутствовали на урокахъ законоучителя и учительницы, помогали имъ въ наблюденіи за учащимися какъ во время уроковъ, такъ и въ промежуткахъ между ними, раздавали дѣтямъ и собирали отъ нихъ учебныя принадлежности и въ классномъ журналѣ записывали содержаніе каждаго урока; вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ нихъ руководила дѣтьми и наблюдала за исполненіемъ заданныхъ имъ самостоятельныхъ работъ въ тѣ часы, когда учительница давала урокъ въ другомъ отдѣленіи; в) Для пріобрѣтенія навыка въ преподаваніи, воспитанницы VI класса училища въ послѣобѣденныя часы отъ 3—5 по-полудни, репетировали съ дѣтьми уроки, преподаваемые утромъ законоучителемъ и учительницею, занимаясь каждая съ отдѣльною группою изъ 3—4 школьниковъ. Такъ какъ для этихъ занятій воспитанницы VI класса были раздѣлены на три группы, то каждая воспитанница ежедѣльно два раза участвовала въ этихъ репетиціонныхъ урокахъ. Съ января мѣсяца и до конца учебныхъ занятій въ училищѣ во время послѣобѣденныхъ репетиціонныхъ уроковъ въ школѣ воспитанницы VI класса училища, чередуясь между собою, занимались каждая уже съ цѣлымъ отдѣленіемъ школы. Вмѣстѣ съ этимъ, со второй недѣли великаго поста до окончанія уроковъ въ училищѣ воспитанницы VI класса по очереди утромъ давали самостоятельные уроки въ обихъ отдѣленіяхъ школѣ по русскому и церковно-славянскому языкамъ и арифметикѣ, для чего, подъ руководствомъ завѣдующаго школою и учительницы, предварительно составляли планъ урока; уроки эти давались, по возможности, въ присутствіи всѣхъ воспитанницъ VI класса училища и, по окончаніи, разбирались завѣдующимъ школою или учительницею.

7) Во всѣ воскресные и праздничные дни учащіеся въ школѣ, подъ надзоромъ учительницы, присутствовали при Богослуженіи въ сосѣдней съ училищемъ кладбищенской церкви и одновременно съ воспитанницами училища говѣли и приобщались Св. Тайнъ.

8) Ученіе въ школѣ началось 17 августа и окончилось 20 мая. 22 мая пропзведены были обихъ отдѣленіямъ школы годовые экзамены коммисіею изъ председателя Совѣта училища, инспектора классовъ, законоучителя и учительницы школы, а 26 мая законоучителемъ школы, въ сослуженіи съ дѣлопроизводителемъ Совѣта, діаконъ Теофаномъ Чернявскимъ, совершено благодарственное Господу Богу молебствіе, при которомъ все положенное пѣли сами школьницы.

2 іюня, въ день училищнаго акта, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, приняли участіе въ училищномъ торжествѣ и

школьницы. Послѣ раздачи аттестатовъ и наградъ выпускнымъ воспитанницамъ училища, прочитанъ былъ составленный инспекторомъ классовъ краткій отчетъ о состояніи школы за 18⁸⁸/₈₉ учебный годъ и списокъ учениковъ этой школы,—трехъ I отдѣленія и шести II, удостоенныхъ, за прилежаніе и успѣхи награды. Награды эти,—Новый Заветъ, Евангеліе и Псалтырь,—Его Высокопреосвященство благоволило раздать лично. Послѣ этого школьницы, по желанію Владыки, очень стройно пропѣли нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія и исполненіемъ ихъ заслужили одобреніе какъ самого Владыки, такъ и всей присутствовавшей въ залѣ публики.

9) Содержалась училищная церковно-приходская школа исключительно на средства училища.

С В Ѣ Д Ъ Н І Е

о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской Епархіи, установленнаго X Епархіальнымъ съѣздомъ, за 2 половину 1889 года.

Къ 1-му Іюля 1889 года оставалось: а) наличными деньгами 235 руб. 43 коп.; б) билетами 1-го внутренняго съ выигрышами займа 100 руб. и в) въ долгу за Епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ 48,706 руб. 61 коп.

Съ 1-го Іюля 1889 года по 1-е Января 1890 года поступило: а) личнаго взноса отъ духовенства епархіи 5,037 руб. и 38 коп., процентовъ отъ свѣчнаго завода 2,816 руб. 14 коп.—всего 7,853 руб. 52 коп. Во 2-й половинѣ 1889 года въ расходѣ: а) согласно постановленію XII Епархіальнаго Съѣзда выдано займообразно Харьковскому Епархіальному свѣчному заводу 7,916 руб. 14 коп. и б) на страхованіе билета 1-го внутренняго съ выигрышами займа отъ тпража погашенія и жалованье секретарю попечительства 151 руб. 15 коп., всего 8,067 руб. 29 коп.

Затѣмъ къ 1-му Января 1890 года остается: наличными а) 21 руб. 66 коп.; б) билетами 100 руб. и въ долгу за Епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ 56,622 руб. 75 коп., всего 56,744 руб. 41 коп.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Благовѣщенской церкви, села Богуславскаго, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Ревскій*, утвержденъ законоучителемъ Богуславскаго начальнаго народнаго училища.

— Священникъ Николаевской церкви слоб. Веревкиной, Изюмскаго уѣзда, Семеонъ *Мухинъ*, по прошенію уволенъ отъ должности законоучителя Петровскаго народнаго училища Изюмскаго же уѣзда.

— Священникъ с. Верхней Сыроватки, Сумскаго у., *Василій Соколовскій* утвержденъ, согласно ходатайству г. инспектора народныхъ училищъ, законоучителемъ Желѣзняцкаго народнаго училища.

— Священникъ с. Бѣловода, Сумскаго у., *Петръ Стефановъ*, согласно ходатайству инспектора народныхъ училищъ, утвержденъ законоучителемъ Журавскаго народнаго училища.

— Окончившій курсъ въ Харьковской духов. семинаріи *Михаилъ Смирновъ* опредѣленъ на праздное священническое мѣсто къ Николаевской церкви слоб. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщикъ-діаконъ Изюмскаго Преображенскаго собора *Андрей Пивоваровъ*, перемѣщенъ на штатное діаконское мѣсто къ Александро-Новской церкви сл. Рай-Александровки, Изюмскаго у.

— Діаконъ Ахтырско-Богородичной церкви сл. Изюнца (Бугаевка тожъ), Изюмскаго у., *Гавріилъ Якубовичъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто къ Предтечевской ц. с. Ново-Павловки, Изюмскаго у.

— Діаконъ Покровской церкви, сл. Покровки, Купянскаго уѣзда, *Андрей Стнцовъ* опредѣленъ священникомъ къ Свято-Владимірской цер. сельца Лознаго, Старобѣльскаго у.

— На праздное псаломщическое мѣсто къ Изюмскому Преображенскому собору перемѣщенъ псаломщикъ Покровской церкви сл. Рѣдкодуба, Изюмскаго у., *Иванъ Федоровскій*.

— Псаломщикъ Николаевской ц. с. Ряснаго, Богодуховскаго у., *Иванъ Эварнижскій*, по прошенію перемѣщенъ псаломщикомъ къ Митрофаніевской ц. зашт. гор. Недрпгайлова, Лебединскаго у.

— Діаконскій сынъ *Петръ Квитковскій* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Спасской ц. с. Воеводскаго, Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Изюмскаго уѣзда: Николаевской ц. слоб. Николаевки крест. *Стефанъ Ямполлиъ* на первое трехлѣтіе; Вознесенской цер. слоб. Никифоровки, крест. *Федотъ Мануженко* на второе трехл.; Покровской ц. с. Селпмовки крест. *Владиміръ Дерикорима* на первое трехлѣтіе; Ахтырскаго уѣзда: Рождество-Богородичной ц. с. Пушкарной, крест. *Антоній Мартыненко*; Волчанскаго уѣзда: Николаевской церкви сл. Котовой, крест. *Иванъ Таволжанскій*; Старобѣльскаго уѣзда: Димитріевской ц. сл. Свято-Димитріевки крест. *Матвій Удоденко*; Свято-Духовской ц. сл. Кононовки крест. *Иванъ Кононенко*; Вознесенской ц. сл. Семпковки крест. *Георгій Редька*; Вознесенской ц. сл. Ново-Боровой крест. *Писидоръ Черкасовъ*; Иоанно-Предтечевской ц. сл. Евсуга крест. *Павелъ Величко* и Архангело-Михайловской ц. учепый управительскій помощникъ *Александръ Яковлевъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Церковныя дѣла въ Болгаріи.—Освященіе церковно-приходской школы въ слободѣ Комаровкѣ (корреспонденція «Листка»).—Въ чемъ должна заключаться въ настоящее время дѣятельность пастырей?—Характерныя заявленія и мнѣнія сектантовъ и раскольниковъ.—Потребность въ специальныхъ картахъ съ обозначеніемъ центровъ раскола.—Иповѣрцы въ Полоцкѣ.—Успѣшныя труды миссіонера.—Къ вопросу объ обезпеченіи блага духовенства опредѣленнымъ содержаніемъ.—Обезпеченіе зажиточнаго духовенства, вдовъ и сиротъ его.—О необходимости соединенія календарей въ Прибалтійскомъ краѣ.—Выборы почетныхъ членовъ въ академію наукъ.—Принятіе одной церковно-приходской школы въ число дѣятельныхъ членовъ миссіонерскаго комитета.—Дѣятельность церковно-археологическихъ комиссій.—Рѣшительная мѣра для увеличенія школы грамоты.—Повторительныя и дополнительныя занятія въ народныхъ школахъ и школьная библіотека.

Въ Болгаріи отношенія самозваннаго правительства къ духовенству не улучшаются, а еще болѣе осложняются. Правительство рѣшило, повидимому, принудить болгарское духовенство признать настоящій режимъ и подчиниться ему. Въ народное собраніе уже внесенъ законопроектъ, лишающій духовенство избирательнаго права и вообще устраняющій его отъ вліянія на выборы. Кроме того, правительство не соглашается удовлетворить законнымъ требованіямъ духовенства. Нѣкоторыя епархіи обратились къ собранію съ ходатайствомъ объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства, который находится въ самомъ плачевномъ положеніи. «Многіе изъ священниковъ, говорится въ прошеніи, чтобы прокормить себя и семейства вынуждены, за неимѣніемъ средствъ, приниматься иногда за такія дѣла, которыя отвлекаютъ ихъ отъ надлежащаго исполненія пастырскихъ обязанностей и унижаютъ ихъ въ глазахъ народа. Бѣдность и униженность духовенства нагубно отзываются на нравственности народа и наносятъ вредъ интересамъ всей церкви». Въ прошеніи говорится далѣе, что народное собраніе утвердило нѣкоторыя мѣры для улучшенія матеріальнаго быта духовенства еще въ 1883 году, что онѣ были утверждены и княземъ, но до сихъ поръ не приведены въ исполненіе. На это прошеніе предсѣдатель собранія отвѣтилъ, что оно лишь тогда будетъ уважено, когда духовенство выкажетъ свою лояльность и послушаніе какъ правительству, такъ и князю. Между тѣмъ изъ нѣкоторыхъ округовъ Болгаріи получены извѣстія, что какія-то темныя личности проповѣдуютъ безвѣріе, уговариваютъ крестьянъ не слушаться поповъ и церкви и раздаютъ имъ книжечки женевскаго изданія. Въ Софіи держится мнѣніе, что участіе въ этой пропагандѣ принимаетъ прибывшій недавно изъ Женевы теперешній профессоръ софійскаго университета Драгамановъ. Противъ продѣлокъ агита-

торовъ уже протестовало духовенство старозагорской епархіи, и можно надѣяться, что противъ пагубной агитаціи выступятъ всѣ болгарскіе іерархіи, а особенно имѣющій собраться въ непродолжительномъ времени болгарскій церковный синодъ.

— Въ пятницу 29-го декабря 1889 года въ слободѣ Комаровѣ, Изюмскаго уѣзда, происходило торжество освященія церковно-приходской школы. Мысль объ открытіи школы въ слободѣ Комаровѣ существовала давно, дѣло стояло за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ у жителей, бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Мѣстный землевладѣлецъ Гавріилъ Фокичъ Холодовъ, желая ознаменовать добрымъ дѣломъ 17-е октября 1888 года, день чудеснаго спасенія Государя Императора и Царской Семьи отъ угрожавшей опасности при крушеніи желѣзно-дорожнаго поѣзда на станціи Борки, ассигновалъ сумму 2000 рублей, на которые устроилъ новый деревянный домъ, крытый желѣзомъ, съ стеклянною галлереею, о трехъ комнатахъ: одной для класса, другой для учителя и третьей передней, съ вентиляціею и всѣми нужными приспособленіями. Устроены также парты со скамьями и другія школьныя принадлежности и школа снабжена въ достаточномъ количествѣ учебниками и учебными пособіями. Освященіе дома совершалъ окружный наблюдатель—священникъ, въ сослуженіи мѣстнаго священника и двухъ сосѣднихъ священниковъ при многочисленномъ стеченіи прихожанъ и стороннихъ лицъ. По освященіи дома для церковно-приходской школы и по исполненіи молебнаго пѣнія и провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему дому, мѣстному Преосвященному, Архіепископу Амвросію и строителю дома, въ назиданіе собравшимся прихожанамъ и ихъ дѣтямъ, наблюдатель сказалъ рѣчь, соотвѣтствующую торжеству. При томъ сочувствіи прихожанъ, которое обнаружилось при освященіи дома, можно смѣло рассчитывать на полный успѣхъ: той новой церковно-приходской школѣ.

— Въ чемъ должна заключаться въ настоящее время дѣятельность пастырей, къ чему главнымъ образомъ должны быть направлены усилія ихъ? На эти крайне интересные вопросы помѣщенная въ 1 № «Рук. для сельск. паст.» статья отвѣчаетъ такимъ образомъ. «На землѣ нѣтъ болѣе многостороннихъ, разнообразныхъ, и потому многотрудныхъ и мудреныхъ служеній, чѣмъ служеніе пастырское, требующее отъ пастырей, по ученію самого вѣчнаго Первосвященника, и змѣнной мудрости, и голубиной простоты, и разнообразныхъ опытныхъ и теоретическихъ знаній. Пастырь церкви

какъ опытный хозяинъ, долженъ выносить изъ своей духовно-нравственной сокровищницы своевременно и ветхое и новое, смотря по духовно-нравственнымъ потребностямъ своей паствы. Понятно, пастырю церкви, чтобы быть опытнымъ хозяиномъ, умѣющимъ своевременно выносить старое и новое, необходимо постоянное самообразование. И высокія, незаурядныя дарованія гибнуть и пропадаютъ отъ бездѣтельности. Жизнь на всемъ ея историческомъ протяженіи представляетъ на то множество примѣровъ. Было бы неразумною самонадѣянностью, объясняемою только лѣностью, полагаться пастырю церкви на свое семинарское образованіе. Образованіе это и само по себѣ недостаточно для выношенія пастырскихъ цѣлей, а при послѣдующей бездѣтельности даже и это недостаточное образованіе улетучивается, и пастырь остается не при чемъ. Всякая сила для своего развитія требуетъ упражненій. Того же требуетъ и знаніе. Но само образованіе необходимо для пастыря не только въ виду постоянного развитія его личныхъ духовно-нравственныхъ силъ, къ чему самую цѣлію жизни призывается каждый человѣкъ, но и въ виду требованій его служенія. Чего требуетъ пастырское служеніе? Учительства и руководства паствою на пути вѣры и духовно-нравственной жизни. Невѣжда можетъ ли учить другихъ и руководить паствою? Понятно, нѣтъ! И пастырю церкви необходимо учиться всю свою жизнь и пополнять запасъ своихъ знаній. Отъ пастыря требуются многостороннія знанія, но всѣ эти знанія должны группироваться около знанія главнѣйшаго и существеннѣйшаго — именно около знанія религіозно-нравственнаго. Исходя изъ понятія о пастырскомъ служеніи, надобно каждому пастырю положить себѣ за непремѣнное правило прежде всего и болѣе всего изучать Священное писаніе по руководству отцовъ и учителей православной Церкви; ибо «все писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, да будетъ совершенъ Божій человѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ» (2 Тим. III, 16—17). Посему и апостоль, высказавшій эту истину, заповѣдуетъ Тимоѣю: «вникай въ себя и въ ученіе; занимайся сямъ постоянно: ибо, такъ поступая, и себя спасешь и слушающихъ тебя» (1 Тим. IV, 16). Наше время въ особенности требуетъ отъ пастырей, чтобы не только сами они были вполне вѣрующими и благочестивыми, но чтобы и другихъ умѣли научить вѣрѣ и благочестію, чтобы не только сами для себя имѣли многостороннія знанія, но чтобы способны были давать отвѣты и на вопросы всѣхъ

вопрошающихъ. Наше время болѣе, чѣмъ всѣ предыдущія времена, требуетъ отъ пастырей, чтобы они были свѣтомъ міра и солію земли (Мат. V, 13—14). Осмотримся крутомъ. Народная масса хотя и держится православной вѣры, однако она невѣжественна въ дѣлѣ вѣры. Кромѣ того, въ средѣ ея гнѣздится, какъ развѣдающая организмъ язва, старый расколъ—порожденіе невѣжества, стремящееся въ наше время въ лицѣ заправилъ, подобныхъ Швецову, стать на почву раціонализма и войти въ дружбу съ положительнымъ отрицаніемъ. Тамъ, на югѣ, свила себѣ гнѣздо въ народѣ нѣмецкая штунда, отрицающая всѣ основы христіанской православной религіи, и ни во что вмѣняющая всѣ обрядовыя установленія православно-богослужебнаго культа, столько любимыя истинно-русскимъ православнымъ человѣкомъ, во-очію смѣющаяся надъ вѣрою, введенною на Руси св. Владиміромъ, чтимымъ за апостола всюю православною Русью, и ругающая неподобающимъ образомъ представителей церкви—православныхъ пастырей, начиная съ архіереевъ и кончая безвѣстнымъ сельскимъ священникомъ. Желая увеличить число послѣдователей своихъ, боноводы штунды не гнушаются никакими средствами для совращенія сыновъ православія, не утвержденныхъ въ вѣрѣ отцовъ своихъ. А тутъ, не въ народѣ уже только, а и въ средѣ интеллигенціи, существуетъ, предварившая штунду, религія паниковская, основанная англійскимъ лордомъ Редстокомъ, продолженная, быть можетъ, и усовершенствованная, англичаниномъ Дитманомъ, и принятая и введенная въ жизнь многихъ высшаго круга, важнымъ природнымъ русскимъ, и притомъ православнымъ бариномъ—Пашковымъ. Завершеніе этой религіи пока представляетъ религія гр. Толстого. Всѣ эти религіи очень нелѣпы по самому существу своему; но извѣстно уже изъ жизни, что нѣтъ той нелѣпости, которая не находила бы себѣ уголка въ человѣческомъ сердцѣ. И борются съ этими, и имъ подобными, нелѣпостями, несравненно труднѣе, чѣмъ противъ разумныхъ человѣческихъ убѣжденій, уклоняющихся отъ истины. Православному пастырю надобно прежде всего имѣть въ виду, что наше время есть самое модное время на изобрѣтеніе религій, отвѣчающихъ склонностямъ и потребностямъ извѣстнаго круга людей. Въ наше время многіе не хотятъ и знать откровенной религіи; а хотятъ имѣть помимо откровенной религіи свою собственную. Нынѣ именно и приходятъ къ намъ лжепророки въ овечьей одеждѣ, а внутри они суть волки хищные (Мат. VII, 15). Такое время нынѣ! И въ это ли время пастырямъ церкви спокойно почивать на ложѣ своемъ? Нѣтъ,

пынѣ именно предстоитъ имъ необходимость облечься «во вся оружія Божія» и каждому изъ нихъ стать на стражѣ своей. И прежде всего имъ предстоитъ необходимость быть внимательными къ стаду своему и не только тогда, когда даетъ оно пастырю тѣ или иные явные запросы, но и тогда, когда этихъ запросовъ нѣтъ, пастырь самъ долженъ отыскивать эти запросы и своевременно отвѣчать на нихъ. Въ напе въ особенности время пастырь по своему благоразумію, какъ хозяинъ, долженъ своевременно износить изъ своей кладовой и старое и новое, и однихъ обличать и запрещать, другихъ учить, назидать и увѣщевать, третьимъ отвѣчать на вопросы о нашемъ упованіи. Для выполненія всего этого самому пастырю необходимо быть учительнымъ и испытаннымъ по всяческимъ; а потому мы отъ всей души желаемъ, чтобы пастыри, по силѣ данныхъ имъ способностей, совершая постоянную духовно-нравственную куплю, постоянно приумножали данные каждому изъ нихъ отъ Бога таланты, и употребляли ихъ на пользу не только чадъ православныхъ Христовой Церкви, но и всѣхъ тѣхъ заблудшихъ овецъ, которыя отторглись отъ стада Христова. Знай пастырь очень многое, но ничего не дѣлай, — пользы отъ того выйдетъ не много. Самъ по себѣ будь онъ очень благочестивымъ и религіознымъ до костей и мозговъ, но все это останется только при немъ самомъ, безъ всякаго значенія для окружающей среды. Можетъ ли быть какая-либо польза голодающему бѣдняку отъ роскошнаго обѣда богача? Пусть богачъ подѣлится съ бѣднякомъ, кому нечего ѣсть, хоть крохами отъ своего роскошнаго стола, тогда и бѣдняку выйдетъ польза — онъ будетъ сытъ. Такъ точно и пастыри церкви, какъ богачи въ отношеніи религіозно-нравственнаго знанія, пусть дѣлятся своими знаніями съ своею голодающею, темною и невѣжественною въ отношеніи религіозно-нравственномъ, паствою. Иначе для пастыря во всемъ его многознаніи нѣтъ ни цѣли, ни значенія, еромѣ цѣлей его личныхъ и часто узко-эгоистическихъ. Хвалиться своими знаніями другъ передъ другомъ мы мастера. Ими часто и фигурируемъ другъ передъ другомъ, чтобы поставить другъ друга въ тупикъ, и постѣ посмѣяться. Глухая и нелѣпая, недостойная въ особенности пастыря церкви, замашка; а она, какъ бы ни была глупа и нелѣпа, все-таки между пастырями существуетъ. И вотъ мы желаемъ, чтобы пастыри русской православной Церкви выгнали изъ среды своей эту недостойную замашку и всѣ свои силы и знанія устремили дружно къ одной общей цѣли — къ религіозно-нравственному воспитанію русскаго народа. Многіе изъ пастырей пре-

бываютъ въ бездѣтельности потому, что не видятъ цѣли въ пастырскомъ дѣланіи; а цѣли не видятъ потому, что пастыри-дѣтели не получаютъ сразу видимыхъ и осязательныхъ плодовъ отъ своей дѣятельности. Но пастырское ли дѣло непременно требовать осязаемыхъ плодовъ отъ своей, быть можетъ, недостаточной дѣятельности? Пастырская задача состоитъ въ томъ, чтобы сѣять сѣмена христіанской истины и заботиться объ удобреніи почвы, устраняя, насколько возможно, всѣ неблагопріятныя вліянія на нее. Произрастаніе сѣмени зависитъ отъ воли Божіей и бываетъ часто не доступно человѣческому наблюденію. «Царствіе Божіе, сказалъ Господь, подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ сѣмя въ землю; и спитъ и встаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ» (Мар. IV, 26—28). Даетъ Господь видимые плоды, надобно благодарить Его; скрываетъ ихъ отъ пастырскаго наблюденія, надобно терпѣливо ожидать ихъ проявленія. И то надобно сказать, много ли еще трудились мы, чтобы имѣть право на полный успѣхъ? Давно ли стали мы работать на нивѣ Божіей? Да и всѣ ли еще работаютъ? Не почиваютъ ли еще многіе изъ пастырей на ложахъ своихъ? Какъ же, не приложивъ должнаго старанія къ пастырскому дѣлу, не употребивъ усиленныхъ трудовъ на воздѣлываніе нивы Божіей, требовать успѣховъ? Поработай, потрудишься, не задаваясь преждевременнымъ вопросомъ о пользѣ и цѣли пастырскаго труда, — быть можетъ, окажутся и плоды. Странно было бы смотрѣть на земледѣльца, стоящаго предъ своею полосою, и вмѣсто работы разсуждающаго: «что дѣлать? Сѣять или нѣтъ? А что, если ничего не уродится? Вѣдь бываютъ же неурожайные годы?» Не то ли дѣлаютъ и пастыри, задающіеся вопросомъ о цѣли и значеніи пастырскаго труда, и въ то-же время ничего не дѣлающіе?»

— Нѣкоторые сектанты, напримѣръ, молокане, продолжаютъ являться къ православнымъ миссіонерамъ и священникамъ для домашнихъ бесѣдъ о предметахъ вѣры, иногда по вечерамъ, опасаясь днемъ быть замѣченными «отъ своихъ», и эти бесѣды видимо сближаютъ ихъ съ православною Церковью. На одной изъ новыхъ публичныхъ бесѣдъ одного изъ екатеринославскихъ миссіонерскихъ комитетовъ съ шалопутами обнаружилось, что нѣкоторые шалопуты признали крещеніе необходимымъ и для младенцевъ. На бесѣдѣ другого комитета съ штундистами, на вопросъ комитета: «ужели штундисты, послѣ крещенія, не грѣшатъ и бываютъ всегда непо-

рочны?» — одинъ изъ штундистовъ отвѣтилъ утвердительно и такимъ образомъ вновь засвидѣтельствовалъ, въ какомъ самообольщеніи остаются еще многіе изъ этихъ сектантовъ.

Вожди и защитники раскола на каждой новой бесѣдѣ съ православными повторяютъ лишь то, что много лѣтъ назадъ говорено было ихъ предшественниками и что давно опровергнуто; къ старому прибавляютъ они только новыя нелѣпости. На бесѣдѣ съ старообрядцами, напримѣръ, въ Москвѣ, 10 декабря, извѣстный читателямъ Заваловъ съ увѣренностью говорилъ, что апостолы ссылались на никео-цареградскій символъ, и когда о. Ксенофонтъ Крючковъ, замѣтивши, что никео-цареградскій символъ составленъ спустя около 300 лѣтъ послѣ апостоловъ, спросилъ Завалова: «понимаетъ ли онъ, что говорить», — Заваловъ отвѣтилъ: «я понимаю, а вы не понимаете». Тотъ же Заваловъ въ этотъ же разъ не обошелся и безъ кощунственныхъ выходокъ, говоря, по поводу начертанія имени Спасителя, что «Исусъ есть чертово преданіе», и обратившись къ присутствовавшему на бесѣдѣ преосвященному Виссаріону съ словами: «владыка Виссаріонъ, сознайтесь, а вѣдь, Исусъ—антихрпсть....» На такой нелѣпо-дерзкій вопросъ отвѣта, конечно, не послѣдовало.

Русскими расколовѣдами, въ томъ числѣ членами противораскольническихъ братствъ, издано не мало памятишковъ письменности, имѣющихъ значеніе для исторіи раскола и для полемики съ нимъ; въ новую литературу о расколѣ, какъ и о сектанствѣ, тоже дѣлается не мало болѣе или менѣе полезныхъ вкладовъ. Но въ этой литературѣ есть одинъ видный пробѣлъ, на который больше и больше обращается вниманіе. Между прочимъ, въ только что появившемся отчетѣ о церковно-приходскихъ школахъ таврической епархіи за 1888—1889 учебный годъ замѣчено, что «спеціальныхъ картъ съ обозначеніемъ центровъ раскола и пунктовъ, гдѣ учреждены школы, пока еще нѣтъ, ибо при незначительности пространства епархіи, ограниченномъ количествомъ пунктовъ, зараженныхъ расколомъ и сравнительно небольшомъ еще количествомъ церковно-приходскихъ школъ, особенной нужды въ такихъ картахъ не чувствуется». Но есть епархіи, гдѣ въ расколѣ остаются почти цѣлые приходы и цѣлыя группы деревень и гдѣ потребность въ картахъ, на которыхъ были бы обозначены занятыя раскольниками мѣстности, чувствуется довольно сильно; однако существующія въ этихъ епархіяхъ, противораскольническія братства къ своимъ отчетамъ не прилагаютъ такихъ картъ, хотя сдѣлать

это имѣютъ, повидимому, большую возможность, чѣмъ кто-либо другой. Чувствуется также и выражается потребность въ изданіи тщательно исполненной карты, по которой можно было бы составить себѣ болѣе или менѣе наглядное представленіе о томъ, какъ велико въ каждой епархіи число мѣстностей, населенныхъ православными и, затѣмъ—послѣдователями всѣхъ другихъ религіозныхъ обществъ. (Церк. Вѣстн.).

— Древній православно-русскій городъ Полоцкъ въ настоящее время заповоленъ разнаго рода иновѣрцами: евреями, католиками, лютеранами, а также раскольниками, вредно вліяющими на православно-русское населеніе города. Для огражденія православныхъ отъ этого вліянія, полоцкое церковное братство, какъ сообщаетъ предсѣдатель этого совѣта, отерываетъ съ 1890 года народныя чтенія и, кромѣ того, предположило открыть библіотеку для чтенія, изъ которой каждый полочанинъ православный могъ бы бесплатно получать для домашняго чтенія духовно-нравственнаго содержанія книги и духовные журналы. Это почтенное братство существуетъ уже 23 годъ и, какъ видно изъ послѣдняго его отчета, дѣлаетъ все, что можетъ при своихъ средствахъ.

— «Новое Время» пишетъ, что по средамъ и пятницамъ квартира миссіонера аеонскаго русскаго монастыря, іеромонаха о. Арсенія, посѣщается довольно многочисленною публикою, преимущественно «пашковцами», съ которыми миссіонеръ ведетъ бесѣды, доказывая имъ ихъ заблужденіе. Труды миссіонера не прошли безслѣдно. Такъ, недавно о. Арсеній, ведя бесѣду съ «пашковцами», произвелъ на нихъ такое сильное впечатлѣніе своими неопровержимыми доводами объ ихъ заблужденіяхъ, что двое, находившіеся тутъ же, въ квартирѣ миссіонера, пашковца, отреклись отъ своего ученія и изъявили желаніе вновь перейти въ лоно православной Церкви.

— «Нов. Вр.» коснулось недавно вопроса объ обезпеченіи блага духовенства постояннымъ, опредѣленнымъ содержаніемъ взаимнѣтъхъ «добровольныхъ далній», которыми оно довольствуется теперь. Нигдѣ, говоритъ газета, во всемъ свѣтѣ духовенство не поставлено въ такое унижительное, тягостное положеніе въ отношеніи средствъ существованія, какъ у насъ на святой Руси, гдѣ поэтому духовенство и не пользуется не только должнымъ вліяніемъ на нравственную жизнь населенія, какъ въ другихъ странахъ, но не рѣдко ненормальными условіями своего матеріальнаго обезпеченія оскорбляетъ и охлаждаетъ религіозныя чувства народной массы. Серьезность

этого вопроса очевидна сама собою и тѣмъ не менѣе онъ никакъ не можетъ дожидаться своей очереди по той причинѣ, что будто разрѣшеніе его потребовало бы страшныхъ новыхъ расходовъ. Но если бы, продолжаетъ газета, это соображеніе и имѣло основаніе, то вѣдь здѣсь дѣло идетъ о расходѣ, который уже существуетъ для страны, но существуетъ не введенный въ правильныя, однообразныя нормы, весьма неуравнительный, ибо опредѣляется въ значительной степени произволомъ духовенства или самихъ плательщиковъ, т. е. эта платежная тяжесть населенія имѣетъ самую неудобную, самую нежелательную форму, слѣдовательно предстояло бы лишь упорядоченіе существующаго факта, которое отнюдь нельзя разсматривать какъ увеличеніе податной тягости населенія. Далѣе газета находитъ, что размѣры расходовъ на этотъ предметъ въ дѣйствительности совсѣмъ уже не такъ велики и невозможны, какъ это кажется и какъ это говорятъ. По ея словамъ, руководствуясь опубликованными недавно свѣдѣніями о численномъ составѣ бѣлаго духовенства православнаго исповѣданія въ Россіи и принимая въ расчетъ среднія нормы достаточнаго содержанія для разныхъ ранговъ духовенства, можно точно вычислить, сколько потребуется ежегодно расходовать на этотъ предметъ. Въ объясненіе приводимыхъ ниже цифръ замѣтимъ, лишь, что сельское духовенство у насъ повсемѣстно пользуется церковною землею, отъ которой въ сущности получаетъ добрую половину своего содержанія. Поэтому для сельскаго духовенства жалованье надобно разсматривать какъ добавочное содержаніе, а въ такомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, было бы вполне достаточно назначить жалованье въ среднихъ обладахъ священникамъ по 480 руб. въ годъ, діаконамъ—по 300 р., псаломщикамъ—по 180 р. Вышшимъ чинамъ бѣлаго духовенства (протоіерей) средній окладъ можно принять въ 1,000 руб. Въ такомъ случаѣ весь расходъ, включая городское и сельское бѣлое духовенство, составилъ бы:

Для 1,418 протоіересвъ	1.418,000 руб.
» 34,345 священниковъ	16.485,000 »
» 6,810 діаконѡвъ	2.043,000 »
» 42,271 псаломщиковъ	7.608,780 »
<hr/>	
Всего	27.554,780 руб.

Или, круглымъ счетомъ, до 27½ мил. рублей въ годъ. Но по бюджету Св. Синода уже ассигнуется на тотъ же предметъ 6 мил. рублей. Слѣдовательно доассигновать пришлось бы 21½ мил. руб-

лей въ годъ. Сумма крупная, безспорно, но не такая уже страшная, чтобы при 900-миліонномъ итогѣ государственныхъ расходовъ могла считаться непреодолимымъ препятствіемъ къ разрѣшенію вопроса такой большой важности. При томъ же, какъ мы уже замѣтили, въ этомъ случаѣ не потребовалось бы возлагать на населеніе новое податное бремя, а потребовалось бы только упорядочить, ввести въ систему существующіе на тотъ же предметъ платежи, сдѣлать ихъ болѣе уравнительными. Эта задача, конечно, требуетъ финансовыхъ соображеній, какъ ее разрѣшить, по новой платежной тягости не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ съ назначеніемъ содержанія духовенству всѣ потребности населенія въ отношеніи церковныхъ требъ и службъ должны будутъ удовлетворяться бесплатно. Ничего, разумѣется, нельзя было бы возразить противъ иной постановки дѣла, именно, чтобы эта задача отнесена была къ числу мѣстныхъ и разрѣшена была—помимо государства—мѣстными общественными учрежденіями или даже приходами. Но, къ сожалѣнію, мѣстная общественная жизнь у насъ совсѣмъ не организована и не приспособлена къ разрѣшенію такихъ задачъ. Вотъ почему и въ данномъ случаѣ до поры до времени только само государство въ состояніи поставить это дѣло надлежащимъ образомъ.

По этому поводу «Церк. Вѣстн.» замѣчаетъ:

«Обращаться такъ легко съ государственными милліонами можно лишь въ газетной статьѣ. Но развѣ мыслимо при настоящихъ условіяхъ вѣрить и говорить серьезно о томъ, чтобы государство взяло на себя новый, болѣе чѣмъ двадцати милліонный расходъ и при томъ еще съ сомнительною надеждою на дѣйствительное обезпеченіе духовенства и на возможность достигнуть этою затратою устраненія тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыя существуютъ теперь между духовенствомъ и паствою вслѣдствіе полной матеріальной зависимости перваго отъ послѣдней. Гораздо болѣе возможности для разрѣшенія этого вопроса представляетъ собою мысль о передачѣ его въ вѣдѣніе мѣстныхъ городскихъ и земскихъ обществъ и при этомъ должно только пожалѣть, что когда въ этихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ проявилось было стремленіе къ рѣшенію вопроса, то этимъ никто не постарался воспользоваться, вслѣдствіе чего всякія начинанія въ этомъ направленіи скоро заглохли.

Наравнѣ съ вопросомъ о необходимости матеріальнаго обезпеченія духовенства стоитъ вопросъ объ обезпеченіи заштатнаго духовенства, вдовъ и сиротъ его и наконецъ о воспитаніи сиротъ-дѣ-

вочекъ. Всякій, говоритъ «Церк. Вѣстн.», понимаетъ, что отъ удовлетворительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ весьма много зависитъ самый характеръ служенія духовенства и слѣдовательно степень нравственнаго его воздѣйствія на общество. Человѣкъ, не обезпеченный въ настоящемъ и постоянно обезпокоиваемый заботами о своемъ собственномъ будущемъ, а равно и своей семьѣ, если и является иногда безкорыстнымъ труженикомъ, самоотверженнымъ исполнителемъ своего долга, то его поведение естественно считается какимъ-то исключеніемъ, подвигомъ. Большинство же, къ сожалѣнію, является слабымъ и подъ вліяніемъ гнетущей нужды оказывается совсѣмъ не на высотѣ своего положенія. Поэтому вопросы объ обезпеченіи заштатныхъ, вдовъ и сиротъ духовенства имѣютъ такое же, если еще не большее значеніе, какъ и вопросъ объ обезпеченіи служащаго духовенства. Къ сожалѣнію и въ этомъ отношеніи у насъ сдѣлано еще очень мало, да и трудно сказать, когда будетъ сдѣлано даже то, что по видимому вполне возможно. Напр., развитіе и объединеніе частныхъ эмеритальныхъ кассъ въ одной общей, центральной, что можетъ служить главнымъ средствомъ къ обезпеченію заштатнаго духовенства и его вдовъ и сиротъ, замедляется настолько, что объ этомъ предметѣ теперь и не говорятъ. Или, напр., устройство пріютовъ-руководѣльныхъ школъ въ епархіяхъ для тѣхъ сиротъ-дѣвочекъ, которыя по малоуспѣшности не могутъ продолжать образованіе въ епархіальныхъ училищахъ, не смотря на всю важность и необходимость этого дѣла, подвигается тоже очень медленно. Вотъ что по этому поводу напечатано недавно на страницахъ «Самар. Еп. Вѣдом.».

«Матери и лица, взявшія на себя попеченіе о сиротахъ, оставляютъ училище, унося съ собою нерѣдко негодованіе на лицъ, которыя производили экзамены, тогда какъ экзаменаторы поставлены бывають между двумя равно нежелательными рѣшеніями. Имъ остается на выборъ, пожалѣть сиротъ ради сиротства ихъ—это значитъ превратить учебное заведеніе въ благотворительное, пзъ учебно-образовательнаго сдѣлать его постояннымъ на нѣсколько лѣтъ ночлежнымъ пріютомъ и вмѣстѣ дешевой столовой для принятыхъ и отказать другимъ дѣтямъ, подающимъ всѣ надежды на усиленное ученіе. Съ другой стороны, отказать безпріютнымъ—это значитъ завѣдомо повергать ихъ въ безотрадную и непроглядную тьму бѣдности и полнаго невѣжества. Сироты, мало подготовленные и малоразвитыя до поступленія въ училище, принятыя въ училище послѣдними, такъ и идутъ большею частію послѣдні-

ми. Состраданіе къ нимъ удвоиваетъ вниманіе къ нимъ со стороны учебно-воспитательнаго персонала заведенія. Но вотъ кончились годичныя испытанія. Какъ быть съ малоуспѣшными и малоподающими надеждъ? Онѣ, по принятому въ заведеніяхъ порядку, оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ, съ липеніемъ епархіальнаго содержанія. Изъ года въ годъ повторяются сцены плача воспитанницъ-сиротъ, ухватившихся было за епархіальное училище, какъ за единственную надежду своего спасенія и отрываемыхъ отъ него своею малоуспѣшностью. Плачъ сиротъ, трудолюбивыхъ, но малоуспѣшныхъ и малоспособныхъ къ теоретическому ученію, производитъ удручающее впечатлѣніе и на ихъ подругъ, и на ихъ воспитателей. Проучившись въ училищѣ годъ-два, сироты невѣдомо куда скрываются и какъ онѣ живутъ, объ этомъ мы не знаемъ. Кто и какъ перемѣнилъ ихъ участь горькую и сдѣлалъ ее пріятною? Не разъ испытывали мы истинное утѣшеніе, читая въ лѣтописяхъ епархіи за прежнее время о томъ участіи, какое бывало принимало духовенство въ положеніи сиротствующихъ, хотя это участіе не всегда отыскивало вѣрные пути для оказанія сиротствующимъ дѣйствительной помощи. Въ 1871—1875 годахъ состраданіе къ сиротамъ было такъ велико въ духовенствѣ, что духовенство, руководимое своимъ благожелательствомъ сиротству, едва не превратило—само того не подозревая—училище дѣвицъ просто въ пріютъ, чѣмъ, конечно, причиневъ былъ бы великій вредъ самому же духовенству. Сироты питались бы и учились—и больше питались, чѣмъ учились—а дочери состоящихъ на службѣ епархіи родителей оказались бы внѣ просвѣтительнаго и облагораживающаго вліянія образованія, которое дочерямъ сельскаго духовенства доступно только благодаря существованію епархіальныхъ женскихъ училищъ. Но, повторяемъ, справедливость заставляетъ сказать, что духовенство самарской епархіи всегда прежде было чутко къ слезамъ сиротъ, отзывчиво на ихъ нужды и щедро. Ужели христіанская благотворительность ослабла въ духовномъ сословіи? Ужели ему не жалко сиротъ? Развѣ духовенству не извѣстны прискорбные случаи печальныхъ послѣдствій непосильной борьбы безпріютныхъ сиротъ съ ихъ долей? Правда, сироты наши плачутъ такъ тихо, что только ангелы ихъ на небесахъ слышатъ ихъ плачъ и собираютъ ихъ слезы; но тѣмъ больше слѣдуетъ намъ о нихъ подумать».

— Въ газетѣ «День» помѣщена статья о необходимости соединенія календарей въ привислянскомъ краѣ, гдѣ, какъ извѣстно,

существуютъ два календаря, юліанскій (православный) и григорианскій (католическій), разнящіеся на 12 дней, въ силу чего и такіе праздники, какъ Рождество Христово и Пасха, празднуются тамъ православными и католиками разновременно. Это безспорно, ненормальное явленіе, тормозящее правильное и спокойное теченіе жизни. Вотъ какіе вредные результаты отсюда получается:

Въ привислянскомъ краѣ очень много, такъ называемыхъ, смѣшанныхъ браковъ, т. е. браковъ православныхъ съ иновѣрцами и преимущественно съ католиками. Существованіе и употребленіе въ семьѣ двухъ календарей служитъ предметомъ постоянныхъ соблазновъ, семейныхъ раздоровъ и нестроеній. Постѣдніе дни рождественскаго поста и страстной седмицы по православному календарю почти всегда совпадаютъ съ первыми днями католическихъ праздниковъ. Праздники эти по польскимъ обычаямъ проводятся всегда весело, шумно, съ пѣснями, музыкою, плясками и улпчнымъ гамомъ. Что же должны чувствовать православныя лица, видя и слыша въ такіе великіе дни, въ дни покаянія и молитвы въ нѣдрахъ своей собственной семьи и на улицѣ этотъ широкій разгулъ, а подчасъ и издѣвательство надъ ихъ религіозными убѣжденіями? Не у многихъ достаетъ силы воли устоять противъ соблазновъ,—большая часть и особенно молодежь раздѣляютъ все праздничныя развлеченія католиковъ. Вредно такое положеніе дѣла отзывается на экономическомъ положеніи населенія. Для крестьянина, какъ всякому хорошо извѣстно, рабочіе дни всегда дороги, а въ лѣтнюю страду время положительно для него драгоцѣнно. Праздновать крестьянской семьѣ въ это время праздники вдвойнѣ положительно невымыслимо, разорительно. Въ данномъ случаѣ дѣло рѣдко идетъ на компромиссъ; въ большинствѣ же случаевъ положеніе православныхъ членовъ семьи страдательное: всякая попытка ихъ праздновать только православныя праздники ведетъ къ крупнымъ семейнымъ непріятностямъ и нестроеніямъ. И вотъ волей-неволей члены православной семьи вмѣстѣ съ дѣтьми идутъ въ костелы и празднуютъ только католическіе праздники. Воспитанныя при такихъ условіяхъ, дѣти гибнутъ для православія, и легко ополячиваются. Существованіемъ двухъ календарей въ привислянскомъ краѣ—православнаго и католическаго вызывается и антагонизмъ религіозный между общественными классами, особенно вредно отзывающійся на бѣдныхъ безземельныхъ крестьянахъ. Постѣдніе поступаютъ обыкновенно на работу къ польскимъ помещикамъ и арендаторамъ-католикамъ. Здѣсь снова выступаетъ во

всей силѣ тотъ же роковой календарный вопросъ. Никакія мѣропріятія гражданской власти, ни усилія и заботы православнаго духовенства не въ состояніи поставитъ здѣсь дѣло въ нормальныя условія. Даже благонамѣренныя и добросовѣстные поляки-помѣщики принуждены бывають обходить запретительныя распоряженія администраціи, находя для себя убыточнымъ освободить рабочихъ въ православныя и католическія праздники. Подъ вліяніемъ же религіознаго фанатизма нерѣдко выступаютъ при этомъ факты рѣзкіе, положительно оскорбительныя для православнаго чувства, и бѣдный рабочій православный людъ долженъ бываетъ, ради насущнаго куска хлѣба, подчиняться всѣмъ этимъ тяжелымъ условіямъ, затаивая лишь въ душѣ своей озлобленіе. Широко пользуется одновременнымъ существованіемъ двухъ календарей католическая пропаганда, поселяя въ упорствующихъ и неокрѣпшихъ еще въ православіи различныя превратныя понятія о православной церкви. Вредно отзывается этотъ вопросъ на ходѣ учебнаго дѣла въ привислянскомъ краѣ. Обширные рождественскіе и пасхальныя каникулы, частые праздники отнимають массу учебнаго времени и такимъ образомъ представляютъ серьезное препятствіе къ выполненію положенныхъ программъ. Въ силу тѣхъ же условій судебное вѣдомство испытываетъ часто затрудненіе въ назначеніи времени ея отправленія правосудія въ краѣ.

Дѣйствительно, пора бы положить конецъ этой ненормальности, отъ которой принуждено страдать населеніе привислянскаго края, замѣнить григоріанскій календарь юліанскимъ, тѣмъ болѣе, что такая замѣна нисколько не обременительна для католиковъ. Вѣдь въ Вильнѣ и во всѣхъ западныхъ губерніяхъ католическія праздники празднують одновременно съ православными по юліанскому календарю. Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, папская курія даже сама пришла къ мысли праздновать католическую пасху вмѣстѣ съ православными, и это распоряженіе папскаго престола имѣло и имѣетъ самыя благіе результаты: католическая пасха всегда совершается здѣсь спокойно и мирно.

— Число русскихъ членовъ въ первенствующемъ ученомъ учрежденіи въ Россіи, именно въ академіи наукъ, еще увеличилось. 29 декабря было торжественное собраніе Императорской академіи наукъ, въ присутствіи высокопреосвященнаго митрополита Исидора, высокопреосвященныхъ архіепископовъ Леонтія, Сергія, Θεогноста, преосвященныхъ епископовъ Антонія, ректора духовной академіи, и Владиміра нарвскаго, Оберъ-Прокурора Св. Синода д. т. с. К. П.

Побѣдоносцева и многихъ высокопоставленныхъ свѣтскихъ лицъ, и въ томъ собраніи, послѣ чтенія обычныхъ отчетовъ, были провозглашены имена лицъ, вновь избранныхъ академіею въ члены, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма популярны въ Россіи. Званіе почетнаго члена академіи изволялъ принять князь Николай Черногорскій; кромѣ того въ число почетныхъ членовъ избраны высокопреосвященный Платонъ, митрополитъ кіевскій, и Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій. Въ члены корреспонденты избраны, въ числѣ другихъ: по математикѣ—профессоръ стокгольмскаго университета С. В. Ковалевская (дочь русскаго); по отдѣленію русскаго языка и словесности: Н. Н. Страховъ, Виконтъ Шарль Мельхиоръ де-Вогюз (Vogüe), профессоръ берлинскаго университета по славянской филологіи Александръ Брюкнеръ, и юго-славянскій филологъ, редакторъ академическаго словаря въ Загребѣ—Петръ Будмани; по историко-филологическому отдѣленію по разряду историко-политическихъ наукъ, ординарный профессоръ московскаго университета, В. О. Ключевскій.

— Не такъ давно было общее собраніе полтавскаго отдѣленія правоставнаго миссіонерскаго общества, по поводу его первой годовщины. Въ собраніи были сообщены обычныя свѣдѣнія и затѣмъ обсуждался одинъ новый и весьма любопытный вопросъ. Дѣло—въ слѣдующемъ. Членъ отдѣленія, свящ. Н. Сильвестровъ, донесъ, что, приглашая въ недѣлю православія своихъ прихожанъ къ пожертвованіямъ на нужды миссіонерства, онъ разъяснилъ и ученикамъ церковно-приходской школы въ с. Федіевѣ значеніе миссіонерскаго общества и проч., вслѣдствіе чего школа, какъ объяснилъ названный священникъ, въ полномъ своемъ составѣ (почетчикъ, учитель и учащихся 70 мальчиковъ) вручила ему 6 марта три рубля и просила ходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ, о признаніи школы членомъ общества, Ходатайство это обсуждалось въ засѣданіи комитета 26 марта и, такъ какъ тогда мнѣнія по этому дѣлу раздѣлялись, перешло на разсмотрѣніе общаго собранія. И здѣсь мнѣнія раздѣлялись. Въ концѣ-концовъ собраніемъ было постановлено: ходатайство свящ. о. Николая Сильвестрова удовлетворить, съ присвоеніемъ федіевской церковно-приходской школѣ званія дѣйствительнаго члена миссіонерскаго общества.

Исслѣдованіемъ протекшей церковной жизни въ епархіяхъ съ несомнѣннымъ усердіемъ занимаются мѣстныя ученныя коммисіи; но эти исслѣдованія нрѣдко мало удовлетворяютъ производящихъ ихъ лицъ. По поводу, наиримѣръ, нижегородской церковно-археоло-

логической комиссіи въ епарх. вѣдомостяхъ замѣчается, что съ разработкой архивовъ ей, Богъ дастъ, и удастся многое что совершить, помимо другого, и въ области образованія приходовъ; въ данное же время по открытымъ источникамъ, какъ «клеровыя вѣдомости» и особо составленныя «церковныя лѣтопися», не многое можно сказать по этому предмету. Какъ въ клеровыхъ вѣдомостяхъ, такъ и въ церковныхъ лѣтописяхъ дѣло ограничивается «настоящимъ храмомъ и приходомъ» съ упоминаніемъ на основаніи преданій или «памяти стариковъ», за несохранившимися документами по большей части по случаю пожара, о прежде бывшемъ храмѣ, и только; а все это много-много восходитъ до половины XVII вѣка, тогда какъ жизнь церкви Изювской началась въ концѣ первой четверти XIII вѣка.

Для скорѣйшаго распространенія грамотности въ казанской епархіи принята очень крутая и рѣшительная мѣра, именно — вмѣнено въ непремѣнную обязанность всѣмъ настоятелямъ церквей, подъ опасеніемъ штрафа за ослушаніе, во всякой деревнѣ, гдѣ нѣтъ школы ни министерской, ни земской, ни церковно-приходской или братской, съ прошлаго октября открыть школы грамотности, въ которыхъ, подъ ихъ, настоятелей, наблюденіемъ, должны обучать дѣтей или члены причта или дѣти послѣднихъ или ученики, успѣшно учившіеся въ другихъ школахъ, съ вознагражденіемъ около 3 рублей въ мѣсяць пзъ суммъ уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта, какъ то сдѣлало уже въ примѣръ другимъ ланшевское отдѣленіе совѣта. Не поставитъ ли это распоряженіе, вызванное представленіемъ епарх. уч. совѣта, нѣкоторыхъ священниковъ въ почти безвыходное положеніе?

— Нѣкоторые земства сдѣлали опытъ учрежденія въ народныхъ школахъ повторительныхъ занятій для окончившихъ раньше курсъ ученія учениковъ. Опыты оказались удачны. въ «Русск. Вѣд. сообщаются по этому предмету слѣдующіе любопытные факты. — Въ Вятскомъ уѣздѣ въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года, съ разрѣшенія г. инспектора народныхъ училищъ, были открыты при четырехъ начальныхъ земскихъ училищахъ воскресныя повторительныя занятія съ окончившими курсъ ученія въ тѣхъ же земскихъ школахъ, давнія, по отчету уѣздной управы минувшему очередному уѣздному собранію, вполне удовлетворительный результатъ. Всѣхъ учащихся въ четырехъ воскресныхъ школахъ, по словамъ названнаго доклада управы, было за первую половину настоящаго года 87. Въ виду тѣхъ результатовъ, которые получены отъ воскресныхъ

занятій за первую половину текущаго года въ настоящее время вятскою уѣздною управою проектируется учрежденіе таковыхъ же занятій, сверхъ существующихъ при четырехъ школахъ, еще при шести училищахъ, причемъ при одномъ городскомъ мужскомъ училищѣ въ г. Вяткѣ воскресныя занятія уже начались съ ноября мѣсяца.—Подобный же опытъ сдѣланъ Казанскимъ земствомъ и также удачно. Въ 1882 г. Казанское губернское земство рѣшило ввести въ народныхъ школахъ повторительныя занятія и постановило ежегодно вносить въ смѣту на ихъ постановку по 3,360 руб. Первоначально въ видѣ опыта такого рода занятія открыты были при четырехъ школахъ въ каждомъ уѣздѣ, въ формѣ воскресно-повторительныхъ классовъ. Имѣлось въ виду, что это дѣло скоро укрѣпится, войдетъ въ обычай и будетъ развиваться помимо участія губернскаго земства. Предположеніе это оказалось вѣрнымъ; уѣздныя земства начинаютъ сознавать пользу повторительныхъ классовъ, и напримѣръ въ Свіяжскомъ уѣздѣ они существуютъ уже при 21 школѣ. Кромѣ собственно повторительныхъ занятій, направленныхъ исключительно къ укрѣпленію и возобновленію пріобрѣтенныхъ ранѣе въ школахъ свѣдѣній, устраиваются дополнительно-повторительныя классы. Нѣкоторые земства придали особое значеніе дополнительнымъ занятіямъ и организуютъ ихъ въ видѣ «четвертыхъ отдѣленій» (въ земскихъ школахъ обыкновенно три отдѣленія). Занятія въ четвертыхъ отдѣленіяхъ происходятъ если не каждый день, то 3—4 раза въ недѣлю, въ иныхъ мѣстахъ днемъ, по вечерамъ—въ другихъ, и эти отдѣленія посѣщаются весьма охотно и усердно. Дополнительно-повторительныя классы при земскихъ училищахъ поставлены въ связь съ другимъ полезнымъ учрежденіемъ,—такъ называемыми образцовыми библіотеками, которыя организованы также губернскимъ земствомъ въ 150 пунктахъ губерніи. Дѣло это еще совсѣмъ новое, но уже даетъ хорошіе плоды. Съ 1888 г. рѣшено ежегодно покупать для библіотекъ на 3,000 р. изданій; въ первый годъ разослано по библіотекамъ по 46 названій, въ слѣдующій по 57. Въ отчетѣ своемъ губернская управа, на основаніи собранныхъ свѣдѣній, говоритъ, что «книги разобраны и читались весьма охотно, такъ что польза, приносимая библіотеками, несомнѣнна». Потеряно книгъ въ 1888 г. только на 15 руб. половина которыхъ сгорѣла во время пожаровъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1890 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей. Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта. 2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету. 3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей. 4. Обзорнія преподаванія по полугодіямъ. 5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся. 6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библиотеку и въ студентскій ея отдѣлъ. 7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета. 8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-испомогательныхъ заведеній Университета. 9. Годичные отчеты по Университету. 10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями. 11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации. 1^а. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ. 13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей 14. Ученые труды преподавателей и учащихся. 15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—официальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неофициальная: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отд. V—*критико-библиографическій*—посвящается критическому обзорнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника* включаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели библиотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1890 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ перес. шесть рубъ пятьдесятъ к., а съ пересылкою семь рубъ. Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 200/о.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владимира платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглобину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крещатику, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владимира.

Главный Редакторъ *В. Иконниковъ*.

1890 годъ. *Открыта подписка* годъ VII.

НА БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОССІЯ“

Роскошное еженедѣльное изданіе со множествомъ рисунковъ, исполненныхъ красками, фототипіей и новымъ приспособленнымъ способомъ.

въ журналъ примутъ участіе выдающіеся русскіе художники и литераторы. Предполагая въ наступающемъ году значительно расширить программу и объемъ журнала, редакция «Россія» дастъ своимъ подписчикамъ слѣдующіе литературный и художественный отдѣлы:

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ ВОЙДУТЬ.

Историческіе и бытовые романы и повѣсти, рассказы изъ русской жизни, произведенія лучшихъ иностранныхъ писателей, очерки, сцены, стихотворенія, поэмы, мелочи, замѣчательныя анекдоты, разнообразный отдѣлъ смѣси и этнографическія описанія. Въ каждомъ номерѣ будутъ помѣщаться: театральная хроника, статьи по литературѣ, искусству и исторіи; путевые очерки; политическое обозрѣніе, распоряженія правительства, новости, слухи, и пр.

Съ перваго номера журнала начнется печатаніемъ большая историческая повѣсть, иллюстрированная оригинальными рисунками и вишнетками,

«ПОТАПЫЧЪ И МЕДВѢДЬ».

(Сочиненіе Н. И. Аксакова).

Въ художественномъ отдѣлѣ помѣщаются: I. Иллюстрація на выдающіяся событія изъ текущей жизни, II. Оригинальныя фотографическія приложенія, III. Историческія картины, IV. Оригинальныя рисунки въ краскахъ (русскихъ художниковъ) V. Сцены изъ русской жизни, VI. Портреты извѣстныхъ дѣятелей, VII. Акварели съ натуры, VIII. Типы народовъ Россіи, IX. Пейзажи, X. Деревенскія сцены и картины. Множество вишнетокъ и иллюстрацій къ романамъ, повѣстямъ, рассказами и стихотвореніямъ.

Гг. подписчикамъ на 1889 г. будутъ выданы двѣ художественно-исполненія премій.

1) Большая хромо-фототипія съ картиною профессора В. В. Пукирева

«**НЕРАВНЫЙ БРАКЪ**»

Въ свое время, появленіе въ свѣтъ этой замѣчательной, полной драматизма, картины, произвело громадный фуроръ и, какъ русскіе, такъ и иностранныя журналы были наполнены восторженными отзывами объ этомъ дѣйствительно выдающемся произведеніи русской живописи.

В. В. Пукиревъ за картину „Неравный Бракъ“ получилъ званіе профессора.

2) «УТРО ЧИНОВНИКА, ПОЛУЧИВШАГО ПЕРВЫЙ КРЕСТЬ».

Съ знаменитой картины художника П. А. Федотова (оригиналъ хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ).

Кромѣ того всѣмъ г.г. подписчикамъ будетъ выданъ: «Альбомъ племенъ и народовъ Россіи», заключающій въ себѣ до сорока типовъ, исполнен. красками. Каждый номеръ журнала будетъ заключать въ себѣ: до 2000 строкъ разнообразнаго литературнаго текста и четыре страницы оригинальныхъ рисунковъ въ краскахъ, кромѣ вишнетокъ.

Въ теченіи года выйдетъ въ свѣтъ 50 номеровъ и 200 оригинальныхъ рисунковъ.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 5 р., съ доставкою въ Москвѣ 6 р., съ пересылк. во всѣ города Россіи 7 р. На полгода безъ доставки 3 р., съ доставкою въ Москвѣ 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 р.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи, Москва, Солянка, домъ Котельныхъ.
Редакторъ-Издатель І. И. Пашновъ.

Подъ редакціею С. С. ОКРЕЙЦА въ 1890 году выходитъ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ, ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“.

Открывая подписку на это изданіе, С. С. Окрейцъ разсчитываетъ въ особенности на поддержку своихъ старыхъ подписчиковъ, не оставившихъ его, когда онъ десять лѣтъ былъ редакторомъ журн. «Лучъ».

Съ 1 Ноября сего года въ журн. «Лучъ» С. С. Окрейцъ болѣе не участвуетъ. Вся его дѣятельность исключительно посвящается «Иллюстрированному Міру».

Оставаясь все тѣмъ же, сохраняя и исповѣдуя прежнія убѣжденія и идеи, онъ надѣется придать новому своему изданію тѣ-же особенности и качества, которые приходились столько лѣтъ по вкусу русскимъ читателямъ.

Подписчики на «Иллюстр. Міръ» получаютъ:

1) Пятьдесятъ два великолѣпныхъ иллюстрированныхъ номера, каждый съ передовою статьею С. С. Окрейца, корреспонденціями со всѣхъ концовъ Россіи и статьями по экономическимъ вопросамъ.

2) Въ приложеніи: будутъ помѣщаться романы преимущественно оригинальные.

Въ 1890 г. въ отдѣлѣ этомъ будутъ напечатаны: «Кто виновать?», ром. С. С. Окрейца «Вильно во дни Муравьева», большой историческій ром. и мног. другіе.

3) Будетъ данъ: альбомъ—портретная галлерей, составленная изъ портретовъ, художественно исполненныхъ, гг. министровъ, сановниковъ, іерарховъ церкви, писателей, актеровъ и иныхъ замѣчательныхъ лицъ.

Кромѣ сего, какъ бесплатная большая премія, будетъ послана подписчикамъ:

4) ВЕЛИКОЛѢПНАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ НАРТИНА.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою и всѣми бесплатными преміями за годъ 6 руб., безъ доставки 5 р. За полгода съ дост. 3 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ конт. редак.: Лештуковъ пер., д. 12.

Программа неоффициальной части Полтавскихъ Губернск. Вѣдомост.

ОТДѢЛЪ I-й. Мѣстный. Сюда входятъ матеріалы и свѣдѣнія, относящіеся до мѣстности: географическіе, топографическіе, историческіе, археологическіе, статистическіе, этнографическіе; вопросы народнаго образованія и народнаго хозяйства; народныя нравы и обычаи (юридическіе и бытовые); секты и борьба съ ними; вопросы народнаго здравія и проч.; о чрезвычайныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ въ мѣстности; статьи и свѣдѣнія объ урожаяхъ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, рынкахъ, судоходствѣ, о рыночныхъ и справочныхъ цѣнахъ, состоявшихся торговыхъ и другихъ обществахъ, о выданныхъ привиллегіяхъ на изобрѣтенія; некрологи извѣстныхъ въ губерніи лицъ; о замѣчательныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ въ другихъ губерніяхъ; отчеты о дѣйствіяхъ разныхъ учрежденій и обществъ по предметамъ особенной важности и проч. ОТДѢЛЪ II-й. Телеграммы и политическія извѣстія (иностранный отдѣлъ). ОТДѢЛЪ III-й. Юридическій,—въ коемъ будутъ помѣщаться слѣдующія дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ засѣданіяхъ Полтавскаго и Лубенскаго Окружныхъ Судовъ; стенографическіе отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и періодическія свѣдѣнія о движеніи дѣлъ; кромѣ того—замѣчательнѣйшіе судебные процессы судебныхъ и мировыхъ учрежденій другихъ губерній, замѣствуемые изъ Правительственнаго Вѣстника и другихъ изданій. ОТДѢЛЪ IV-й.—Статьи о музыкальныхъ и драматическихъ произведеніяхъ. (Театральныя корреспонденціи, рецензіи и проч.). ОТДѢЛЪ V-й. Частныя объявленія о продажахъ, покупкахъ, отдачѣ въ наймы; о предложеніи услугъ или о вызовѣ для этого; о бѣжавшихъ и безъ вѣсти пропавшихъ; о потеряхъ и покражахъ довѣренностей; о потеряхъ, покражахъ и уничтоженіи другихъ актовъ; о вызовѣ частными лицами кредиторовъ и должниковъ, и вообще всѣ приличныя и умѣстныя объявленія частныхъ лицъ.

БИБЛИОГРАФЪ

1890.

ВѢСТНИКЪ

Годъ VI.

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ, И ИСКУССТВА.

Журналъ библиографическій, критическій и историческій.
Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАТЬ для основныя библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библиотекы духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библиотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературныя и библиографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библиографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ периодич. изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. Ѡ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, Я. Ѡ. Березинъ-Ширлеви, проф. К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, П. В. Биковъ, Е. А. Бѣловъ, проф. П. В. Владиміровъ, Н. В. Губертъ, П. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. П. И. Карѣевъ, Д. Ѡ. Кобско, П. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, А. Е. Молчановъ, Н. Н. Оглобинъ, С. Ѡ. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташницкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ, П. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ съ достав. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 руб. Отдѣльно номеръ 50 к., съ перес. 60 коп.

Плата за объявленія: страница—8 руб.; $\frac{3}{4}$ стран.—6 руб. 50 к.; $\frac{1}{2}$ стран.—4 р. 50 коп.; $\frac{1}{4}$ стран.—2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ стран.—1 р. 50 к.

( ) новыхъ книгъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени»—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кроме того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гд. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій) просп., д. № 7, кв. 13

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полныя комплекты «Библиографа» за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 гг. продаются по 5 руб. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 коп. 2) Библиографическій указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 коп. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библиографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библиографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 р. за выг. 4) Библиограф. списокъ литерат. трудовъ К. Н. Вестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 к.—Книгопродавцамъ обычная уступка. Редакт. *Н. М. Ливовскій.*

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.